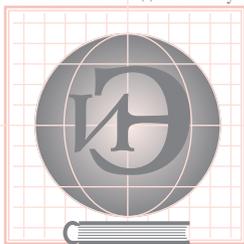

Российская академия наук

Институт экономики

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ
ЭКОНОМИКИ В СТРАНАХ
ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО МИРА

Москва
2020

ББК 65.013.8
Т 65

Рецензенты:

доктор экономических наук, доцент Полозков М.Г.
доктор экономических наук, доцент Карамова О.В.

Трансформация моделей экономики в странах постсоциалистического мира:
Т 65 Монография / Отв. ред. М.О. Тураева, Л.Б. Вардомский. – М.: ИЭ РАН, 2020. – 192 с.
ISBN 978-5-9940-0672-6

Аннотация. Итоговая монография по проекту РФФИ № 18-010-00141-А посвящена исследованию новых форм и моделей капитализма, сформировавшихся или формирующихся в постсоциалистических странах в ходе их общественно-экономической трансформации. Авторы делают попытку проанализировать эти преобразования, основываясь на формах и способах интеграции постсоциалистических стран в мировую экономику, специфических сочетаниях факторов их внутреннего социально-экономического развития и наличии (или отсутствии) в них особых типов институциональной комплементарности. В монографии показано, что рассматриваемые страны постсоциалистического мира отличаются по масштабам и глубине системной трансформации, а мировой экономический кризис, многократно усугубившийся пандемией COVID-19, неизбежно ведет к необходимости поиска новых ниш на мировых рынках и в глобальных цепочках добавленной стоимости.

Ключевые слова: постсоциалистические страны, системная трансформация, модели капитализма, типология, компаративный анализ, региональная интеграция, институциональная комплементарность, механизмы координации, социальная цена реформ, гибридная экономика, Россия.

Классификация JEL: F02, F14, F29, H10, H54, H55, O11, O15, O17, O50, P10, P11, P21, P27, P41, P50.

Transformation of market economy patterns in the post-socialist world: Monograph / Editor-in-chief M.O. Turaeva, L.B. Vardomsky. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020. – 192 p.

Abstract. The final monograph under the RFBR project No. 18-010-00141-A is devoted to the study of new forms and models of capitalism that have formed or are emerging in post-socialist countries in the course of their socio-economic transformation. The authors attempt to analyze these transformations based on the forms and methods of integration of post-socialist countries into the world economy, specific combinations of factors of their internal socio-economic development and the presence (or absence) of special types their institutional complementarity. The monograph shows that the countries of the post-socialist world under consideration differ in the scale and depth of systemic transformation, and the global economic crisis, exacerbated by the COVID-19 pandemic, inevitably leads to the need to search for new niches in world markets and in global value chains.

Keywords: post-socialist countries, systemic transformation, varieties of capitalism, typology, comparative analysis, regional integration, institutional complementarity, coordination mechanism, social price of reforms, hybrid economy, Russia.

JEL Classification: F02, F14, F29, H10, H54, H55, O11, O15, O17, O50, P10, P11, P21, P27, P41, P50.

ББК 65.013.8

© Институт экономики РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© В.Е. Валериус, дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	8
Глава 1. Развитие методологии компаративных исследований капитализма	12
Глава 2. Модель экономики в странах Центрально-Восточной Европы... ..	40
Глава 3. Модель государственного капитализма в Китае: сущность и направления эволюции.....	79
Глава 4. О специфике национальных моделей экономики в постсоветских странах.....	100
Глава 5. Социальная ориентированность моделей экономики транзитных стран: попытка сравнительного анализа.....	128
Глава 6. Евразийская интеграция как отражение национальных особенностей экономического развития стран-участниц.....	165
Литература.....	186

*Памяти С.П. Глинкиной,
заслуженного деятеля науки
Российской Федерации, доктора
экономических наук, профессора*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Настоящая монография стала итогом работы научного коллектива по проекту Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Анализ моделей рыночной экономики в постсоциалистическом мире»¹, реализованного в 2018–2020 гг. Идея, концепция и способы научного решения этого проекта принадлежат Светлане Павловне Глинкиной, заслуженному деятелю науки РФ, доктору экономических наук, профессору.

Исследование моделей экономического развития важно с разных точек зрения, прежде всего для выявления наиболее успешных мировых практик по их разработке и применению. Оно также необходимо для выстраивания экономических отношений и расширения взаимовыгодного сотрудничества со странами, применяющими иные модели развития, для лучшего понимания их интересов и возможностей для взаимной адаптации экономик. Представления о моделях рыночной экономики меняются, чему, собственно, и посвящены исследования в рамках реализованного проекта. В центре внимания исследования находятся постсоциалистические страны, которые прошли или все еще проходят рыночную трансфор-

1. Грант РФФИ № 18-010-00141 А.

магию. Особое значение это имеет в рамках интеграционных объединений, требующих координации программ и стратегий социально-экономического развития стран-участниц.

Поиск наиболее эффективной модели развития остается особенно актуальной задачей в условиях турбулентности мировой экономики. Предпринятые ранее попытки выделить разновидности капитализма, сложившиеся в бывших социалистических странах, базируясь на традиционных подходах, разработанных для стран развитого капитализма, оказались не вполне убедительными. После ухода с исторической арены мировой социалистической системы наступила эпоха доминирования и расцвета капиталистических отношений, основанных на либеральных концепциях. Либеральная рыночная идея стала рассматриваться как единственная в своем роде, могущая привести любое государство к экономическому успеху. Однако жизнь оказалась сложнее и разнообразнее, а универсальный подход к моделям развития не выдержал испытания финансово-экономическим кризисом 2008—2009 гг. Сдвиг экономики в страны Азии, развивающиеся не по клише евроатлантического мира, и, конечно, глобальная пандемия COVID-19 также заставили усилить регуляторные функции государств и ограничить свободы граждан и бизнеса. Справедливо вновь встает вопрос о том, что первично, институты или ресурсы развития (факторы производства товаров и услуг)². И если западный мейнстрим безальтернативно определяет первичность либеральных институтов, опыт азиатских стран свидетельствует в пользу только тех институтов, которые позволяют наиболее эффективно использовать национальные ресурсы. Таким образом, реальная экономическая жизнь потребовала расширения типологического ряда моделей капитализма с учетом конкретных условий развития исследуемых стран.

2. Создавать и внедрять институты, которые отберут наиболее перспективные для стран ресурсы, или создавать институты по наиболее эффективному использованию уже имеющейся в странах базы.

Тема крупномасштабных социально-экономических и политических изменений конца XX — начала XXI в., особое место среди которых заняли постсоциалистические трансформации, затронувшие почти три десятка стран, находилась в непосредственном фокусе научных интересов профессора С.П. Глинкиной, и большой вклад в развитие данного направления принадлежит именно ей. Она стала разработчиком оригинальной методологии многоуровневого анализа трансформационных процессов, предусматривающей изучение взаимовлияния изменений на национальном, региональном и глобальном уровнях. Благодаря ее научным поискам и идеям была создана методология исследования путей формирования частных капиталов на базе сочетания формальных и неформальных институтов³.

В 2016 г. С.П. Глинкина опубликовала доклад «К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации»⁴, в котором она исследовала существующие методологические подходы к анализу разнообразия моделей современного капитализма. В своем исследовании она пришла к выводу о возникновении на постсоциалистической почве не свойственных для развитых западных государств моделей капитализма. Речь идет, в частности, о государственном, клановом и зависимом капитализме, для которых характерны альтернативные экономические механизмы координации, тесно связанные с относительно стабильным набором комплементарных институтов, обеспечивающих странам специфические сравнительные преимущества. Особенно профессора С.П. Глинкину беспокоили вопросы формирования модели развития России, институциональная гибридность экономической системы которой порождает

3. По данному научному направлению Светлана Павловна опубликовала более 270 работ, включая авторские и коллективные монографии, брошюры, научные доклады. География публикаций профессора С.П. Глинкиной, кроме постсоветского пространства, охватывает такие страны, как Австрия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Вьетнам, Германия, Китай, Сербия, Словакия, США, Финляндия, Хорватия.

4. Глинкина С.П. К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации: доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016.

многочисленные дисфункции управления, осложняет проведение структурных реформ и модернизацию экономики.

К большому сожалению, из-за ухода из жизни 20 ноября 2019 г., Светлана Павловна не смогла завершить все задуманное по проекту «Анализ моделей рыночной экономики в постсоциалистическом мире». Участники проекта тем не менее продолжили работу, начатую профессором С.П. Глинкиной, и постарались не подвести ее надежд, возложенных на проект.

Среди поставленных в проекте задач – изучение подходов к выделению и сопоставлению моделей капитализма, сформировавшихся или формирующихся в постсоциалистических странах Центральной и Юго-Восточной Европы, бывшего СССР и Восточной Азии в ходе общественно-экономической трансформации и меняющихся внешних условий развития. В ходе работ по исследованию участники акцентировали внимание на формах и способах интеграции постсоциалистических стран в мировую экономику, специфических сочетаниях факторов их внутреннего социального и экономического развития и наличии (или отсутствии) в них особых типов институциональной комплементарности. Сравнительный анализ выделенных моделей рыночной экономики с точки зрения их эффективности позволил авторам выявить проблемные точки развития постсоциалистических стран Европы и Азии, с перспективой использования описанного международного опыта общественно-экономических трансформаций в процессах модернизации и экономического развития России и ее сотрудничества с этими странами.

По результатам проекта опубликовано 7 научных статей и подготовлена итоговая монография. В монографии участвовали С.П. Глинкина (глава 1), Л.Б. Вардомский (предисловие, главы 4, 6), М.О. Тураева (предисловие, главы 4, 6), М.М. Лобанов (главы 1, 2), Н.В. Куликова (глава 2), И.С. Сеницина (глава 5), А.А. Яковлев (глава 3), А.В. Голубкин (глава 2).

М.О. Тураева, Л.Б. Вардомский

РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИИ КОМПАРАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАПИТАЛИЗМА

Истоки теории компаративного капитализма

Вплоть до конца 1980 – начала 1990-х годов исследования внутренних особенностей капиталистической системы были единичны и фрагментарны, а основное внимание уделялось анализу *проблем функционирования капитализма и социализма*, и в том числе, поиску теоретических обоснований превосходства одной системы над другой. В рамках сравнительной политической экономии (равно как и в других гуманитарных науках) господствовали универсалистские подходы, которые зачастую использовались как идеологический инструмент в глобальной борьбе за сферы влияния с прицелом на «неприсоединившиеся страны». В качестве примеров можно привести разработанные на Западе концепции прорывного развития экономически слаборазвитых государств (мирохозяйственной периферии) за счет адаптации капиталистических институтов – *теории модернизации* (девелопментализм, 1950–1960-е годы), *стадий экономического роста*⁵, *догоняющего развития*⁶. Всемирную поддержку со

-
5. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A non-communist manifesto. Cambridge University Press, 1960.
 6. Akamatsu K. A historical pattern of economic growth in developing countries // Journal of Developing Economies. No. 1, 1962. P. 3-25.

стороны международных организаций и политических элит стран Запада получили идеи о борьбе с социально-экономическим неравенством как аномалией рынка, а главное — тезис об отсутствии альтернативы либеральному капитализму как *конечной стадии общественно-экономической эволюции*. Популярность такого подхода росла по мере нарастания противоречий в социалистической системе, а периодом его кульминации можно считать первые годы после краха реального социализма⁷.

Вопросы различий между капитализмом и социализмом, а также анализ причин и следствий цикличности капиталистического развития широко представлены в работах западных ученых-неомарксистов. В рамках критического осмысления теории модернизации в 1960–1970-е годы распространение получили концепции *зависимого развития* и *неоимпериализма*, в основе которых лежало утверждение о контролируемом перераспределении ресурсов и капитала в пользу мирохозяйственного Центра, приводящего к усилению диспропорций между развитыми и развивающимися странами. Именно в этот период представителями различных экономических течений были сделаны первые попытки обосновать существование так называемого «*зависимого капитализма*» (*dependent capitalism*), ставшего вновь объектом научного интереса лишь несколько десятилетий спустя⁸.

Последователи неомарксизма в своих работах оперировали понятиями прибавочной стоимости и неравномерности развития в его разных измерениях и, отталкиваясь от предположения о сущностной неустойчивости капиталистической системы, исследовали причинно-следственные связи кризисов избыточного накопления капитала. Одним из направлений их научной деятельности был поиск факторов, влияющих на задержку распространения этих кризисов и быстрое пост-

7. См., например: *Fukuyama F. The End of History and the Last Man*, New York: Free Press, 1992.

8. *Frank A.G. Capitalism and underdevelopment in Latin America*. New York: NYU Press, 1967; *Evans P.B. Dependent development: the alliance of multinational, state, and local capital in Brazil*. Princeton University Press, 1979.

кризисное восстановление рыночных отношений, в числе которых важная роль отводилась так называемому «про-странственному закреплению» капитала⁹.

Большинство исследователей считают первой работой о внутренней дифференциации капиталистических отношений книгу британского экономиста Э. Шонфилда «Современный капитализм», вышедшую в свет в 1965 г.¹⁰ Автор исследует различия между формами капитализма, отталкиваясь от уровня государственного вмешательства в экономику, и в целом положительно оценивает опыт регулирования деятельности частных фирм в отдельных странах послевоенной Европы. Книга стала первой в ряду публикаций, посвященных аспектам модернизации развитых экономик (так называемый «модернизационный подход») и поиску оптимальных сочетаний институтов модернизации и традиционных практик хозяйствования, ориентированных на поддержание высоких темпов роста. Кроме того, Э. Шонфилд изучает институциональную среду, позволяющую государству координировать деятельность частного сектора, что позволило его последователям дифференцировать сильные и слабые капиталистические страны; в числе первых обычно называли Францию и Японию, вторых – Великобританию¹¹.

Проблема инфляционного давления, обострившаяся в развитых странах Запада в 1970-е годы, привела к появлению нового подхода в рамках компаративного капитализма – «неокорпоративного». В рамках данного подхода сопоставляются возможности государственных органов договариваться об условиях труда и заработных платах с рабочим классом. Таким образом, одним из критериев дифференциации выступает национальная специфика организации профсоюзных

9. Harvey D. The spatial fix – Hegel, von Thunen, and Marx // *Antipode*. No. 13 (3), 1981. P. 1–12; Massey D. *Spatial divisions of labour: social structures and the geography of production*. London: Macmillan Press, 1995.

10. Shonfield A. *Modern Capitalism*. New York: Oxford University Press, 1965.

11. Katzenstein P.J. *Between power and plenty: Foreign economic policies of advanced industrial states*. Madison: University of Wisconsin Press, 1977.

движений¹². Наиболее успешным в этой связи авторы называют опыт стран Северной Европы.

В дальнейшем фокус внимания исследователей сместился на особенности *меж- и внутрифирменных взаимодействий*, а также экономического поведения предприятий, что повлияло на разработку базовых положений теории «разновидностей капитализма» в начале 2000-х годов¹³. Изменение стратегий фирм (в том числе переход от массового стандартизированного производства к гибким формам его организации, упор на модернизацию технологий, внедрение механизмов сокращения издержек и пр.) выступало одним из проявлений смены фордистского способа организации производства *постфордизмом (тойотизмом)* в 1970–1980-е годы. Объяснения новым процессам пытались найти в рамках исследовательских программ ряда научных школ, среди которых следует выделить итальянскую (новые «ремесленные» промышленные районы Дж. Бекаттини) и гибкой специализации труда (американские экономисты М. Пьор и Ч. Сабель), изучавшие региональную специфику постфордистских отношений на примере «третьей Италии», а также калифорнийскую школу (роль сетевой организации и локальных рынков труда; А. Скотт)¹⁴.

Указанные исследовательские направления (в особенности калифорнийская школа) испытали влияние французской школы регулирования (1970–1980-е годы), крупнейшими представителями которой являлись М. Альетта, А. Липиц и Р. Буайе. *Теория регуляции (regulation theory)* ставит под сомнение существование «одного, лучшего, варианта капитализма», а различия в формах экономической организа-

12. *Lehmbruch G., Schmitter P.C.* (eds). Trends toward corporatist intermediation. Beverly Hills: Sage Publications, 1979.

13. Подробнее см.: *Hall P., Soskice D.* (eds). Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford: Oxford University Press, 2001.

14. *Becattini G.* (ed.). Mercato e forze locali: il distretto industriale. Bologna: il Mulino, 1987; *Piore M.J., Sabel C.F.* The Second Industrial Divide: Conditions for Prosperity, 1984; *Scott A.J.* New industrial spaces: Flexible production organization and regional development in North America and Western Europe. Vol. 3. London: Pion Ltd, 1988.

ции объясняет сочетаниями социальных институтов¹⁵. Под регулированием понимается комбинация норм и практик, обеспечивающих устойчивое развитие капиталистической системы на определенном этапе ее развития. Периоды стабильности («режимы аккумуляции») неизбежно оканчиваются кризисом, после которого возникают новые «типы социального регулирования». В качестве одного из примеров таких общественно-экономических трансформаций рассматривалось распространение принципов постфордизма.

К числу знаковых научных работ в рассматриваемой сфере относится книга французского экономиста М. Альбера «Капитализм против капитализма» (1993), в которой он описывает различия двух моделей капиталистических отношений — «рейнской» и «неоамериканской» / «англосаксонской»¹⁶. Характерный для Германии «рейнский капитализм» (Rhine capitalism) базируется на принципах общественной солидарности и предполагает активную деятельность государства как регулятора экономических отношений, в том числе направленную на снижение дифференциации в уровне благосостояния граждан и повышение их социальной защищенности. Неоамериканская модель, напротив, основана на принципах свободного рынка и примата индивидуального над общественным, что вместе с другими факторами ведет к расслоению общества по доходам¹⁷. Сравнивая обе модели, Альбер недвусмысленно отдает предпочтение «рейнской», называя ее более эффективной с экономической точки зрения и более справедливой — с социальной. Отметим, что, по мнению автора, такая система капиталистических отношений действует не только в Германии, но и в Швеции, Швейцарии,

15. Boyer R. The regulation school: a critical introduction. Columbia University Press, 1990; Глинкина С.П. К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации: доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016.

16. Albert M. Capitalism against capitalism. London: Whurr, 1993.

17. Глинкина С.П., Куликова Н.В. О модели капитализма в Центрально-Восточной Европе // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 3, 2018. С. 9–24.

Нидерландах и Японии, тогда как англо-саксонская – в США и (с некоторыми исключениями) Великобритании.

Признавая влияние упомянутых выше научных школ на формирование собственной системы координат, разработчики теории «разновидностей капитализма» все же относят VoC-подход к числу некорпоративных концепций с той лишь оговоркой, что они делают акцент не на значении профсоюзных движений, а на особой роли внутренней организации фирм и их взаимодействии с другими акторами. Кроме того, их интересуют прежде всего процессы, происходящие на национальном, а не на региональном уровне¹⁸. Оригинальная методология микроэкономического анализа также опирается на ряд работ по экономической компаративистике. Так, известное положение об институциональной комплементарности (см. ниже) правомерно соотносить с результатами институционального анализа японского и англо-американского типов корпоративного управления, представленного в работах японского экономиста М. Аоки¹⁹. Наконец, существует определенное соответствие критериев выделения типов капитализма в рамках VoC-подхода и видов так называемых *бизнес-систем*, предложенных несколькими годами ранее английским экономистом Р. Уитли²⁰. По его мнению, различия между бизнес-системами формируются под влиянием изменений во внутренней структуре фирм, которая, в свою очередь, испытывает влияние общественных институтов. Опираясь на эмпирические данные, Уитли утверждает о существовании, как минимум, шести ведущих бизнес-систем: китайской, японской, южнокорей-

18. Hall P., Soskice D. An Introduction to Varieties of Capitalism. In: Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford: Oxford University Press, 2001.

19. Сопоставляя характеристики меж- и внутрифирменного взаимодействия, включая культуру трудовых отношений, Аоки указывает на расхождения между организацией корпоративных систем в Японии и в странах условного Запада (J- и W-system) (Aoki M. The Japanese firm as a system of attributes: a survey and research agenda. In: The Japanese firm: Sources of competitive strength. Oxford: Oxford University Press, 1994).

20. Whitley R. Divergent capitalisms: The social structuring and change of business systems. New York: Oxford University Press, 1999.

ской, итальянской, немецкой и американской. При этом, очевидно, что значительное число типов капиталистических отношений данной типологией не охвачено, а к недостаткам методики ее составления относится избирательность и неопределенность в отношении числа таксономических единиц.

Бинарная теория «разновидностей капитализма»

Абсолютное большинство современных работ, посвященных дифференциации капиталистических отношений, в той или иной мере выступает модификацией подхода, который в 2001 г. предложили канадский и британский экономисты П. Холл и Д. Соскис в книге «Разновидности капитализма»²¹. Книга является коллективным трудом шестнадцати ученых, которые в 1990-е годы разрабатывали данную проблематику в рамках совместного проекта Центра европейских исследований при Гарвардском университете и Научного центра социальных исследований в Берлине. Основной вклад этого исследования в сравнительную политическую экономию — обоснование понятия *институциональной комплементарности и выделение двух типов капитализма (либеральной и координируемой рыночной экономики)*. В основе их выделения лежит представление о существенных различиях в механизмах меж- и внутрифирменной координации, сформировавшихся с течением времени в странах с ЛРЭ и КРЭ, и о взаимодополнении институтов, присущих обоим типам.

В предисловии Холл и Соскис отмечают, что ставят перед собой задачу расширить спектр институционального анализа в сравнительной политической экономике за счет меж- и внутрифирменных отношений и выйти за пределы «модернизационного» и «неокорпоративного» подходов, а также постфордистских принципов экономического поведения фирмы (см. выше). По мнению ученых, теория срав-

21. Hall P., Soskice D. (eds.) Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford: Oxford University Press, 2001.

нительных преимуществ должна в большей мере опираться на анализ институциональной среды. Деятельность предприятий и функционирование институтов взаимосвязаны: корпоративные стратегии видоизменяются, чтобы использовать преимущества существующей институциональной среды, а формальные институты определяют характеристики взаимодействия фирм с другими участниками экономических отношений. Авторы исследуют практику взаимного развития и взаимного влияния институтов, которые отвечают за формирование различных типов капитализма. Кроме того, они ставят под сомнение тезис о том, что с развитием глобальных интеграционных процессов будет происходить институциональная конвергенция, т.е. унификация различных моделей социально-экономических отношений.

Холл и Соскис формулируют несколько ключевых положений теории «разновидностей капитализма»²².

1. *Фирмы как основополагающие элементы капиталистических отношений.* Анализ должен включать пять аспектов их деятельности: трудовые отношения (переговорный потенциал фирм — с занятыми и профсоюзами относительно условий труда и заработной платы); профессиональная подготовка и обучение (способность поддерживать необходимую квалификацию рабочей силы); специфика взаимоотношений в коллективе; корпоративное управление; межфирменные отношения (с поставщиками и потребителями, а также прочими организациями).

2. *Либеральные рыночные экономики (liberal market economies, LMEs) и координируемые рыночные экономики (coordinated market economies, CMEs) как идеальные модели капитализма.* Авторы подчеркивают, что в действительности каждая из национальных капиталистических систем тяготеет к одной из этих двух моделей. В либеральной рыночной экономике (ЛРЭ) координация деятельности фирм происходит

22. Hall P., Soskice D. An Introduction to Varieties of Capitalism. In: Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford: Oxford University Press, 2001.

в условиях конкурентных рынков с помощью рыночных контрактов, однако Холл и Соскис отмечают, что в реальности они не могут быть полностью независимыми от влияния нерыночных сил. Координируемые рыночные экономики (КРЭ) характеризуются преобладанием этих «нерыночных» механизмов: вспомогательной ролью официальных контрактов, сетевой организацией фирм для обмена информацией, вмешательством в деятельность компаний сторонних акторов. Таким образом, в ЛРЭ на поведение фирм влияет стремление системы к рыночному равновесию, а в КРЭ – стратегическое взаимодействие между фирмами и другими субъектами экономической деятельности. Холл и Соскис в отличие от М. Альбера не стремятся обнаружить превосходство одной системы над другой, высоко оценивая долгосрочную экономическую эффективность как одного, так и другого типа капитализма.

3. *Учет формальных и неформальных институтов.* Основными институтами, определяющими характер функционирования фирм, по мнению авторов, выступают нормативно-правовые системы, бизнес-ассоциации, профсоюзные движения и т.д. Однако в отличие от большинства более ранних работ о компаративном капитализме VoC-подход предполагает анализ неформальных институтов для объяснения существующих различий в капиталистических отношениях, в том числе культурно-исторических.

4. *Контроль фирм над координирующими их деятельность институтами является ограниченным.* Авторы подвергают сомнению тезис о «конструировании» различных институциональных форм (рынков, сетей, иерархий) фирмами, преследующими собственные стратегические цели: коллективные / общесистемные институты не может создать ни одна конкретная фирма, ни группа фирм – вероятность согласования интересов всех акторов (предприятий, государства, профсоюзов и пр.) крайне низка.

5. *Институциональная комплементарность (institutional complementarity).* Комплементарность (взаимо-

дополнение) двух институтов возникает, когда в случае их сосуществования один повышает эффективность другого — возникает эффект взаимного усиления²³. Следовательно, страны, обладающие определенным набором институтов в одной из сфер экономики, должны стремиться развивать комплементарные им нормы и практики в других сферах. Вероятность успеха любой экономической реформы будет выше, если преобразования будут затрагивать все комплементарные институты, а не только некоторые из них. Каждый из двух типов капитализма обладает так называемыми сравнительными институциональными преимуществами, обусловленными специфическим сочетанием комплементарных институтов.

Для подтверждения собственных выводов авторы подробно анализируют два классических, по их мнению, примера ЛРЭ и КРЭ — США и Германию. Выбор был обусловлен высоким уровнем зрелости капиталистических отношений в этих странах и мерой их изученности. При этом Холл и Соскис подчеркивают, что VoC-подход универсален и пригоден для анализа экономик с развивающимися рынками. Тем не менее географические рамки собственного прикладного анализа авторы ограничивают странами ОЭСР: шесть из них относят к ЛРЭ (США, Канада, Великобритания, Ирландия, Австралия, Новая Зеландия), десять — к КРЭ (Германия, Австрия, Швейцария, Нидерланды, Бельгия, Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Япония), а еще шесть — к особому, третьему, типу, который Холл и Соскис определяют, как *Средиземноморский (Mediterranean market economies*; Франция, Италия, Испания, Португалия, Греция, Турция). Характерной особенностью последнего является сочетание относительно либеральных порядков в системе

23. Одними из первых исследований комплементарности институтов в политической экономике являются статьи М. Аоки (*Aoki M. The Japanese firm as a system of attributes: a survey and research agenda. In: The Japanese firm: Sources of competitive strength. Oxford: Oxford University Press, 1994*).

трудовых отношений с нерыночными механизмами координации в сфере корпоративных финансов²⁴.

В течение нескольких лет после выхода в свет книги под редакцией Холла и Соскиса бинарная теория «разновидностей капитализма» развивалась в опоре на количественные методы исследования. В 2009 г. в статье П. Холла и Д. Джинджерича была предпринята одна из первых попыток доказать ее постулаты с помощью эконометрических моделей²⁵. Авторы исходят из предположения, что ключевым принципом дифференциации капиталистических отношений выступает характер межфирменной координации. Фирмы взаимодействуют с другими субъектами с целью регулирования трудовых отношений, обеспечения необходимого уровня квалификации сотрудников, доступа к технологиям и финансированию, улучшения конкурентных позиций на рынке. Холл и Джинджерич выдвигают гипотезу, согласно которой факторный анализ подтвердит эмпирические выводы, — т.е. позволит разделить развитые страны на ЛРЭ и КРЭ, характеризующиеся, соответственно, «рыночной» и «стратегической» координацией²⁶.

-
24. В качестве альтернативного подхода к выделению разновидностей капитализма в странах ОЭСР можно привести пример исследования французского экономиста Б. Амабля, который, опираясь на теории регуляции и эндогенного роста, в 2003 г. дифференцировал пять моделей капитализма. По его мнению, они различаются как по экономическим (рыночная конкуренция, корпоративное управление и финансовая система), так и по социальным характеристикам (уровень социальной защиты, институты рынка труда и образовательной системы). В качестве аналога ЛРЭ он рассматривает так называемую рыночную модель (США, Канада, Австралия, Великобритания) и выделяет также модель континентальной Европы (Германия, Австрия, Франция, Нидерланды, Бельгия), социально-демократическую (Дания, Финляндия, Швеция), средиземноморскую (Испания, Италия, Греция, Португалия) и азиатскую модели (Япония, Республика Корея). Несмотря на очевидную географичность типологии, Амабль полагает, что этнокультурные особенности выступают малозначимым фактором дивергенции капиталистических отношений (*Amable B. The Diversity of Modern Capitalism. Oxford: Oxford University Press, 2003*).
25. Hall P.A., Gingerich D.W. Varieties of capitalism and institutional complementarities in the political economy: An empirical analysis // *British Journal of Political Science*. No. 39(3), 2009. P. 449–482.
26. Расчеты базируются на показателях 17 стран (в список возможных КРЭ по сравнению с работой Холла и Соскиса от 2001 г. добавлена Республика Корея). При этом используемые данные ОЭСР относятся к 1990–1995 гг. (статья опубликована в 2009 г.), что дает основания ставить вопрос об актуальности и соответствии результатов анализа современным реалиям.

Авторы учитывают следующие показатели: правовой статус миноритарных акционеров по сравнению с мажоритарными, распределение акционерного капитала (доля фирм, в которых ни один из акционеров не контролирует более 10% капитала), размер фондового рынка (биржевой оборот к ВВП), степень мобильности рабочей силы (доля занятых с определенным стажем менее года в общей структуре занятости), уровень координации действий работодателей и профсоюзов в сфере оплаты труда (по оценке ОЭСР)²⁷. Первые три характеризуют институциональные различия в сфере корпоративного управления, остальные – в сфере трудовых отношений. Согласно Холлу и Джинджеричу, результаты расчетов подтверждают существование двух типов капитализма и основанное на качественном сравнении распределение стран. Примечательно, что «идеальному» стандарту ЛРЭ с некоторыми оговорками соответствуют США и Великобритания, тогда как остальные четыре представителя этой группы сочетают механизмы «рыночной» и «стратегической» координации в области корпоративного управления. Авторы оставляют открытым вопрос о существовании третьего («Средиземноморского») типа капитализма: хотя уровень «стратегической» координации в странах Южной Европы выше, чем у ЛРЭ, в сфере трудовых отношений он заметно уступает КРЭ.

27. В отличие от первых этапов развития компаративного капитализма (в частности, в период доминирования неокорпоративного подхода) на формирование разновидностей капиталистических отношений в сфере условий труда все в меньшей степени оказывают влияние профсоюзные движения. Так, средняя по странам ОЭСР доля работников, являющихся членами профсоюзов, снизилась с 1980-х годов с 50 до 18%. В США и Японии этот показатель снижается с середины XX в. (с 30 до 10 и 17% соответственно), в Великобритании – с начала 1980-х годов, в том числе в результате политики «тэтчеризма» (с 53 до 23%), в Германии и Канаде – с начала 1990-х годов. Помимо развития институциональной среды, позволяющей оперативно реагировать на меняющиеся потребности занятых, важнейшую роль в снижении популярности профсоюзов сыграли смена технологических укладов и процесс тертиаризации (деконцентрация производства и трудовых ресурсов, дистанционная занятость в сфере услуг и т.п.). Вместе с тем, в качестве новой, более эффективной, формы регулирования условий труда и организации трудящихся все чаще выступают сообщества в социальных сетях, получившие образное название «цифровое рабочее движение» (Workers of the world, log on! // The Economist. November 17, 2018).

Другой задачей исследования Холла и Джинджерича является дифференциация типов капитализма не только по характеристикам корпоративного управления и трудовых отношений, но и по другим институциональным факторам. Таким образом, первоначальный перечень из пяти показателей был расширен: уровень социальной защиты трудящихся (от увольнений) и безработных, степень государственного регулирования товарных рынков, наличие государственных программ дополнительной профессиональной подготовки, отношение среднегодового числа сделок по слиянию и поглощению к численности населения страны (в качестве показателя межфирменного взаимодействия), уровень различий в оплате труда руководящего звена и рядовых сотрудников промышленных предприятий, средний срок занятости в одной и той же компании, а также агрегированный показатель стремления фирм к взаимодействию, предложенный А. Хиксом и Л. Кенворти²⁸. Авторы делают вывод: рассчитанные ими коэффициенты корреляции убедительно подтверждают постулаты VoC-подхода — существование межнациональной дифференциации национальных моделей, обусловленных совместным действием механизмов «рыночной» и «стратегической» координации.

Кроме того, исследователи с помощью расчетов показывают, что вне зависимости от типа капиталистических отношений экономический рост выше, если координация деятельности фирм происходит как в сфере корпоративного управления, так и в сфере трудовых отношений. Таким образом, реформы, направленные на повышение или снижение степени регулирования рынка труда, для достижения максимального экономического эффекта должны сочетаться с соответствующей практикой в регулировании финансовых рынков. Авторы полагают, что основная цель написания работы в целом достигнута: при помощи эконометрического анализа было показано, что различия между двумя типами капита-

28. Hicks A., Kenworthy L. Cooperation and Political Economic Performance in Affluent Democratic Capitalism // *American Journal of Sociology*. No. 103, 1998. P. 1631–72.

лизма сохранялись на протяжении 1980–2000-х годов, а влияние фактора глобализации на их возможную конвергенцию остается ограниченным. Впрочем, данный вывод выглядит весьма спорным в свете выбранного для моделирования периода времени (см. выше) и ограниченности имеющихся частных показателей деятельности фирм для анализа общих принципов хозяйственной организации.

Трансформация VoC-подхода под влиянием финансово-экономического кризиса

Теория «разновидностей капитализма» существенно повлияла на развитие сравнительной политической экономики и продолжает оставаться предметом острых дискуссий в научном сообществе. Примечательно, что усилия последователей VoC-подхода, и в первую очередь его основоположника П. Холла, направлены на адаптацию ключевых положений к меняющимся условиям эволюции мирового хозяйства, что придает теории «разновидностей капитализма» определенную методологическую гибкость. Так, с середины 2010-х годов П. Холл изучает влияние последствий экономического кризиса на формирование различных типов капитализма, а также пытается объяснить рецессию с помощью понятийного аппарата VoC-подхода. При этом он делает попытки инкорпорировать в собственные исследования результаты других авторов, выделяющих типы капитализма на основании различий форм трансграничной интеграции и участия в международном разделении труда.

Роль кризиса в модернизации VoC-подхода П. Холл видит в стремлении ученых в большей мере учитывать различные режимы экономической политики и ориентироваться на анализ моделей посткризисного роста, с чем и связано повышенное внимание к регионам Центрально-Восточной и Южной Европы²⁹. В связи с кризисом были рассмотрены

29. Hall P.A. Varieties of capitalism in light of the euro crisis // Journal of European Public Policy. No. 25(1), 2018. P. 7–30.

вопросы развития трудовых отношений в различных странах ЕС, а также влияния макроэкономических моделей на организацию предпринимательской деятельности (прежде всего направленную на экспорт)³⁰. Выяснилось, что различные макроэкономические инструменты могут не только взаимно дополнять, но и в некоторых случаях заменять друг друга. Кроме того, рецессия внесла коррективы в интерпретацию роли политических институтов в обособлении типов капитализма, поставив их в один ряд с экономическими институтами. Автор полагает, что именно методология теории «разновидностей капитализма» позволяет объяснить причины различной реакции стран на проявления долгового кризиса в Европе (в отличие, например, от теории оптимальных валютных зон, практическим проявлением которой является еврозона).

В отличие от работ начала 2000-х годов П. Холл переходит от предположений о существовании третьего типа капитализма к полноправному выделению его в качестве отдельной разновидности. При этом капиталистические отношения в государствах с формирующимися рынками вновь находятся вне исследовательского поля автора. Характерно, что теперь к основным критериям известной типологии добавляется еще один — уровень вовлеченности стран во внешнеторговую деятельность и связанный с этим режим посткризисного восстановления³¹. Однако вместо анализа группы показате-

-
30. *Hancké B.* Unions, Central Banks, and EMU: Labour Market Institutions and Monetary Integration in Europe. Oxford: Oxford University Press, 2013; *Johnston A., Hancké B., Pant S.* Comparative institutional advantage in the European sovereign debt crisis // *Comparative Political Studies*. No. 47 (13), 2016. P. 1771–1800; *Iversen T., Soskice D., Hope A.* The Eurozone and political economic institutions // *Annual Review of Political Science*. No. 19 (1), 2016. P. 163–185; *Baccaro L., Pontusson J.* Rethinking comparative political economy: the growth model perspective // *Politics & Society*. No. 44 (2), 2016. P. 175–207.
31. В перспективе, как отмечает П. Холл, разработчикам VoC-подхода следует обратить внимание и на такие критические замечания, как, например, недоучет процессов структурной трансформации развитых экономик (повышения доли сферы услуг, или так называемой тертиаризации; роста конкурентоспособности наукоемких отраслей и т.п.) и невнимание к различиям между государствами в отношении распределения доходов и следования принципам социальной справедливости.

лей, характеризующих внешнеэкономическую открытость и вклад торговли и иностранных инвестиций в экономический рост, П. Холл ограничивается одним показателем — отношением объема экспорта к ВВП³².

В результате он выделяет два подтипа в группе либеральных рыночных экономик: страны, ориентированные на внутренний спрос (*demand-led LMEs*; США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия), и страны, развивающиеся за счет экспорта (*export-led LMEs*; Польша, Венгрия, Чешская Республика, Словения, Эстония, Латвия, Ирландия). При этом внутренняя дифференциация координируемых рыночных экономик проводится по географическому принципу: северные (*Nordic SMEs*; Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания) и континентальные (*Continental SMEs*; Германия, Австрия, Швейцария, Нидерланды, Бельгия). Состав третьей группы — средиземноморских рыночных экономик — остается неизменным с начала 2000-х годов (*Mediterranean market economies*; Франция, Италия, Испания, Португалия, Греция)³³. Как видим, выборка стран для типологии расширилась за счет государств Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Балтии, которые в результате вступления в ЕС формально завершили переход от плановой экономики к рыночной.

В описании каждого типа капитализма П. Холл широко использует терминологию других ученых, критически переосмысливших VoC-подход в 2000–2010-е годы (в первую очередь исследовавших практики хозяйствования в постсоциалистических странах). К примеру, вслед за Д. Боле и Б. Грешковичем он предлагает различать «встроенный (компромиссный) неолиберализм» Вишеградской группы и «неолиберализм» стран Балтии, а для стран ЦВЕ в целом считает важным вывод А. Нелке и А. Флигентхарта о зависимости их

32. В дальнейшем он справедливости ради приводит данные об удельном весе расходов домохозяйств и чистого экспорта в структуре ВВП по расходам, но только для небольшой выборки стран.

33. Hall P.A. Varieties of capitalism in light of the euro crisis // Journal of European Public Policy. No. 25(1), 2018. P. 7–30.

экономического роста от притока прямых иностранных инвестиций в экспортоориентированные отрасли³⁴. Холл полагает, что данные страны являются типичными ЛРЭ: координация деятельности фирм осуществляется на конкурентных рынках, а для поддержания роста за счет экспорта сохраняется низкий уровень корпоративных налогов и, соответственно, социальных расходов. Влияние кризиса на них оказалось кратковременным, поскольку с восстановлением внешнего спроса на рынках ведущих торговых государств-партнеров стабильный экономический рост в странах ЦВЕ возобновился. Способность противостоять негативным последствиям кризиса у государств региона появилась во многом благодаря формированию в переходный период особых характеристик политических систем, обуславливающих и экономическую устойчивость к внешним шокам³⁵. Более того, существующие институты могут повлиять на появление таких сравнительных преимуществ, которые позволят странам ЦВЕ вытеснить из глобальных производственных цепочек, например, государства Южной Европы.

Северные КРЭ традиционно выбирают модель роста, опирающуюся на экспорт, при этом развивая конкурентные преимущества для производства высоко- и среднетехнологичной продукции. Данные преимущества являются результатом координации действий производителей в отношении оплаты труда, сдерживающих таким образом рост трудовых издержек экспортных фирм, а также повышения уровня квалификации занятых, что предопределяет рост инновационной активности³⁶.

Средиземноморские рыночные экономики (Холл и ряд других исследователей также называют их «смешанными» —

34. *Bohle D., Greskovits B. Capitalist Diversity on Europe's Periphery. Ithaca: Cornell University Press, 2012; Nölke A., Vliegenthart A. Enlarging the varieties of capitalism: The emergence of dependent market economies in East Central Europe // World politics. No. 61 (4), 2009. P. 670–702.*

35. См. также: *Bohle D., Greskovits B. Capitalist Diversity on Europe's Periphery. Ithaca: Cornell University Press, 2012.*

36. *Hancké B. Unions, Central Banks, and EMU: Labour Market Institutions and Monetary Integration in Europe. Oxford: Oxford University Press, 2013.*

mixed market economies) отличаются значительным вовлечением государства в хозяйственные отношения, а также взаимным влиянием и пересечением интересов частного предпринимательства с интересами управленческого аппарата. Потенциал стратегической координации экономических субъектов в отношении заработных плат в этих странах ограничен (даже традиционно влиятельные профсоюзы редко действуют сообща), что не позволяет им, наравне с северными КРЭ, использовать преимущества модели роста, базирующейся на экспорте. Аналогичное сопоставление возможностей стран Северной и Южной Европы в развитии профессиональных квалификаций занятых в экономике также будет не в пользу последних. В связи с вышеперечисленным средиземноморские рыночные экономики вынуждены опираться в своем развитии на характеристики внутреннего спроса³⁷.

Экономический кризис выявил проблемные точки стратегии роста смешанных экономик Южной Европы в условиях их участия в еврозоне. Они традиционно характеризуются активной экономической политикой, а связанный с этим повышенный уровень государственных расходов разгоняет инфляцию, что негативно отражается на стоимости их экспорта. При этом до присоединения этих стран к Европейской валютной системе (ЕВС) они пользовались инструментами валютной девальвации для повышения ценовой конкурентоспособности экспорта и улучшения таким

37. В работе О. Молина и М. Роудс феномен смешанных рыночных экономик (*mixed market economies*) исследуется на примере Италии и Испании. Если в ЛРЭ и КРЭ преобладают соответственно рыночные и нерыночные механизмы координации, то в рассматриваемых странах они формируют различные комбинации. В этой связи уровень институциональной комплементарности очень низок, поэтому государство вынуждено активнее участвовать в процессах регулирования и устранения возникающих противоречий. Авторы указывают на сосуществование в странах Южной Европы двух разнонаправленных трендов – «рыночной колонизации» (распространение рыночных механизмов координации) и «автономной координации» (развитие ведущими игроками новых видов нерыночной координации) (*Molina O., Rhodes M. The political economy of adjustment in mixed market economies: A study of Spain and Italy. In: Beyond Varieties of Capitalism: Conflict, Contradictions and Complementarities in the European Economy; Hancké B., Rhodes M., Thatcher M. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 223–252.*

образом показателей внешнеторговой сбалансированности. В период кризиса именно отсутствие у рассматриваемых стран суверенитета в осуществлении монетарной политики, по мнению Холла, и привело к более тяжелым его последствиям³⁸. Координируемые рыночные экономики, напротив, скорее выигрывают от участия в валютном союзе: эффективность основанной на экспорте модели роста повышается по мере ухудшения положения экспортеров в южноевропейских странах-конкурентах, также являющихся членами еврозоны.

Включение в исследования компаративного капитализма стран других континентов

Даже самые первые исследования в рамках компаративного капитализма были глобальными по пространственному охвату, однако они затрагивали лишь несколько развитых стран из разных макрорегионов мира. В период активного роста интереса к проблематике выделения национальных форм капитализма в конце 1990–2000-х годов ученые стали изучать особенности формирующихся рынков с их дифференциацией по территориальному принципу (страны ЦВЕ, Восточной Азии, Латинской Америки и т.д.) и сопоставлением с классическими разновидностями капитализма государств – членов ОЭСР. При этом в наибольшей степени изучены особенности развития капиталистических отношений в крупнейших развивающихся экономиках мира, в первую очередь опыт построения так называемого государственного капитализма в Китае.

Исследование капиталистических отношений в странах Азии (в особенности в Японии и Китае) относится к числу наиболее распространенных направлений развития современного компаративного капитализма. Теоретические основы VoC-подхода были сформированы под влиянием работ начала

38. Hall P.A. Varieties of Capitalism and the Euro Crisis // West European Politics. No. 37 (6), 2014. P. 1223–1243.

1990-х годов по институциональной комплементарности и национальным особенностям предпринимательства именно на примере Японии (в первую очередь статьи М. Аоки)³⁹. В XXI в. число сравнительных исследований капитализма в странах Азии заметно увеличилось, причем наблюдается очевидный интерес к специфике экономических отношений в Китае. Вместе с тем классифицировать их по полученным результатам весьма затруднительно, поскольку авторы приходят к разным (и нередко взаимоисключающим) выводам.

К *первой группе* исследований целесообразно отнести работы авторов, убежденных в гибридном характере капитализма «по-азиатски» — заимствовании рыночных институтов Запада с сохранением некоторых национальных черт. К примеру, многие считают японский капитализм (в особенности в сфере корпоративного управления и трудовых отношений) проявлением именно такой гибридной формы, причем происходит своеобразный институциональный взаимообмен: японские предприниматели не только перенимают эффективные практики, но и переносят элементы традиционной системы управления на зарубежные рынки⁴⁰. В книге М. Аоки, Г. Джексона и Х. Миядзимы приведен анализ деятельности свыше 700 японских компаний, которые авторы разделяют на три группы: около $\frac{1}{4}$ из них используют гибридную, $\frac{2}{5}$ — традиционную модель управления, а оставшаяся $\frac{1}{3}$ часть занимает промежуточное положение. Ученые приходят к выводу, что сравнительные конкурентные преимущества гибридных фирм существенно выше, равно как и финансовые результаты их функционирования. При этом они отмечают устойчивость японской гибридной модели управления и отсутствие свидетельств ее постепенной трансформации в классическую англосаксонскую модель⁴¹.

39. Aoki M. The Japanese firm as a system of attributes: a survey and research agenda. In: The Japanese firm: Sources of competitive strength. Oxford: Oxford University Press, 1994.

40. JapAnglo-Saxon capitalism // The Economist. November 29, 2007.

41. Aoki M., Jackson G., Miyajima H. (eds.) Corporate governance in Japan: Institutional change and organizational diversity. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Некоторые исследователи относят специфические экономические отношения в Китае тоже к гибридным, в особенности это касается специальных административных районов Гонконг и Макао. Так, китайский географ Г. Юнг в результате изучения хозяйственного уклада Гонконга и предпринимательских практик китайской диаспоры в Сингапуре делает вывод о существовании динамично развивающегося на этих территориях «китайского капитализма». Традиционная семейственность и клановость как характеристики ведения бизнеса под влиянием глобализации постепенно уступают адаптированным западным нормам и практикам, однако их полного растворения в универсальной институциональной среде, по его мнению, все же не произойдет⁴².

Вторая группа исследований компаративного капитализма в Азии связана с изучением роли государства в экономике, а также влияния на нее национальных управленческих элит. В фокусе исследователей капитализма с государственным участием чаще всего оказывается Китай⁴³. Идея о капиталистических отношениях, направление развития которых задается государством-регулятором (*state-guided capitalism*), отражена, в частности, в книге известного американского экономиста У. Баумоля, написанной в соавторстве с Р. Литаном и К. Шраммом⁴⁴. Помимо селективной политики государства, решающую роль могут играть действия влиятельных олигархических групп (*oligarchic capitalism*), крупных корпораций (*big-firm capitalism*) или небольших инновативных фирм (*entrepreneurial capitalism*). Характерно, что речь не идет о национальных моделях: в каждой из стран сосуществуют

42. *Yeung H.W.* Chinese Capitalism in a Global Era: Towards Hybrid Capitalism. London: Routledge, 2004.

43. Существование специфической «китайской» (или «пекинской») модели капитализма некоторыми исследователями ставится под сомнение, поскольку ее исключительность является спорной, а само продвижение этой идеи связано с созданием имиджа Китая как нового глобального экономического лидера (*Beware the Beijing model // The Economist. May 26, 2009*).

44. *Baumol W.J., Litan R.E., Schramm C.J.* Good capitalism, bad capitalism, and the economics of growth and prosperity. Yale University Press, 2007.

и активно взаимодействуют, как минимум, две из указанных форм капиталистических отношений⁴⁵.

Тема становления государственного капитализма в Китае давно вышла за пределы научно-исследовательской сферы и во все возрастающей степени становится предметом широкого обсуждения. Так, эксперты журнала *The Economist* в специальном докладе делают прогноз, согласно которому XXI в. станет противостоянием различных типов капитализма. Несмотря на то что отдельные элементы государственной селективной политики появились еще в период «холодной войны» (например, в Японии или Республике Корея), расцвет различных форм государственного капитализма (в Китае, РФ, Бразилии, ряде арабских стран и др.) приходится на начало XXI в. Авторы доклада отмечают, что, опираясь на рыночные практики, управленцам удалось создать большое число эффективных государственных компаний, имеющих глобальные сравнительные преимущества, в особенности в ресурсоемких отраслях экономики⁴⁶. К примеру, китайские компании, как правило, характеризуются вертикально-интегрированной структурой и сравнительно высоким уровнем производственной специализации, а также получают всемерную помощь государства в освоении и воспроизведении импортируемых технологий и ноу-хау. В числе основных вызовов государственного капитализма — высокие риски его перерождения в коррупционную систему олигархического обогащения и nepотизма.

Анализируя влияние государственных органов и частных предпринимателей на функционирование экономики, С. Чжан и Р. Уитли приходят к выводу о существовании в Азии четырех национальных типов капитализма — «государ-

45. Следует отметить, что У. Баумоль и его соавторы называют наиболее эффективным сочетание «капитализма больших фирм» и «предпринимательского капитализма».

46. Согласно оценке авторов доклада, свыше 2/3 компаний из списка *Fortune 500*, охватывающего ведущие предприятия формирующихся рынков, являются государственными. Кроме того, около 1/3 накопленного на этих рынках объема ПИИ в 2000-е годы также было вложено в развитие фирм под контролем государства (*The visible hand // The Economist*, January 21, 2012).

ственного», «совместно управляемого» (государством и бизнесом), «сетевому» и «персонализированного»⁴⁷. В свою очередь, исследование иерархических форм координации субъектов экономики в азиатских странах позволило Р. Карни выделить две альтернативные (по отношению к западным ЛРЭ и КРЭ) разновидности капитализма – «семейные» и «государственные» рыночные экономики⁴⁸.

Учитывая размер китайской экономики и ее внутреннюю социально-экономическую неоднородность, некоторые ученые, работы которых можно отнести к *третьей группе* исследований, указывают на формирование в КНР не общенациональной, а нескольких региональных моделей капитализма. Данную идею целесообразно связать с более общим трендом выделения субнациональных моделей капиталистических отношений, который можно назвать полимасштабным подходом в компаративном капитализме⁴⁹. В случае Китая сомнению подвергается возможность не критичной проекции характеристик западных ЛРЭ и КРЭ на китайскую экономику. Так, в работах канадских географов Ю. Чжана и Д. Пека указывается на ошибочность использования национальных моделей капитализма в странах с существенной пространственной гетерогенностью. Они утверждают, что в Китае существуют субнациональные (региональные) модели капитализма, обусловленные различной включенностью территориальных образований в глобальные производственные

47. Zhang X., Whitley R. Changing macro-structural varieties of East Asian capitalism // Socio-Economic Review. Vol. 11. No. 2, 2013. P. 301–336.

48. Carney R.W. Varieties of hierarchical capitalism: family and state market economies in East Asia // The Pacific Review. Vol. 29. No. 2, 2016. P. 137–163.

49. В основе подхода, который развивают преимущественно представители экономической географии и региональной экономики, лежит идея неоднородного / разнообразного капитализма (variegated capitalism) применительно к тем странам, где феномен неоднородности пространства проявляется в наибольшей мере. Таким образом, основным критерием выделения моделей капитализма в условиях интернационализации выступают не национальные институты, а функциональные характеристики глобальных производственных цепочек (Peck J., Theodore N. Variegated capitalism // Progress in human geography. Vol. 31. No. 6, 2007. P. 731–772).

цепочки, или в более общем виде — их местом в национальном и международном разделении труда⁵⁰.

Наконец, к *четвертой группе* исследований относятся работы, авторы которых доказывают необходимость поиска альтернативы VoC-подходу и описывают дивергентные разновидности капитализма в азиатских странах. К примеру, адаптация положений французской школы регулирования к современной азиатской специфике позволила выделить японскую, китайскую и корейскую разновидности капитализма⁵¹. Используя понятие бизнес-систем при анализе 13 азиатских экономик, М. Уитт и Г. Реддинг выстраивают довольно громоздкую их типологию (постсоциалистическая, развитая городская, японская, формирующаяся юго-восточная, развитая северо-восточная). Внимание акцентируется на том, что, за исключением Японии, ни одну из разновидностей капитализма в Азии невозможно соотнести с классическими ЛРЭ и КРЭ⁵².

Государства Африки и Южной Америки привлекают внимание исследователей компаративного капитализма как объект качественного или количественного анализа достаточно редко. Отчасти это связано с незавидным местом большинства из них на современном этапе развития мирового хозяйства, незрелостью формальных институтов и дефицитом сведений о неформальных нормах функционирования их экономик. Однако некоторые публикации сыграли заметную роль в развитии представлений о капитализме формирующихся рынков. Речь идет об исследованиях иерархических рыночных экономик (ИРЭ).

-
50. Zhang J., Peck J. Variegated Capitalism, Chinese Style: Regional Models, Multi-scalar Constructions // *Regional Studies*. Vol. 50. No. 1, 2016. P. 52–78; Peck J., Zhang J. A variety of capitalism... with Chinese characteristics? // *Journal of Economic Geography*. Vol. 13. No. 3. 2013. P. 357–396.
51. Boyer R., Uemura H., Isogai A. (eds.) *Diversity and Transformations of Asian Capitalisms*. Abingdon: Routledge, 2012.
52. Witt M.A., Redding G. Asian Business Systems: Institutional Comparison, Clusters and Implications for Varieties of Capitalism and Business Systems Theory // *Socio-Economic Review*. Vol. 11. No. 2. 2013. P. 265–300.

Изучение капиталистических отношений в Африке базируется как на терминологии бизнес-систем Р. Уитли, так и на положениях VoC-подхода. В первом случае следует отметить работу Д. Вуда и Е. Фринаса о внутренне неоднородной сегментированной бизнес-системе (*segmented business system*) в странах Восточной Африки, которая приводит к экономической отсталости и перераспределению ресурсов в пользу элит⁵³. Во втором случае интерес вызывает статья Н. Натрасс, в которой развитие рыночных институтов в ЮАР описывается в рамках дихотомии ЛРЭ и КРЭ⁵⁴.

Капитализм в Латинской Америке, по мнению американского политолога Б. Р. Шнайдера, представлен в форме иерархических рыночных экономик: нерыночные иерархические связи доминируют в предпринимательской среде (в том числе и в организационной структуре ТНК) и определяют характер трудовых отношений. Подобные ИРЭ существуют только в этом макрорегионе и имеют такие особенности, как: распространение диверсифицированных частных корпораций, как правило, под контролем одной семьи (*grupo eson mico*); присутствие подразделений ТНК; низкая квалификация рабочей силы; наличие сегментированных рынков труда (как результат слабости профсоюзов и других формальных объединений занятых). Таким образом, Латинская Америка представляет собой пример институциональной комплементарности с отрицательными последствиями для развития экономики⁵⁵.

Одновременно в 2010-х годов исследования начались в рамках сравнительного анализа экономических систем десятков стран, различающихся не только по территориальной принадлежности, но и по степени зрелости капита-

53. Wood G., Frynas J.G. The Institutional Basis of Economic Failure: Anatomy of the Segmented Business System // *Socio-Economic Review*. Vol. 4. No. 2. 2006. P. 239–277.

54. Natrass N. A South African Variety of Capitalism? // *New Political Economy*. Vol. 19. No. 1. 2014. P. 56–78.

55. Schneider B.R. Hierarchical Market Economies and Varieties of Capitalism in Latin America // *Journal of Latin American Studies*. Vol. 41. 2009. P. 553–575; Schneider B.R. *Hierarchical Capitalism in Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

листических отношений. В 2017 г. международная группа ученых (в ее состав входили М. Уитт и Д. Боле) опубликовала эконометрическое исследование о разновидностях капитализма на примере 61 ведущей экономики мира (авторы отмечают, что суммарный ВВП выборки приближается к 94% от общемирового)⁵⁶. Основываясь на принципах выделения бизнес-систем Р. Уитли, они расширяют перечень индикаторов до двух десятков: от типа государственного управления и преобладающих форм собственности до уровня грамотности населения и особенностей профсоюзных движений в разных странах. При этом авторы допускают увеличение числа важных для проведения типологии факторов, в частности культурных. Результаты расчетов позволили им сделать вывод о сосуществовании девяти видов экономических систем⁵⁷.

Исследователи подтверждают жизнеспособность классических разновидностей капитализма: приводимый ими перечень либеральных и координируемых рыночных экономик почти в точности соответствует списку ЛРЭ и КРЭ, обозначенных пятнадцатью годами ранее П. Холлом и Д. Соскисом. Исключение составляет Япония, для обособления которой были выделены «экономики с высоким уровнем координации». Самой многочисленной и поэтому наименее гомогенной группой (свыше 20 государств) стали «формирующиеся экономики»: в ней соседствуют такие разные по хозяйственному укладу страны, как Россия, Бангладеш, Алжир, Нигерия, Перу и Китай. По мнению авторов, более высокие показатели ВВП на душу населения явились ключевым фактором образования

56. Witt M.A., Kabbach de Castro L.R., Amaeshi K., Mabroum S., Bohle D., Saez L. Mapping the business systems of 61 major economies: a taxonomy and implications for varieties of capitalism and business systems research // *Socio-Economic Review*. Vol. 16. No. 1. 2017. P. 5–38.

57. Для расчетов использовались данные ЮНКТАД, Всемирного банка (показатели легкости ведения бизнеса из доклада «Ведение бизнеса» – *Doing Business Report*), индикаторы качества государственного управления (*Worldwide Governance Indicators*), ООН («Отчет о развитии человечества» – *Human Development Report*), Международной конфедерации профсоюзов. С целью учета влияния качественных признаков в модель включались фиктивные переменные. В качестве метода иерархического кластерного анализа был выбран метод невзвешенного попарного среднего, в результате чего была получена дендрограмма кластеров экономических систем.

группы «развитых формирующихся экономик», состав которой тоже небесспорен (Чили, ЮАР, Израиль, Тайвань и др.).

Постсоциалистические государства ЦВЕ и ЮВЕ и страны Южной Европы авторы отнесли к одному и тому же виду хозяйственных систем – «европейским периферийным экономикам». Наконец, страны, не укладывавшиеся ни в один из вышеперечисленных форматов, были распределены по трем группам – «социалистические экономики» (Куба, Венесуэла), «развитые городские экономики» (Гонконг, Сингапур) и «арабские нефтяные экономики» (ОАЭ, Саудовская Аравия и др.).

Основываясь на проведенной типологии, ученые пришли к выводу о неприменимости к большинству стран дихотомии VoC-подхода, а также об отсутствии предпосылок к выделению в качестве хозяйственной системы государственного капитализма, поскольку экономики с соответствующими характеристиками оказались распределены по многим группам.

Учитывая географический охват выборки, выдвинутая авторами типологии задача выявления общностей и объединения стран в экономические системы не представляется тривиальной. Тем не менее даже оставив в стороне вопрос о составе групп, следует обратить внимание на весьма спорное использование для одной типологии различных типологических признаков – институциональных (ЛРЭ и КРЭ), этнических («арабские экономики»), структурно-организационных («городские экономики»), центр-периферийных отношений («европейские периферийные экономики»).

Методологический и понятийный аппарат компаративного капитализма находится на этапе становления. Его отличает определенная гибкость в трактовке причинно-следственных связей формирования национальных моделей капиталистических отношений и разработке принципов их типологизации. Разработанная для развитых стран бинарная теория со временем претерпела ряд модификаций, таких как, например, обоснование существования «смешанного» типа капитализма. Тем не менее вопрос о возможности проецировать ее положения на государства с формирующимися

рынками остается открытым и является предметом широкой дискуссии.

Важной особенностью современного этапа развития теории компаративного капитализма является смещение фокуса исследования с экономически развитых стран на государства мирохозяйственной полупериферии и периферии. Разнообразие принципов типологизации капиталистических отношений в развивающихся странах и странах с формирующимися рынками позволяет сделать вывод о том, что спор сторонников универсализма и уникализма в исследовании моделей капитализма пока далек от завершения.

Глава 2

МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ В СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫПодходы к анализу моделей капитализма
в странах ЦВЕ

Сравнительный анализ исследований развития капиталистических отношений в рассматриваемых странах позволяет выделить четыре направления. *Первое* из них исходит из универсальности теории разновидностей капитализма. Согласно этому, страны Центрально-Восточной Европы в своем развитии стремятся к «идеальным моделям» ЛРЭ или КРЭ. Следует отметить, что подобные взгляды преобладали в первые годы после выхода в свет статьи П. Холла и Д. Соскиса, но в дальнейшем не получили распространения. В одной из публикаций на основании сравнения Чехии, Венгрии и Польши с другими членами ОЭСР утверждается, что государства ЦВЕ хотя и образуют отдельную группу, по своим характеристикам близки к КРЭ⁵⁸.

Некоторые авторы предпринимали попытки найти среди стран региона типичные примеры ЛРЭ и КРЭ. Так, М. Фельдман и К. Бухен независимо друг от друга проанализировали механизмы координации деятельности фирм

58. *McMenamin I.* Varieties of Capitalist Democracy: What Difference Does East-Central Europe Make? // *Journal of Public Policy*. Vol. 24. No. 3, 2004. P. 259–274.

в Эстонии и Словении, что позволило им сделать вывод о том, что экономика первой из них относится к ЛРЭ, а второй — к КРЭ⁵⁹. Как и другие последователи бинарной теории разновидностей капитализма, эти авторы сознательно не учитывают ряд внутренних и внешних факторов, влияющих на формирование национальных моделей капиталистических отношений, к примеру, наличие укоренившихся различий в хозяйственно-культурном укладе или последствия внешнеэкономической открытости отдельных стран региона.

Второе направление опирается на гипотезу о возникновении в постсоциалистических странах форм хозяйствования, сочетающих в себе элементы различных экономических систем. Оно связано с более общим представлением о конвергенции моделей капитализма под влиянием процессов глобализации. По мнению ученых, относящихся к так называемым гиперглобалистам, данный процесс выступает неизбежным следствием конвергенции общественных институтов⁶⁰. Наибольшее распространение данное течение получило в 1990-х гг. под влиянием растущего интереса к изучению эволюции мирового хозяйства и глобализации, однако впоследствии тезис о постепенном стирании границ между социально-экономическими моделями стал все чаще ставиться под сомнение. Аналогично, прикладные исследования гибридных форм капитализма в ЦВЕ относятся, как правило, к концу 1990 — началу 2000-х годов. В одном из них утверждается, что результатом перехода стран региона к новой экономической системе стало формирование неустойчивого гибридного капитализма, сочетающего в себе черты неоли-

-
59. *Feldmann M.* Emerging Varieties of Capitalism in Transition Countries: Industrial Relations and Wage Bargaining in Estonia and Slovenia // *Comparative Political Studies*. Vol. 39, 2006. P. 829–854; *Buchen C.* Estonia and Slovenia as Antipodes. In: *Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries*. Lane D., Myant M. (eds.). Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006. P. 65–89.
60. *Streeck W., Thelen K.* Introduction: Institutional Change in Advanced Political Economies. In: *Beyond Continuity*. Streeck W., Thelen K. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 1–39; *Schelkle W.* Collapsing Worlds and Varieties of Welfare Capitalism: In Search of a New Political Economy of Welfare. LEQS Discussion Paper. No. 54, 2012.

беральной (США), социально-ориентированной (Германия) и государственно-ориентированной (Япония) моделей⁶¹.

Третье направление объединяет исследователей, критически относящихся к использованию в компаративном капитализме VoC-подхода и разрабатывающих альтернативные типологии капиталистических отношений. Критерии предлагаемых ими типологий не ограничиваются межстрановыми различиями в функционировании фирм и могут включать учет степени государственного контроля над экономикой, особенностей взаимодействия социальных страт (включая политические элиты), места страны в международном разделении труда (МРТ), уровня внешнеэкономической открытости и связанных с ним изменений в характере контроля над национальной экономикой (например, появление новых стейкхолдеров – ТНК) и др. Примечательно, что такая вариативность системы критериев сочетается с расширением географического охвата анализируемых постсоциалистических стран за счет бывших республик СССР.

Наиболее плодотворным стало *четвертое направление*, рассматривающее развитие теории разновидностей капитализма в направлении увеличения числа моделей в связи с различиями между развитыми капиталистическими странами и странами с формирующимися рынками. Предполагается, что отдельные постсоциалистические страны действительно эволюционируют в классические типы APЭ и KPЭ, но при этом возникает и процесс дивергенции капиталистических отношений, в результате чего формируются альтернативные модели. Данное направление в развитии теории разновидностей капитализма мы предлагаем называть «метаморфизмом VoC-подхода».

К числу первых исследователей метаморфизма VoC-подхода в странах ЦВЕ необходимо отнести румынского экономиста и одного из ведущих экспертов Еврокомиссии

61. Iankova E.A. Eastern European Capitalism in the Making. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Л. Черната. Результатом его эконометрических исследований начала 2000-х годов стало выделение англосаксонской (аналог ЛРЭ: Чехия, Венгрия, Эстония), континентальной (аналог КРЭ: Латвия, Литва) и девелопменталистской моделей (Польша, Словакия), а также «коктейльного капитализма» (Словения, Болгария, Румыния). «Коктейльный капитализм» (cocktail capitalism) сочетает в себе характеристики первых трех моделей, что является не преимуществом, а, наоборот, недостатком — комбинация различных практик хозяйствования снижает степень институциональной комплементарности, необходимой для эффективного функционирования⁶².

Британский социолог Д. Лэйн различает три группы стран: первая характеризуется относительно высоким уровнем экономического развития и степенью участия в МРТ, вторая — крайне низкой интеграцией в мирохозяйственные отношения и смешанным типом рыночных отношений, а третья — активным вмешательством государства в экономику⁶³.

Основной причиной капиталистической дивергенции немецкий политолог Д. Боле и венгерский политэкономист Б. Грешкович (вторая половина 2000 — начало 2010-х годов) считают внутренние и внешние политико-экономические факторы, а не институциональные, как в рамках классического VoC-подхода. Унаследованные характеристики политических систем в переходный период видоизменяются под влиянием решений национальных и международных акторов (например, ТНК или ведомств Евросоюза), в результате чего формируются различные типы капитализма⁶⁴. Некритичную

62. *Cernat L. Institutions and Economic Growth: Which Model of Capitalism for Central and Eastern Europe? // Journal for Institutional Innovation, Development, and Transition. Vol. 6. No. 1, 2002. P. 18–34; Cernat L. The Emerging European Corporate Governance Model: Anglo-Saxon, Continental, or Still the Century of Diversity? // Journal of European Public Policy. Vol. 11. No. 1, 2004. P. 147–166.*

63. *Lane D. Emerging Varieties of Capitalism in Former State Socialist Societies // Competition and Change. Vol. 9. No. 2, 2005. P. 27–47.*

64. На разработку подхода Д. Боле и Б. Грешковича оказал влияние американский ученый К. Поланьи. В своей книге «Великая трансформация» он доказывает, что для формирования рыночного общества в равной степени необходимы капиталистические отношения и сильное государство, а стремление к хозяйственной эффективности должно сопровождаться реали-

адаптацию VoC-подхода к реалиям постсоциалистических стран авторы считают ошибочной: уровень институциональной комплементарности в них низок (из-за незрелости самих институтов капитализма), поэтому она не может выступать определяющим фактором.

Д. Боле и Б. Грешкович выделяют четыре вариации капиталистических отношений в странах ЦВЕ⁶⁵. Прибалтийские государства авторы относят к «неолиберальному капитализму» (neoliberal capitalism): радикальные рыночные реформы (в особенности, в Эстонии) сочетались здесь с нежеланием государства сглаживать нараставшие социальные диспропорции, а бюджетно-налоговая и монетарная политики ориентировались на наиболее либеральные западные образцы. Интеграция этих стран в мировую экономику происходила за счет развития иностранными инвесторами трудоемких низкотехнологичных отраслей.

В странах Вишеградской группы развивается «встроенный (компромиссный) неолиберализм» (embedded neoliberalism), который характеризуется функционированием экспортоориентированных производственных платформ на базе привлекаемых ПИИ, причем очевидная рыночная ориентация сопровождается активной деятельностью государства по поддержке социально незащищенных слоев населения. Необходимо отметить, что предрасположенность к использованию именно этой модели капитализма была выше в Польше и Венгрии, где процессы демократизации начались еще до кризиса социалистической системы. Вместе с тем Д. Боле и Б. Грешкович сомневаются в осознанности выбора политическими элитами на начальном этапе «национального строительства» (например, в Польше) модели ориентации на внешние рынки. Преследуя собственные интересы, ТНК искусственно создавали конкуренцию этих стран

защитой мер социальной защиты (Polanyi K. *The Great Transformation*. New York, Farrar & Rinehart, 1944).

65. *Bohle D., Greskovits B. Capitalist Diversity on Europe's Periphery*. Ithaca: Cornell University Press, 2012.

за инвестиции и не считали необходимым способствовать модернизации местных экономик. Кроме того, авторы полагают, что наднациональные органы управления ЕС, акционеры ТНК и другие внешние акторы и ныне подрывают стабильность институтов встроеного неолиберализма.

Особенности развития Словении позволили Д. Боле и Б. Грешковичу выделить ее экономику в отдельный тип капитализма – «неокопоратизм» (neocorporatism), для которого характерны активная роль государства и развитые институты рынка труда. Реформы были предметом широкого общественно-политического диалога и проводились постепенно, а внешние акторы не заняли командных высот в экономике. Распространение патрон-клиентских отношений в странах Юго-Восточной Европы (ЮВЕ), которые авторы именуют «слабыми государствами» (weak states), напротив, сопровождалось перераспределением рычагов управления в пользу иностранных инвесторов. Интересно, что в одной из работ исследователи делают нетривиальный вывод о характере институционального строительства в России, Казахстане и Азербайджане: по их мнению, несмотря на более высокий уровень государственного вмешательства, указанные страны в 1990-е годы были близки к прибалтийскому неолиберализму, поскольку безапелляционно придерживались рецептов либеральных реформ, предлагавшихся международными организациями, и не считались с их социальными последствиями⁶⁶.

В. Куокстис же полагает, что ни одна из трех республик не относится ни к ЛРЭ, ни к гибриднему типу. Он их рассматривает как особый тип «балтийского капитализма», или «гибкий рынок», успешно приспособляющегося к изменяющимся внешним условиям развития, что, среди прочего, позволило избежать негативных последствий глобального экономического кризиса⁶⁷. Однако прерогатива формирующегося «балтийского капитализма» по использованию таких

66. *Boble D., Greskovits B.* Capitalist diversity in Eastern Europe // *Economic sociology_ the european electronic newsletter*. Vol. 8. No. 2, 2007. P. 3–9.

67. *Kuokstis V.* What type of capitalism do the Baltic countries belong to? // *Emecon*. Vol. 1, 2011.

сравнительных преимуществ, как гибкость и быстрая адаптация, вызывает сомнения, равно как и его возможность противостоять внешним шокам. Способностью эволюционировать и приспосабливаться, очевидно, характеризуются и зрелые капиталистические институты в ЛРЭ и КРЭ — в противном случае сложно объяснить их исторический успех.

Среди работ об альтернативных ЛРЭ- и КРЭ-моделях капитализма, вызвавших наибольший резонанс в научном сообществе, необходимо выделить совместное исследование двух политологов — А. Нелке (Франкфуртский университет) и А. Флигентхарта (Амстердамский свободный университет). В статье, опубликованной в 2009 г., они задаются вопросом о применимости положений бинарной теории разновидностей капитализма к странам Вишеградской группы (Венгрия, Польша, Словакия и Чехия)⁶⁸. По мнению ученых, дихотомия VoC-подхода ограничивает возможности анализа государств с развивающимися рынками. Указывая на высокую вовлеченность данных стран в международное разделение труда и активное участие зарубежных ТНК в формировании институциональной среды, авторы предлагают относить их к третьей разновидности капитализма — зависимым рыночным экономикам (*dependent market economies*)⁶⁹.

О сущности модели зависимой рыночной экономики и ее реализации в странах ЦВЕ

В отличие от либеральной рыночной экономики, где в качестве центрального механизма координации выступают конкурентные рынки и контракты, и в отличие от координированной рыночной экономики, где эту роль выполняют внутри- и межфирменные сети и ассоциации, в случае зависимой

68. Nölke A., Vliegenthart A. Enlarging the varieties of capitalism: The emergence of dependent market economies in East Central Europe // *World politics*. No. 61 (4), 2009. P. 670–702.

69. А. Нелке и А. Флигентхарт сознательно заимствуют данное понятие из работ социолога Л. Кинга (*King L. Central European Capitalism in Comparative Perspective*. In: *Beyond Varieties of Capitalism: Conflict, Contradictions, and Complementarities in the European Economy*. Hancké B., Rhodes M., Thatcher M. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 307– 327).

рыночной экономики (ЗРЭ) центральным механизмом координации являются иерархии в рамках ТНК. Основной чертой стран с данным типом капитализма является фундаментальная зависимость экономического развития от решений ТНК об инвестициях в их экономику. Такой структурный элемент капиталистической экономики, как корпоративное управление, в случае зависимого капитализма реализуется штаб-квартирами ТНК. При этом как центральный институт модели он полностью комплементарен с другими ее элементами.

Концепция зависимого развития мирохозяйственной периферии получила распространение в 1960–1970-е годы, а с 1990-х годов появились различные варианты ее адаптации к странам с переходной экономикой, открывшим свои рынки иностранному капиталу. В одной из первых работ на данную тему Л. Кинг сравнивает общественно-политические институты России и Польши, а также определяющие характеристики предпринимательской среды, и приходит к выводу о том, что к началу 2000-х годов ни в одной из стран не сформировался капитализм «западного толка»⁷⁰. В России, по мнению автора, в результате перехода возник неэффективный в долгосрочной перспективе «клановый капитализм» (*patrimonial capitalism*), тогда как в Польше – относительно конкурентоспособная форма капитализма, зависящая от регулярного импорта капитала посредством ТНК.

В дальнейших работах Кинг развивает эту идею: страны ЦВЕ опираются на зарубежных инвесторов с целью повышения изначально низкого образовательного (профессиональные навыки занятых) и технологического потенциала, а становление в них капитализма следует рассматривать сквозь призму их участия в МРТ. Однако инвесторы не заинтересованы брать на себя роль государства в развитии системы образования и профессионального обучения и, кроме того, стремятся ограничить права и без того слабых профсоюзов на улучшение

70. King L. Postcommunist Divergence: A Comparative Analysis of the Transition to Capitalism in Poland and Russia // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 37. No. 3, 2002. P. 3–34.

условий труда занятых. Признавая факт экономической зависимости государств региона от решений ТНК и иностранных банков, но при этом, полагая либеральными их политические системы, автор вводит несколько громоздкое понятие «либеральный зависимый посткоммунистический капитализм» (*liberal dependent post-communist capitalism*). В большинстве остальных посткоммунистических стран государственную систему разрушают патрон-клиентские отношения, что позволяет вести речь о «клановом посткоммунистическом капитализме» (*patrimonial post-communist capitalism*)⁷¹. Таким образом, сравнительные преимущества стран ЦВЕ связаны со способностью привлекать ПИИ и ограждать бюрократические структуры от распространения коррупции.

Привлечение иностранных инвестиций является для зависимых рыночных экономик (ЗРЭ) основным фактором роста, в результате чего с течением времени на их развитие все в большей степени начинают оказывать влияние зарубежные ТНК. Конкурентные преимущества стран ЦВЕ складываются благодаря эффекту комплементарности институтов, в числе которых квалифицированная и сравнительно дешевая рабочая сила, внутрифирменная диффузия инноваций и обеспечение потребностей экономики в капитале за счет ПИИ. Выстраивание институтов для достижения собственных целей не составляет большой проблемы для ТНК, поскольку этот процесс начался в условиях институциональной лакуны после распада социалистической системы. Адаптация же норм и практик, характерных для ЛРЭ и КРЭ, с высокой вероятностью окажется неэффективной.

По мнению А. Нелке и А. Флигентхарта, основным механизмом координации в ЗРЭ выступают внутренние иерархические связи ТНК. Приход иностранных инвесторов повлиял на систему корпоративного управления в ЦВЕ: в частности, вместо совместного принятия стратегических решений топ-

71. King L. Central European Capitalism in Comparative Perspective. In: *Beyond Varieties of Capitalism: Conflict, Contradictions, and Complementarities in the European Economy*; Hancké B., Rhodes M., Thatcher M. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 307– 327.

менеджерами и акционерами в странах региона менеджмент дочерних предприятий ТНК координирует свои действия с деятельностью зарубежных штаб-квартир. В отличие от ЛРЭ и КРЭ, где основным источником финансирования экономики выступают фондовый рынок и банковское кредитование соответственно, в ЗРЭ ключевую роль играет привлечение ПИИ, в результате чего относящиеся к ним страны становятся нетто-импортерами капитала. Иностраный капитал доминирует во всех основных отраслях международной производственной специализации данных стран, а ввиду высокого уровня его проникновения в финансовый сектор кредитная политика местных банков также определяется ТНК других стран.

Влияние на трудовые отношения общественных институтов, которые на Западе регулируются на отраслевом или национальном уровнях, является ограниченным, а договоренности между работодателями и работниками носят внутрифирменный характер. В связи с этим ТНК не заинтересованы в упорядочивании отношений на рынке труда, поддерживая низкую стоимость рабочей силы и ограничивая возможности занятых объединяться с целью влияния на условия труда⁷². Относительно дешевая и квалифицированная рабочая сила предопределила развитие в ЦВЕ экспортноориентированных сборочных производств, преимущественно в среднетехнологичных трудоемких отраслях. Благодаря ТНК они встроены в трансграничные цепочки добавленной стоимости, усиливая позиции данного региона как одной из «глобальных сборочных платформ»⁷³.

72. Вместе с тем ТНК стараются не переусердствовать в ограничении роли профсоюзов: забастовки на местных предприятиях, встроенных в глобальные цепочки добавленной стоимости, могут оказать негативный эффект на другие компании – участницы производственного цикла (подр. см.: *Greskovits B. Leading sectors and the variety of capitalism in Eastern Europe. In: State and society in post-socialist economies. Pickles J. (Ed.). London, Palgrave Macmillan, 2008. P. 19–46.*

73. *Pickles J., Smith A., et al. Upgrading, changing competitive pressures, and diverse practices in the East and Central European apparel industry // Environment and Planning A: Economy and Space. Vol. 38. No. 12, 2006. P. 2305–2324.*

А. Нелке и А. Флигентхарт указывают, что государственные стандарты профессионального обучения скорректированы под потребности ТНК, при этом расходы самих компаний на подготовку кадров минимальны. Учитывая факт дефицита бюджетных средств для должного финансирования системы образования и науки в странах ЦВЕ, такое унаследованное от социализма конкурентное преимущество, как квалифицированная рабочая сила, постепенно сходит на нет. В отличие от ЛРЭ и КРЭ собственные НИОКР носят здесь в основном имитационный характер, а ключевые инновации имеют зарубежное происхождение и инкорпорируются ТНК в локальные производственные системы.

Примечательно, что авторы сомневаются не только в перспективах сохранения ЗРЭ своих конкурентных преимуществ, к обладанию которыми стремятся другие постсоциалистические страны, но и в целом в жизнеспособности данного типа капитализма. В то же время они не видят предпосылок для дальнейшей трансформации ЗРЭ в ЛРЭ, как это произошло, например, с Ирландией. Что касается распространения этой разновидности капиталистических отношений на постсоветском пространстве, то А. Нелке и А. Флигентхарт, соглашаясь с аргументацией Л. Кинга, считают такой сценарий маловероятным: в странах с развивающимися рынками (в том числе и в среднеазиатских) формируется «клановый капитализм» с присущими ему патрон-клиентскими отношениями и внутриаэлитным противостоянием за обладание ресурсами.

Чешские экономисты Я. Драгокупил и М. Мянт, представляющие Европейский институт профсоюзов (г. Брюссель), проанализировали капиталистические отношения в постсоциалистических странах, акцентируя внимание на различных формах их интеграции в мировую экономику⁷⁴. Не противопоставляя свою методологию VoC-подходу, они тем не менее выделяют пять условных разновидностей капитализма

74. *Drabokoupil J., Myant M. Putting comparative capitalisms research in its place: varieties of capitalism in transition economies. In: New Directions in Comparative Capitalisms Research; Ebenau M., Bruff I., May C. (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 155–171.*

и используют совершенно иные критерии, связывая типы капитализма с преобладанием той или иной формы международной интеграции⁷⁵.

Считая понятие «зависимые рыночные экономики» не отражающим реальное положение дел, они объединяют страны ЦВЕ как «рыночные экономики, базирующиеся на ПИИ» (FDI-based market economies): их интеграция с развитыми государствами ЕС обусловлена экспортом контролируемых ТНК предприятий, а отношения государства и бизнеса строятся на принципе невмешательства. Наличие демократических политических систем и экспорт низкотехнологичных трудоемких товаров (в том числе в рамках субконтрактинга) характерны для «периферийных рыночных экономик» (peripheral market economies), к которым авторы относят существенно различающиеся группы стран — государства ЮВЕ и Прибалтики.

Для стран, развивающихся по модели ЗРЭ, характерен ряд особенностей. *Первая*, наиболее очевидная связь существует между корпоративным управлением и основными источниками инвестиций. Все страны ЦВЕ, кроме Словении, уже в 1990-х гг. обогнали ЕС по объему притока ПИИ относительно ВВП. Предприятия под иностранным контролем обеспечивают в них, по данным Евростата, в среднем более 1/5 занятости и создают свыше 1/3 валовой добавленной стоимости в нефинансовом частном секторе. В силу отсутствия у правительств возможности проводить селективную ПИИ-политику (противоречащую правилам ЕС) подавляющая часть ПИИ в странах ЦВЕ пришлось не на совместные предприятия, а на филиалы ТНК, которые контролируются и финансируются

75. Я. Драгокупил и М. Мянц выделяют четыре формы интеграции за счет встраивания в производственные сети (созданные с участием ПИИ и без них экспортоориентированные сложные производства, технологически несложные субконтрактные производства, выпуск полуфабрикатов) и две формы финансовой интеграции (как результат трансграничного движения капитала и переводов из-за рубежа). Однако для типологии использовался весьма ограниченный набор индикаторов за один год (все — по отношению к ВВП, в %): объем выпуска сложной продукции, топлива, товаров легкой промышленности, потребительских товаров, а также ПИИ и денежных переводов.

из штаб-квартир⁷⁶. Филиалы не пренебрегают и международным рынком капиталов, а также кредитами местных банков (большинство которых в странах ЦВЕ являются дочками иностранных финансовых институтов), однако основным источником финансирования остаются ПИИ.

Вторая особенность отражает тесную взаимосвязь между институтами корпоративного управления, источниками инвестиций и системой отношений между трудом и капиталом. Учитывая жесткую международную конкуренцию за ПИИ, правительства принимающих стран вынуждены идти на создание максимально привлекательной среды для иностранных инвесторов⁷⁷, и ТНК оказываются в исключительно благоприятных условиях для выстраивания особых отношений между трудом и капиталом. С одной стороны, ТНК заинтересованы в том, чтобы работники филиалов были удовлетворены своим положением, поскольку филиалы объединены в производственные цепи и недовольство работников в каких-то звеньях может негативно сказаться на производственном результате в целом. С другой стороны, ТНК нуждаются в низких затратах на труд и, следовательно, для них неприемлемо наличие в странах своей экспансии таких институтов, как всеобъемлющие коллективные соглашения, а также ограничения свободы работодателей в вопросах найма и увольнения работников⁷⁸. При этом позиции трудовых коллективов филиалов ТНК, профсоюзов и гражданского общества в странах зависимого капитализма не настолько сильны, чтобы они могли требовать заключения генеральных соглашений по вопросам труда в рамках страны. В результате

76. Hall P., Gingerich D. Varieties of Capitalism and Institutional Complementarities in the Macroeconomy An Empirical Analysis. Discussion Paper. Max Planck Institute for the Study of Societies. Cologne. 2004. May; Hopner M. What Connects Industrial Relations and Corporate Governance? Explaining Institutional Complementarity // Socio-Economic Review. 2005. No. 2. May. P. 331–358.

77. Глинкина С.П., Куликова Н.В. Заимствование рыночных институтов развитых стран: опыт Центрально-Восточной Европы // Современная Европа. 2015. № 4. С. 109.

78. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Сеницина И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. М: Институт экономики РАН, 2014. С. 30.

доминируют селективные соглашения на уровне компаний, что соответствует интересам ТНК⁷⁹.

Третья обусловлена зависимостью, возникающей между институтами корпоративного управления, источниками инвестиций и механизмами развития инноваций. ТНК предпочитают оставлять инновационные виды деятельности в странах своего базирования, либо приобретать инновации в странах либеральной рыночной экономики, либо создавать их на совместных предприятиях с производителями стран координируемой рыночной экономики. Зависимые рыночные экономики используются в основном для размещения сборочных производств или производств несложных, полустандартизированных промышленных товаров. В связи с этим у ТНК нет необходимости тратить большие средства на научно-исследовательскую деятельность в странах зависимого рыночного капитализма, как это происходит в либеральных рыночных экономиках, или осуществлять характерную для координируемых рыночных экономик профессиональную подготовку кадров, формирующую специфические знания и навыки⁸⁰. Кроме того, ТНК осуществляют трансфер технологий в свои филиалы в странах с зависимой рыночной экономикой без каких-либо рисков их дальнейшего распространения (утечки), которые возникают, например, в случае создания совместных предприятий⁸¹.

Описанная комплементарность институтов обеспечивает странам зависимого капитализма специфические сравнительные преимущества, которые базируются не на радикальных технологических инновациях, характерных для стран либерального рыночного капитализма, и не на постоянных и постепенных инновациях в организации труда и совершенствовании средств производства, свойственных коор-

79. Глинкина С.П. Итоги трансформации, или К вопросу о разнообразии моделей капитализма. Серия «Доклады МАОН». М., 2016.

80. Ibid.

81. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. М.: Институт экономики РАН, 2014. С. 39–41.

динируемой рыночной экономике, а являются следствием комбинации низких затрат на труд и достаточно высоких профессиональных навыков рабочей силы. Такая комбинация делает страны зависимого капитализма привлекательными для организации транснациональными корпорациями на их территории производств со средним уровнем технологий, которые остаются под контролем корпоративных иерархий. Наиболее инновативные части производственных цепочек ТНК оставляют в странах своего базирования.

Европейская интеграция как фактор формирования зависимой модели экономики в ЦВЕ

В регионе Центрально-Восточной Европы особые общественно-экономические модели сосуществовали и на этапе его социалистического развития. В этой связи следует упомянуть венгерский социализм конца 1960–1980-х годов или югославский самоуправленческий социализм, для экономических моделей которых было характерным творческое соединение плана и рынка, а для общественного развития — демократизация практически всех сфер жизни. По идеологическим соображениям в СССР в те годы этот интересный в теоретическом и практическом плане опыт либо замалчивался, либо объявлялся проявлением ревизионизма. Многими исследователями периода рыночных реформ упускаются из вида принципиальные особенности развития стран ЦВЕ, которые позволяют говорить о сложившейся в них особой модели капитализма.

Специфику формировавшейся в 1990-е годы в регионе модели капитализма предопределила цель вступления в Европейский союз, поставленная странами ЦВЕ после свершившихся на рубеже 1980-х и 1990-х годов «бархатных революций». В конкретных исторических условиях (крушение мировой социалистической системы и распад ее ядра — Советского Союза, который в течение многих лет выступал ключевым политическим союзником и главным торгово-экономическим партнером стран региона) этот выбор был

практически неизбежным. С членством в ЕС страны ЦВЕ связывали надежды на модернизацию экономики, ускорение экономического роста и, в конечном счете, на ликвидацию отставания от Западной Европы по уровню благосостояния и качеству жизни. Достичь этого предполагалось посредством экономической интеграции с западноевропейскими странами и при финансовой поддержке из фондов ЕС.

Курс стран ЦВЕ на евроинтеграцию полностью отвечал геостратегическим целям ЕС. Однако в качестве условия включения этих стран в свой состав ЕС выдвинул приведение их политических, экономических и правовых систем в соответствие со своими нормами и правилами. Это условие было официально оформлено на заседании Европейского совета в Копенгагене в июне 1993 г., где одновременно с принятием политического решения о возможности приема стран ЦВЕ в ЕС были установлены критерии готовности стран-претендентов к членству. Эти условия, получившие название «Копенгагенские критерии», требовали наличия в странах, во-первых, стабильных институтов, гарантирующих демократию, верховенство закона, соблюдение прав человека, уважение и защиту меньшинств; во-вторых, функционирующей рыночной экономики, а также способности справляться с конкурентным давлением и рыночными силами в рамках союза; в-третьих, способности принять на себя все обязательства, связанные с членством в ЕС, включая приверженность целям политического, экономического и валютного союза. Соответствие этим требованиям предполагало имплементацию в национальное законодательство и эффективное исполнение странами-кандидатами т.н. *acquis communautaire* — совокупности наработанных за всю историю европейской интеграции положений, принципов, политических целей и юридических норм, зафиксированных в договорах ЕС и других его документах.

Для подготовки стран ЦВЕ к началу переговоров о приеме в ЕС его руководящие органы разрабатывали программы, регламентировавшие содержание и сроки конкретных

реформ, оказывали финансовую поддержку в их проведении и осуществляли жесткий контроль над процессом реформирования с применением мер принуждения. В ходе переговорного процесса, официально открытого в конце 1990 – начале 2000-х годов⁸² и проходившего исключительно на двусторонней основе, проводился анализ соответствия конкретных стран копенгагенским критериям и их прогресса в сближении национального законодательства с законодательством ЕС. Полное выполнение политических критериев соответствия статусу члена Евросоюза выдвигалось в качестве обязательного условия принятия той или иной страны. В отношении экономических критериев был применен иной подход: наличие рыночной экономики страны должны были обеспечить до вступления в ЕС, тогда как способность противостоять конкурентному давлению на едином европейском рынке могла формироваться и позже, уже во время членства в союзе.

Переговоры велись отдельно по каждому из трех с лишним десятков разделов правовых норм ЕС (*acquis*) – от свободного передвижения товаров, предоставления услуг (включая финансовые), движения капитала и передвижения людей до акционерного права, политики в области конкуренции, сельскохозяйственной, промышленной, энергетической и транспортной политики, экономической и денежно-кредитной политики, социальной политики, политики в области науки, образования и культуры, информационной политики, сотрудничества в области юстиции и внутренних дел, политики защиты окружающей среды, ветеринарных и фитосанитарных норм, региональной политики, а также политики внешних связей, общей внешней политики и политики безопасности. Содержание переговорных разделов не подлежало обсуждению, интеграционное ядро диктовало свои правила и требовало их неукоснительного соблюдения. В отдельных случаях вступающим странам были лишь даны отсрочки от

82. Переговоры о приеме в ЕС были официально открыты с Венгрией, Польшей, Чехией, Словенией и Эстонией в 1998 г., со Словакией, Латвией, Литвой, Болгарией и Румынией в 2000 г., с Хорватией в 2005 г.

применения наиболее проблемных для них норм ЕС. Также были установлены временные исключения для Евросоюза в вопросе распространения на новых членов общих правил, в частности, в области свободного передвижения людей и поддержки сельского хозяйства⁸³.

В итоге переход от тоталитарного политического режима к демократии и от централизованно управляемой плановой экономики к рыночной был совершен в странах ЦВЕ путем переноса на национальную почву в полном объеме институтов демократии и либеральной рыночной экономики, существующих в ЕС.

Институциональная адаптация, которую осуществили страны ЦВЕ, выполняя условия присоединения к ЕС, привела их демократические, экономические, правовые институты и институты гражданского общества в соответствие с более высокими европейскими стандартами. В некоторых эмпирических исследованиях обнаруживаются свидетельства того, что совершенствование институтов дает мультипликативный эффект: умелое управление, власть закона, политическая стабильность и низкий уровень коррупции приносят долгосрочные дивиденды в плане экономического роста и таким образом косвенно влияют на качество жизни граждан⁸⁴. Однако этот эффект институциональных реформ столь мал, что с трудом поддается статистическому измерению.

Вместе с тем, очевидно, что существовавшая в ЕС нормативная база далеко не во всех отношениях была оптимальной для стран ЦВЕ, значительно уступающих западноевропей-

83. Куликова Н.В., Синицина И.С. Национальные и наднациональные компетенции в процессе расширения Европейского союза на восток // Опыт наднационального регулирования в региональных интеграционных группировках / Отв. ред. С.П. Глинкина. М.: Институт экономики РАН, 2015.

84. См., например: *Hall R.E., Jones C.I.* Why Do Some Countries Produce So Much More Output per Worker than Others? // *Quarterly Journal of Economics*. 1999. Vol. 114. No. 1. P. 83–116; *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A.* Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth // *NBER Working Paper*. No. 10481. 2004; *Eichler T.S., Schreiber T.* Structural policies and growth: Time series evidence from a natural experiment // *Journal of Development Economics*. 2010. No. 91. P. 169–179.

ским странам по уровню развития. Принятие и имплементация правовых норм ЕС порой оборачивались для этих стран источником серьезных структурных, экономических и социальных проблем. Так, хозяйствующие субъекты новых стран – членов понесли ущерб из-за открытия процедуры размещения государственных заказов для фирм из стран Евросоюза. Серьезными потерями обернулся перевод систем стандартизации на европейские нормы, который производился в рамках экологических, санитарных и коммуникационных программ ЕС. Страны ЦВЕ были вынуждены под давлением Евросоюза закрыть энергетические программы, базировавшиеся на использовании атомных электростанций советского производства. Многие предприятия пищевой отрасли, особенно по переработке животноводческой продукции, пришлось закрыть ввиду несоответствия европейским санитарно-гигиеническим нормам⁸⁵. Прекратили работу промышленные предприятия, нарушавшие принятые в ЕС нормы выбросов в атмосферу. Немалых затрат потребовала замена авиапарка, городского автопарка, военной техники и др. Под давлением Европейской комиссии страны ЦВЕ были вынуждены пересматривать условия приватизации и предпринимательской деятельности для иностранцев (в частности, при покупке земли и вывозе капиталов), зачастую во вред национальной экономике.

Несмотря на проделанную ныне принятыми в ЕС странами ЦВЕ работу по адаптации европейских правовых норм, в рамках Евросоюза пока так и не удалось создать однородное институциональное пространство. Используемые в мировой практике индексы, в частности рассчитываемый Всемирным банком в ежегодном исследовании «Ведение бизнеса» показатель удаленности от передового рубежа, свидетельствуют о сохраняющемся значительном отставании новых членов ЕС от более развитых его стран по качеству институцио-

85. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. М: Институт экономики РАН, 2014. С. 15–16.

нальной среды. Особенно велико это отставание по показателям налогообложения, обеспечения выполнения контрактов, разрешения проблем неплатежеспособности, защиты миноритарных акционеров. Не лучшим образом обстоит дело и с неформальными институтами. Согласно индексу восприятия коррупции, который ежегодно рассчитывается для различных стран мира международной организацией Transparency International, ее уровень остается в странах ЦВЕ значительно выше, чем в Западной Европе. Самые серьезные проблемы с коррупцией испытывают Румыния, Болгария и Словакия. Присутствие в этой тройке Словакии — страны с развитой демократией, высокой открытостью экономики, сравнительно высоким в последние полтора десятилетия экономическим ростом и достойным на фоне других стран ЦВЕ душевым объемом ВВП — дает повод сомневаться в верности утверждений о том, что уровень коррупции снижается по мере преодоления бедности, увеличения открытости экономики и повышения зрелости демократических институтов⁸⁶.

Таким образом, результаты институциональных реформ в странах ЦВЕ оказались далекими от ожидаемых, несмотря на то что программы этих реформ разрабатывались руководящими органами ЕС, и для их реализации Евросоюз оказывал техническую и финансовую помощь. Проведенные преобразования не обеспечили появления в странах ЦВЕ либерального рыночного капитализма, модель которого они пытались скопировать. Не могло здесь возникнуть и координируемого рыночного капитализма в силу захвата экономики иностранными, в основном западноевропейскими, компаниями после снятия, в соответствии с правилами ЕС, всех ограничений на их деятельность на территории стран ЦВЕ. Неокрепший к моменту их вступления в ЕС национальный сектор экономики оказался не в состоянии противостоять наплыву иностранных товаров и натиску иностранного капитала.

86. Глинкина С., Куликова Н. Евроинтеграционная модель постсоциалистической трансформации стран Центрально-Восточной Европы и их экономическая динамика // Российский экономический журнал. 2016. № 4. С. 39–40.

Особенности развития стран ЦВЕ в рамках модели зависимой рыночной экономики

Результаты развития стран ЦВЕ в рамках модели зависимой рыночной экономики неоднозначны. С одной стороны, обильный приток иностранного капитала, наблюдавшийся до начала мирового финансового кризиса, способствовал экономическому росту. ПИИ повысили общую факторную производительность, конкурентоспособность и экспортную ориентированность производства, а кредитная экспансия дочек иностранных банков поддерживала экономический рост, разогревая внутренний спрос, особенно потребительский. В результате страны ЦВЕ с начала 2000-х годов вошли в число наиболее динамично развивавшихся стран мира (табл. 1).

Таблица 1. Динамика ВВП стран ЦВЕ в 2000–2020 гг.

Страны	Темпы прироста реального ВВП по отношению к предыдущему г., %				
	2000–2008, в среднем в год	2009	2010–2013, в среднем в год	2014–2019, в среднем в год	2020, оценка МВФ
Болгария	6,0	–3,6	1,0	3,5	–4,0
Венгрия	3,4	–6,6	0,7	4,0	–3,1
Польша	4,1	2,8	2,9	4,2	–4,6
Румыния	6,1	–5,9	1,0	4,9	–5,0
Словакия	5,7	–5,4	2,8	3,2	–6,2
Словения	4,2	–7,8	–0,5	3,5	–8,0
Хорватия	4,2	–7,3	–1,2	2,9	–9,0
Чехия	4,3	–4,8	0,7	3,4	–6,5
Для сравнения					
Германия	1,6	–5,6	2,2	1,8	–7,0
Евросоюза*	2,0	–4,5	0,7	2,0	–7,5
ЕС15**	2,1	–4,4	0,8	1,9	
ЕС28	2,4	–4,2	1,0	2,1	–7,1
Мир	4,3	–0,1	4,2	2,9	–3,0

* В нынешнем составе из 19 стран.

** 15 стран, входивших в ЕС до расширения на Восток в 2004 г.

Источники: IMF. World Economic Outlook Database. www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx; UNCTADstat; unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx.

С другой стороны, в экономике большинства стран возникли крупные внешние и внутренние дисбалансы, приведшие к долговым проблемам. Разросся финансовый сектор и сектор недвижимости в ущерб традиционным видам хозяйственной деятельности. Не вызвавшие интереса иностранных инвесторов производства пришли в упадок. Впечатляющий рост экспорта был обеспечен в основном внутрифирменным обменом в рамках цепей поставок ТНК при слабом увеличении поставок на внешние рынки отечественной продукции. Внешняя торговля почти полностью замкнулась на рынок ЕС (на него стало приходиться около 80% всего экспорта стран ЦВЕ), что сделало экономику глубоко зависимой от его конъюнктуры.

Несмотря на имплементацию всех институциональных норм ЕС, у стран ЦВЕ не возникло сравнительных преимуществ, присущих странам с либеральной рыночной экономикой и базирующихся на радикальных технологических инновациях. Сравнительные преимущества стран ЦВЕ остались ограничены относительно низкими затратами на труд при достаточно квалифицированной рабочей силе и использовались иностранными инвесторами преимущественно для размещения здесь производств среднего технологического уровня. При этом трансфер технологий на предприятия, создаваемые в основном в форме филиалов ТНК, осуществлялся без каких-либо рисков утечки за их пределы, которые обычно возникают в случае создания совместных предприятий. В результате экономика распалась на два сектора: «национальный» — технологически отсталый и низко рентабельный и «иностранный» — более эффективный и конкурентоспособный, но готовый в любой момент перебазироваться в другие страны в случае появления там более благоприятных условий⁸⁷.

После снятия в соответствии с правилами ЕС всех ограничений на деятельность западноевропейских компаний

87. Глинкина С.П., Куликова Н.В. О модели капитализма в Центрально-Восточной Европе // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 3. С. 9–24.

и банков на своей территории страны ЦВЕ не смогли противостоять захвату неокрепших национальных экономик иностранным капиталом. Более того, ему способствовала и экономическая политика правительств, стремившихся привлечь как можно больше иностранных инвестиций с помощью предоставления налоговых льгот и других привилегий инвесторам.

По данным Евростата, доля предприятий под иностранным контролем в создании валовой добавленной стоимости в коммерческом нефинансовом секторе экономики в 2015 г. варьировала в странах Вишеградской четверки и Румынии, привлекая основную часть ПИИ в регионе, от 35 до 52%, а доля в численности занятых — от 26 до 29%, что значительно превышает показатели подавляющего большинства других стран ЕС (рис. 1); некоторые из отраслей полностью оказались в руках иностранных компаний. Аналогичные процессы проходили в финансовом секторе: иностранные банковские структуры стали контролировать около 80% банковских активов в регионе. В такой ситуации основной чертой экономики стран ЦВЕ стала фундаментальная зависимость ее развития от инвестиционных решений ТНК и кредитной политики иностранных банков.

Резкое сокращение притока иностранного капитала и падение спроса на внешних рынках с началом мирового финансового кризиса ввергли страны ЦВЕ (за исключением Польши) в глубокую экономическую рецессию, за которой последовала затяжная сложная ситуация в экономике, во многом связанная с кризисом суверенных долгов и очередным снижением деловой активности в еврозоне⁸⁸. В 2010–2013 гг. в Хорватии продолжалась экономическая рецессия, в Венгрии, Румынии, Словении и Чехии кратковременные оживления в экономике сменялись повторными спадами, экономика Болгарии постоянно находилась в стагнации,

88. Центральная и Восточная Европа: последствия долгового кризиса в еврозоне / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2014.

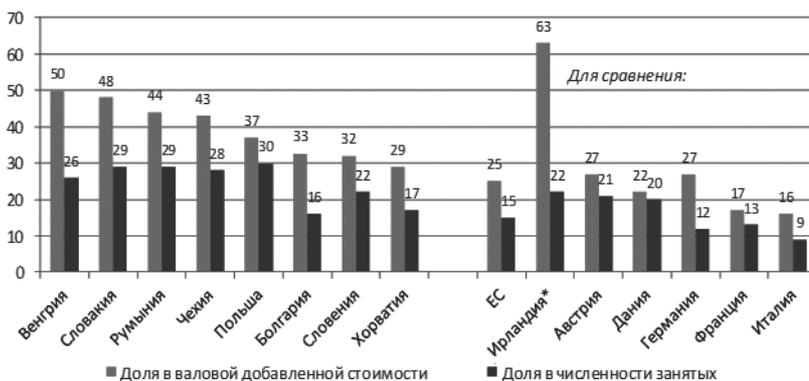

Рис. 1. Доля предприятий под иностранным контролем в валовой добавленной стоимости и общей численности занятых в коммерческом нефинансовом секторе экономики в странах ЦВЕ и некоторых странах ЕС-15 в 2017 г., %

* Страна ЕС с самой большой долей иностранных филиалов в ВДС.

Источник: Eurostat. appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=egi_va1&lang=en; appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=egi_em1&lang=en.

в такое же состояние, после начавшегося было достаточно быстрого восстановления в 2010–2011 гг., пришла экономика Польши и Словакии, в которых темпы годового прироста ВВП в 2012–2013 гг. составляли лишь от 1,4 до 1,7%.

После пяти лет спадов и застоя экономика Центрально-Восточной Европы вошла наконец в фазу циклического подъема (см. табл. 1). Средние годовые темпы прироста ВВП стран региона в 2014–2017 гг. составили 3,4%, превысив в 1,7 раза показатель ЕС15. Ускорение экономического роста проходило на фоне кардинальных изменений в его источниках. Основным из них стало служить потребление домашних хозяйств, объем которого в 2017 г. увеличился в странах ЦВЕ в среднем на 15,6% по сравнению с 2013 г. Такое увеличение стало следствием значительного, даже ниже докризисных минимумов, сокращения безработицы (табл. 2), внушительного, существенно опережающего инфляцию, повышения заработной платы — в среднем

на 22,5% за 2014–2017 гг. в расчете на 1 час рабочего времени (рис. 2), а также оживления кредитования населения по мере оздоровления финансовых балансов банков и укрепления уверенности заемщиков. В некоторых странах, например, в Польше, росту частного потребления способствовало также увеличение социальных выплат.

Таблица 2. Уровень безработицы в странах ЦВЕ в 2008–2019 гг.

Страны	Безработные, % от экономически активного населения				
	2008	Макс. значение (год)	2017	2018	2019
Болгария	5,6	13,0 (2013)	6,2	5,2	4,2
Венгрия	7,8	11,2 (2010)	4,2	3,7	3,4
Польша	7,1	10,3 (2013)	4,9	3,9	3,3
Румыния	5,6	7,2 (2011)	4,9	4,2	3,9
Словакия	9,6	14,5 (2010)	8,1	6,5	5,8
Словения	4,4	10,1 (2013)	6,6	5,1	4,5
Хорватия	8,6	17,3 (2013)	11,2	8,5	6,6
Чехия	4,4	7,3 (2010)	2,9	2,2	2,0
Для сравнения					
ЕС	7,0	10,8 (2013)	7,6	6,8	6,3

Источник: Eurostat. ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tps00203.

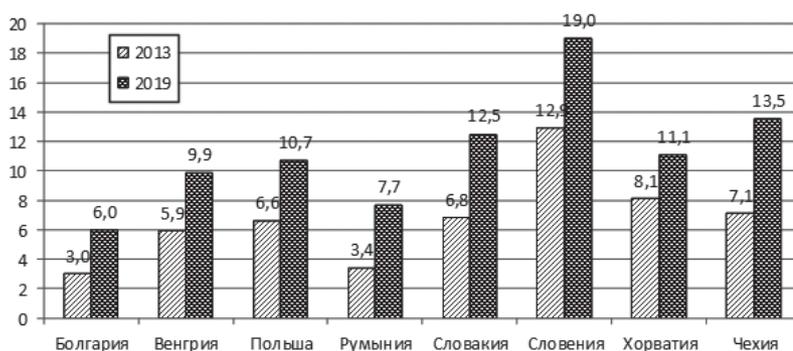

Рис. 2. Средняя заработная плата в расчете на 1 час рабочего времени в 2013 и 2019 г., евро

Источник: Eurostat. ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tps00173.

Вклад валовых капиталовложений в рост ВВП до недавнего времени оставался слабым, а в некоторых странах даже отрицательным, в основном по причине уменьшения государственных инвестиций из-за задержки в использовании средств фондов ЕС на старте нового бюджетного периода 2014–2020 гг. Лишь с 2017 г. деловая активность стала поддерживаться ростом не только потребления (хотя этот фактор остался главным), но и других составляющих внутреннего спроса. Государственные инвестиции активизировались благодаря увеличению объемов освоения структурных и инвестиционных фондов ЕС, в 2017 г. за счет этих фондов была профинансирована примерно половина государственных инвестиций в Румынии и Венгрии и около одной трети в других странах. Частные инвестиции в ряде стран также начали восстанавливаться, хотя и значительно более скромными темпами. В Венгрии, например, общая инвестиционная активность повысилась как в результате реализации проектов, получающих финансовую поддержку из бюджета ЕС, так и вследствие капиталовложений в модернизацию мощностей в обрабатывающей промышленности, в частности в производстве автомобилей и IT-оборудования. Тем не менее норма инвестиций во всех странах ЦВЕ остается значительно более низкой, чем была до мирового кризиса, и в большинстве из них намного уступает среднемировому уровню (рис. 3).

Благодаря сохраняющейся конкурентоспособности производимой в странах ЦВЕ продукции, пока еще относительно благоприятным условиям на рынке труда и географической близости к Западной Европе чистый приток ПИИ в регион остается положительным, однако его объем значительно сократился по сравнению с докризисным периодом. В результате доля стран ЦВЕ снижается как в мировом притоке ПИИ, так и в их мировом накопленном объеме (рис. 4).

Рост экспорта после 2013 г. ускорился, в основном благодаря некоторому оживлению экономики и спроса в Западной Европе, являющейся основным экспортным рынком для стран ЦВЕ. Компании некоторых стран (например, польские) стали более активно экспортировать продукцию также за

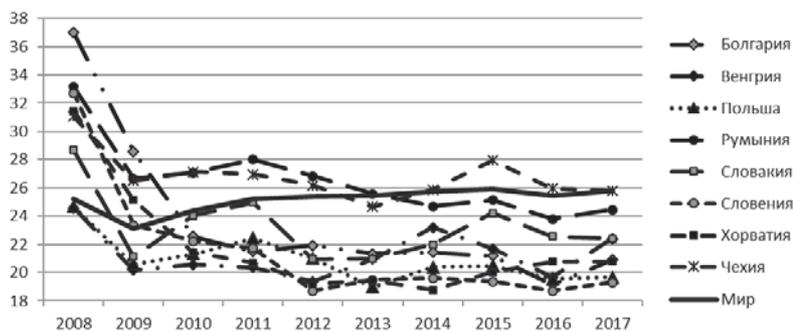

Рис. 3. Объем инвестиций в 2008–2017 гг., % к ВВП

Источник: IMF. World Economic Outlook Database. October 2018. www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx.

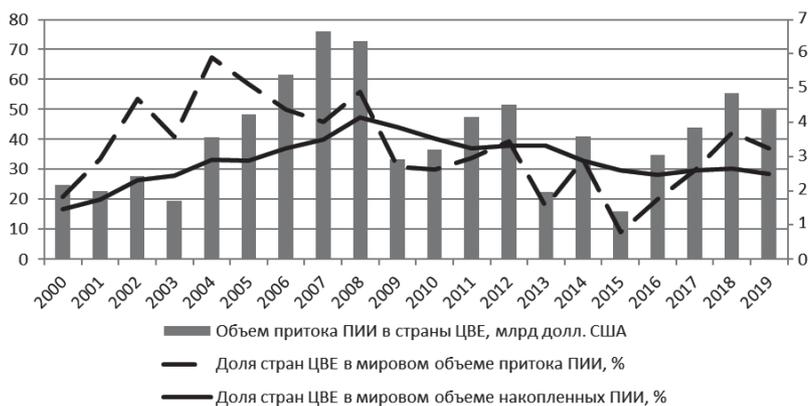

Рис. 4. Прямые иностранные инвестиции в 2000–2019 гг.

Источник: UNCTADstat. unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx.

пределы Евросоюза. Тем не менее экспорт растет в два раза медленнее, чем до мирового финансового кризиса (табл. 3), и из-за быстрого роста импорта вклад чистого экспорта в рост ВВП значительно уменьшился.

Возобновлению экономического роста в странах ЦВЕ способствовала комфортная макроэкономическая среда. Мягкая денежно-кредитная политика Европейского центрального банка создавала благоприятные внешние финансовые усло-

Таблица 3. Темпы прироста объема экспорта товаров стран ЦВЕ в долл. США, %

Страны и мир	2004–2007, в среднем в год	2018–2019, в среднем в год
Болгария	25,6	1,8
Венгрия	13,5	5,2
Польша	10,1	5,9
Румыния	8,6	5,4
Словакия	19,7	3,5
Словения	13,9	5,3
Хорватия	10,0	4,2
Чехия	22,4	2,8
Для сравнения		
Мир	9,0	2,9

Источник: IMF. World Economic Outlook Database. www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx.

вия. Центральные банки стран, не входящих в еврозону и применяющих режим таргетирования инфляции, также проводили денежно-кредитную политику, поддерживающую экономический рост. Ключевую процентную ставку начали повышать только Чешский национальный банк (в 2017 г.) и Национальный банк Румынии (в 2018 г.).

Налогово-бюджетная политика стран ЦВЕ также содействовала началу экономического подъема, в большинстве случаев стимулируя рост экономики в рамках бюджетных дефицитов, допускаемых Маастрихтскими критериями финансовой стабильности (табл. 4). Некоторые страны снижали ставки налогов. В Венгрии, например, корпоративный налог в 2017 г. был сокращен до 9% – самого низкого уровня в Европе. Эта мера принесла пользу в основном венгерским и иностранным компаниям среднего размера. Эффективные налоговые ставки для крупных иностранных транснациональных корпораций, в частности для немецких автопроизводителей, были значительно сокращены еще раньше посредством предоставления государственных субсидий и налоговых льгот⁸⁹.

89. COFACE. CEE TOP 500 Ranking. September 2018. www.coface.com/fr/Actualites-Publications/Publications/Coface-CEE-TOP-500-Companies-2018-Edition.

Таблица 4. Сальдо государственного бюджета стран ЦВЕ, % к ВВП

Страны	2009–2013, в среднем в год	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Болгария	–2,0	–5,4	–1,7	0,2	1,1	2,0	2,1
Венгрия	–3,9	–2,6	–1,9	–1,6	–2,2	–2,1	–2,0
Польша	–5,4	–3,7	–2,7	–2,2	–1,4	–0,2	–0,7
Румыния	–5,5	–1,3	–0,7	–2,9	–2,9	–2,9	–4,3
Словакия	–5,3	–2,7	–2,6	–2,2	–0,8	–1,0	–1,3
Словения	–7,4	–5,5	–2,8	–1,9	0,1	0,7	0,5
Хорватия	–6,2	–5,1	–3,4	–0,9	0,9	0,2	0,4
Чехия	–3,5	–2,1	–0,6	0,7	1,5	0,9	0,3
Для сравнения							
ЕС-28	–5,0	–2,9	–2,3	–1,7	–1,0	–0,7	–0,8

Источник: Eurostat. ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tec00127.

В одном из исследований, проведенных в рамках изучения модели зависимого рыночного капитализма, нами была сделана попытка оценить экономический эффект ее использования в странах ЦВЕ. В этой связи было сделано допущение, что членство в ЕС подразумевает развитие конкретной страны по рассматриваемой модели. В качестве детерминант, влияющих на динамику реального ВВП, были рассмотрены показатели импорта и экспорта, ежегодного притока и накопленных ПИИ, инфляции, уровня занятости.

Проверяемая гипотеза состояла в следующем: со вступлением стран ЦВЕ в Европейский союз (формированием модели зависимого рыночного капитализма) детерминанты, влияющие на экономический рост, усилили свое воздействие на реальный ВВП. Экономический эффект модели зависимого рыночного капитализма обозначался через фиктивные переменные (в данном случае EUM_{it}), равные 0, когда страны ЦВЕ еще не вступили в ЕС, и 1, когда страны ЦВЕ вступили в ЕС.

Используемые индексы обозначали членство страны i в году t . Поставленная гипотеза проверялась при помощи модели, которую можно записать в обобщенном виде следующим образом:

$$y_{it} = \alpha + \beta * X_{it} + \gamma * X_{it} * EUM_{it} + \varepsilon_{it}$$

где y_{it} – объясняемая переменная, обозначающая реальный ВВП в постоянных ценах 2010 г. страны i за год t ; X_{it} – матрица факторов; EUM_{it} – фиктивные переменные, обозначающие наличие членства в ЕС.

В табл. 5 сведены результаты, полученные из моделей фиксированных и случайных эффектов, а также модели линейной регрессии (Pooled OLS модели).

Таблица 5. Результаты эконометрических моделей

Зависимая переменная: реальный ВВП в постоянных ценах 2010 г.	(1) Pooled-Model	(2) Fixed-Effects Model	(3) Random-Effects Model
EXP – экспорт	-3,055*** (0,402)	1,589** (0,545)	-0,895* (0,508)
IMP – импорт	4,385*** (0,488)	-0,580** (0,575)	2,076*** (0,552)
FDIflow – приток ПИИ	2,091* (1,057)	1,782*** (0,819)	2,283* (0,919)
FDIstock – накопленные ПИИ	0,890*** (0,228)	0,0912** (0,252)	0,751*** (0,248)
EmpRate – уровень занятости	-6,192*** (437,8)	5,883** (798,1)	-6,309** (674,3)
IR – инфляция	-0,0251* (1,312)	-0,450* (0,447)	-0,424* (0,526)
EUM	2,9115** (9116,8)	3,605*** 19028,3	12,4478** 12645,4
_cons	6125,3*** (20804,2)	22647,2*** (36668,3)	26737,7* (32035,6)
N- Number of observations	240	240	240
R-sq	0,903	0,898	
adj. R-sq	0,900	0,876	
rmse	40681,5	29268,4	33687,3
Standard errors in parentheses * p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001			

Источник: рассчитано в статистическом пакете Stata 11.

Коэффициент детерминации (R²), полученный из модели с фиксированными эффектами, составил 0,898, что свидетельствует о значимости полученных коэффициентов. На

экономический рост стран Центрально-Восточной Европы за исследуемый период 2005–2019 гг. негативное влияние оказывали такие факторы, как импорт и уровень инфляции. Так, по результатам, полученным из модели с фиксированными эффектами, следует, что при изменении коэффициента импорта на 1 единицу реальный ВВП государств ЦВЕ сокращается на 0,58 млн долл. США. Схожая ситуация происходит и при изменении показателя инфляции на 1 единицу – ВВП в этом случае сокращается на 0,45 млн долл. США.

Положительный эффект на экономическое развитие рассматриваемых государств оказывают такие переменные, как экспорт, прямые иностранные инвестиции и уровень занятости. Так, при увеличении экспорта реальный ВВП стран ЦВЕ растет на 1,59 млн долл. США, а в случае расширения объема накопленных ПИИ реальный ВВП стран ЦВЕ увеличивается на 0,09 млн долл. США. Наибольшее положительное влияние на экономический рост государств ЦВЕ оказывали приток ПИИ и уровень занятости в экономиках рассматриваемых стран. Так, с ростом притока ПИИ реальный ВВП увеличивается на 1,8 млн долл. США, а при повышении уровня занятости – на 5,8 млн долл. США. Полученные коэффициенты фиктивных переменных подтверждают гипотезу о том, что результаты членства стран региона в ЕС следует считать неоднозначными.

Риски для экономического роста и приоритеты экономической политики в условиях новой реальности. Возможные альтернативы зависимому капитализму

При оценке экономических перспектив стран ЦВЕ приходится исходить из того, что исключительно благоприятные докризисные внешние условия развития вряд ли вернуться в обозримой перспективе. Это следует из более скромных, чем прежде, международных потоков капитала, ослабления динамики международной торговли, произошедших и продолжающихся структурных сдвигов в мировой экономике, мировых

тенденций в области технологий, изменений в международной специализации стран, нарастающего протекционизма в международной торговле, который грозит разрушением сложившихся глобальных производственно-сбытовых цепочек и крайне опасен для экспортоориентированной и глубоко интегрированной в такие цепочки экономики региона. Такие тенденции говорят о больших рисках сохранения в странах ЦВЕ модели развития, в основе которой в течение многих лет лежали активное привлечение иностранного капитала во всех формах и ориентация на высокий внешний спрос.

Вместе с тем, сформировавшаяся в последние годы в странах ЦВЕ новая модель экономического роста не обеспечивает достижения темпов роста мировой экономики, и тем более вызывает сомнение ее способность поддерживать устойчивый рост в будущем. Уровень загрузки производственных мощностей во многих странах достиг исторических максимумов, текущее предложение на рынках труда находится ниже средних исторических показателей, разрыв между потенциальным и фактическим объемом производства почти закрыт, то есть экономика практически уже работает на полную мощность. Долгосрочный потенциал роста (максимально приемлемый рост производства без перегрева экономики) оценивается в большинстве стран ЦВЕ значительно ниже, чем до мирового финансового кризиса. Основными причинами этого являются слабый рост факторной производительности, низкие нормы инвестиций и сокращение трудовых ресурсов.

Рынок труда в регионе становится все более напряженным. Вследствие стремительного падения предложения рабочей силы во многих странах начинает остро ощущаться нехватка рабочей силы, особенно квалифицированной, и это превращается в серьезное препятствие для расширения бизнеса и роста экономики. Резервов для изменения ситуации к лучшему остается все меньше. Уровень занятости населения почти во всех странах ЦВЕ уже сравнялся со средним по ЕС (рис. 5), а Чехия почти догнала европейских лидеров — Германию и Швецию. В дальнейшем предложение на рынках

труда может еще снизиться из-за быстрого старения населения и миграционного оттока, возросшего после вступления стран в ЕС и шенгенскую зону.

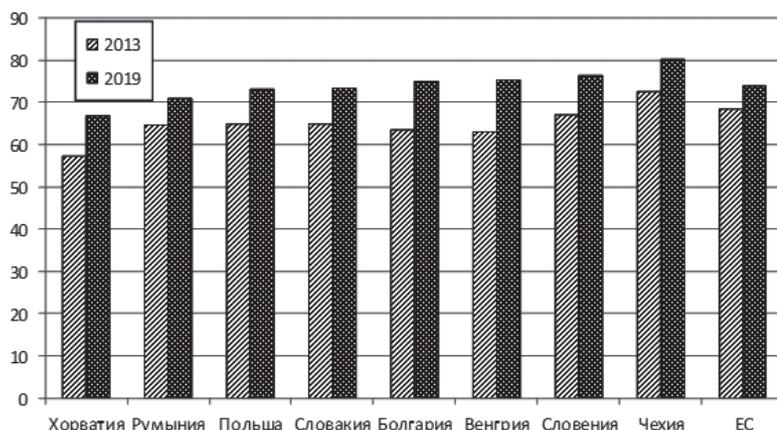

Рис. 5. Уровень занятости населения в возрасте 20–64 лет в 2013 и 2019 г., %

Источник: Eurostat. ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&rcode=t2020_10&plugin=1.

Вынужденное в условиях дефицита рабочей силы повышение компаниями заработной платы, почти вдвое опережающее в последние годы рост производительности труда, ведет к снижению рентабельности. Пока еще ее уровень в экономике стран ЦВЕ примерно на 10 п.п. выше, чем в развитых странах Европы⁹⁰, и у компаний остается возможность выдерживать рост удельных затрат на рабочую силу. Однако продолжение быстрого роста заработной платы неизбежно начнет угрожать конкурентоспособности экономики, подрывать ее экспортные возможности и привлекательность для иностранных инвестиций, сохраняющих критическую важность для экономического развития стран ЦВЕ.

90. IMF. World Economic Outlook Database, October 2018. www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx.

Денежно-кредитная и фискальная политика, также как и повышение доходов населения, не смогут вечно поддерживать экономический рост, не связанный, в отличие от докризисного периода, с ростом производительности факторов производства или радикальными структурными изменениями в экономике.

С учетом всех этих обстоятельств экономические перспективы Центрально-Восточной Европы расцениваются аналитиками как мало обнадеживающие. Рассчитывать на поддержку экономического роста со стороны внешнего спроса не приходится, в основных странах-партнерах ожидается очередной циклический спад в экономике, многократно усиленный пандемией COVID-19. Переломить тенденцию ухудшения экономической динамики могут помочь только меры, направленные на повышение долгосрочного потенциала роста за счет более эффективного использования внутренних возможностей. Это должно выдвинуть на первый план экономической политики новые приоритеты:

- корректировку денежно-кредитной политики с учетом более низких долгосрочных уровней притока иностранного капитала;
- поддержку отечественных производителей;
- переориентацию финансовых учреждений на обслуживание стартапов в новых сферах;
- инвестирование в цифровую инфраструктуру;
- развитие науки;
- развитие человеческого потенциала посредством повышения качества образования и здравоохранения;
- адаптацию учебных программ в системах образования и профессионального обучения к потребностям в кадрах новых инновационных фирм;
- организацию эффективного повышения квалификации безработных;
- стимулирование к трудовой деятельности еще остающихся резервов трудоспособного населения (в частности, женщин и лиц пенсионного возраста);

- нацеливание социальной политики на устранение неравенства возможностей путем более равномерного распределения дохода и расширения доступа малоимущего населения к хорошему образованию⁹¹.

Важной задачей для стран ЦВЕ остается также возвращение внешней торговле прежней роли двигателя экономического роста. Решение этой задачи кроется в перемещении ресурсов из слабо вовлеченных во внешнеторговые операции секторов в конкурентоспособные на международном уровне производства, в модификации внешнеторговой политики с учетом меняющегося международного разделение труда, в переходе от форсирования экспорта товаров к наращиванию экспорта услуг (доля которых в мировом потреблении увеличивается), в диверсификации внешнеэкономических связей с целью снижения зависимости от находящегося в состоянии застоя западноевропейского рынка и извлечения большей выгоды из рынков быстроразвивающихся стран, прежде всего азиатских.

Среди многоплановых усилий по созданию прочных основ для экономического роста привлекают внимание элементы так называемого экономического национализма, которые проявились в политике ряда стран ЦВЕ. Предпосылки формирования феномена экономического национализма в странах ЦВЕ стали складываться еще на старте трансформационных реформ, инициированных, по свидетельству всемирно известного венгерского экономиста Яноша Корнаи, одного из наиболее ярких в 1980-е годы критиков плановой системы хозяйствования, «базирующимся в Вашингтоне международными финансовыми организациями, и постепенно продолженными Европейским союзом... Многие изменения были навязаны этим странам с помощью внешнего давления или, по меньшей мере, это давление ускорило реализацию изменений»⁹².

91. Центрально-Восточная Европа в поисках новых источников развития / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2018.

92. Корнаи Я. Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: успехи и разочарования // Мир перемер. 2006. № 2. С. 7–45.

Довольно скоро стало очевидно, что национальные экономики в значительной степени регулируются институтами глобального управления – поборниками максимальной либерализации экономических взаимодействий, а также наднациональными органами ЕС и иерархиями ТНК⁹³. Национальные границы полностью открыты для потоков капитала, товаров, услуг и рабочей силы, при этом государства под действием норм европейского права вынуждены исключить из своих практик механизмы, которые в прошлом использовались для борьбы с возможными негативными последствиями открытых границ. При этом государства, будучи демократическими, вынуждены отвечать на чаяния населения, значительная часть которого оказалась разочарованной результатами трансформационных реформ и членства в ЕС. Таким образом, в странах ЦВЕ с очевидностью проявился так называемый парадокс неолиберальной демократии. Речь идет о ситуации, в которой оказывается руководство всякого демократического государства, когда оно должно отвечать требованиям граждан, обладая при этом все меньшим контролем над национальной экономикой⁹⁴.

Естественным ответом на сложившуюся ситуацию стал поиск долгое время абсолютно «послушными» воле Евросоюза странами – новыми членами инструментов восстановления хотя бы минимального контроля над национальными рынками. Для национальных элит политика экономического национализма становилась инструментом балансирования между, с одной стороны, игрой по международным правилам при почти полной (для некоторых стран) утрате контроля над экономикой, а с другой – проведением государственных интервенций теми методами, которые позволяют защищать национальное производство, особые черты и традиции мест-

93. Глинкина С.П. Постсоциалистические трансформации в свете дискуссий о многообразии моделей капитализма // *Общественные науки и современность*. 2017. № 2. С. 5–20.

94. *Crouch C. Economic patriotism and the paradox of neo-liberal democracy. Paper presented at the first Economic Patriotism workshop, Warwick University, 13–14 February, 2008.*

ных сообществ⁹⁵. Такая политика стала попыткой изменить сложившуюся в странах ЦВЕ модель развития в условиях серьезно сократившихся прежних источников экономического роста, застопорившегося процесса конвергенции в рамках ЕС, серьезного институционального кризиса в Евросоюзе, сокращения поступлений из структурных фондов ЕС, а также таких требующих решения социальных проблем, таких как рост дифференциации доходов и депопуляция.

Такой разворот событий стал неожиданностью для международных организаций и транснационального капитала, поскольку казалось, что им удалось убедить страны ЦВЕ в том, что полное членство в ЕС, а также встраивание ряда отраслей их экономики в международные цепи поставок – огромный успех трансформационных реформ, гарантия решения всех проблем развития. Серьезные конфликты между пытающимися осуществлять политику государственного интервенционализма странами и поборниками господствовавших долгие годы в мировой экономике методов либерального управления оказались неизбежными. Политику экономического национализма в либеральных средствах массовой информации, да и многих научных работах либерального толка, сразу же окрестили безответственным популизмом, провозгласили и недопустимой, и неэффективной, хотя с очевидностью ее инструменты (создание институтов, поддерживающих национальных товаропроизводителей, содействие становлению национальных «чемпионов бизнеса» и т.д.) широко использовались всеми развитыми государствами Европы после Второй мировой войны и активно применяются сегодня быстро развивающимися государствами Юго-Восточной Азии, Китаем.

Наиболее ярким примером развития «экономического патриотизма» в ЦВЕ служит Венгрия – в прошлом лидер региона по привлечению ПИИ. Руководство страны разработало и уже несколько лет реализует новую экономическую

95. Goff P.M. Limits to Liberalization: Local Culture in a Global Marketplace. Cornell studies in political economy. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2007.

политику, направленную на поддержку отечественных товаропроизводителей, ограничение роли иностранного капитала в ряде отраслей экономики и увеличение финансового бремени для филиалов ТНК. Правительство исходит из того, что национальная независимость в мирное время базируется на независимости в области энергетики, финансов и торговли. Новая экономическая политика в Венгрии оказалась довольно эффективной посткризисной программой. Венгерскому государству удалось восстановить определенный контроль над внутренним рынком, усилить свое влияние в финансовом секторе и ряде социально значимых отраслей экономики. При этом государственный интервенционализм не оказал фиксируемого статистикой отрицательного влияния на такие макроэкономические показатели, как рост ВВП, внутренних инвестиций, экспорта, а также занятости и заработной платы. Почти по всем перечисленным показателям Венгрии удалось достичь докризисных отметок или превзойти их.

Таким образом, анализ показал, что ни в одной из стран ЦВЕ не созданы базовые модели капитализма, характерные для развитых рыночных экономик — либеральный рыночный или координируемый рыночный капитализм. Развитие стран ЦВЕ по модели зависимой рыночной экономики дало неоднозначные результаты. В период мирового экономического бума обильный приток ПИИ и иностранные кредиты способствовали ускорению роста, повышению эффективности и экспортной направленности экономики за счет секторов с большой долей иностранного капитала. Вместе с тем, в экономике возникли крупные внешние и внутренние дисбалансы, национальный сектор пришел в упадок, экспорт рос в основном за счет внутрифирменного обмена в рамках цепей поставок ТНК, торговля почти полностью замкнулась на рынок ЕС. Все это сделало экономику крайне неустойчивой к негативным внешним воздействиям, что было со всей очевидностью продемонстрировано мировым финансовым кризисом и кризисом суверенных долгов в еврозоне, которые ввергли страны ЦВЕ в экономическую рецессию с последовавшей затяжной стагнацией.

Экономический рост, возобновившийся в странах ЦВЕ в последние годы благодаря увеличению потребления домохозяйств, к которому привели повышение занятости и внушительный рост заработной платы, не может считаться устойчивым, поскольку резервы рабочей силы в большинстве этих стран почти исчерпаны, а повышение оплаты труда без соответствующего роста его производительности ведет к снижению конкурентоспособности экономики.

Руководство стран ЦВЕ сталкивается с парадоксом неолиберальной демократии – необходимостью отвечать на социальные требования граждан, обладая при этом все меньшим контролем над национальной экономикой.

В складывающихся условиях возрастает значение усиления национальной экономической политики. В частности, в условиях небольших по размеру стран, как показывает венгерский опыт, весьма эффективно может быть и умелое использование инструментов политики экономического национализма. Реализации такой политики в современных условиях противодействует множество объективных и субъективных факторов. Среди них – крайне отрицательное на сегодняшний день отношение к экономическому национализму ведущих международных организаций, и в частности институтов ЕС; ограниченность материальных (прежде всего финансовых) ресурсов у руководства стран с формирующимися рынками и необходимость принятия для мобилизации этих ресурсов непопулярных мер, а также шагов, затрагивающих интересы крупных игроков рынка; сложность проведения в условиях усиления субъективных факторов в управлении экономическими процессами взвешенной политики по противодействию разрастания неформальных институтов, в частности коррупции. Однако трудности на пути политики экономического национализма не означают ее невозможность. Без достижения же странами ЦВЕ большей независимости в проведении экономической политики конвергенция между ними и Западной Европой может растянуться на многие десятилетия либо не состояться вовсе.

МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА В КИТАЕ: СУЩНОСТЬ И НАПРАВЛЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ

Для многих государств, проводивших трансформационный переход от плановой к рыночной экономике, путь, проделанный Китаем по созданию модели государственного рыночного капитализма⁹⁶, представляется образцовым, в силу чего ее анализ и объяснение устойчивости к современным вызовам более чем актуален. Практическая значимость данного исследования объясняется важностью опыта Китая для государств, сделавших выбор в пользу перехода к рыночной экономике, среди которых бывшие советские республики, страны Центрально-Восточной Европы и ряд государств Восточной Азии.

За несколько прошедших десятилетий Китайская Народная Республика, безусловно, сумела совершить «экономическое чудо»: и из отсталой аграрной страны превратилась в одного из мировых экономических лидеров (табл. 6). Фактически в административно-плановую систему были

96. Государственный капитализм является моделью, в рамках которой государство выступает посредником в организации и функционировании практически всех институциональных связей в экономике. Благодаря строгому регулированию и контролю над конкуренцией и наличием в экономике значительного числа национализированных фирм государство сохраняет свое присутствие и в производственном секторе. Рынок труда также находится под жестким регулированием государства. Ответственность за социальные конфликты, финансовые проблемы и экономическую ненадежность от субъектов переходит к государству.

включены рыночные механизмы при общем сохранении социалистических начал⁹⁷.

Таблица 6. Динамика экономических показателей Китая (2010–2017)

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
% ВВП КНР от мирового ВВП (номинальный)	9,2	10,4	11,4	12,5	13,3	14,8	14,8	15,1
% ВВП КНР от мирового ВВП (ППС)	13,9	14,2	15,3	15,9	16,5	17,2	17,8	18,3
ВВП КНР на душу населения, долл.	4478	5501	6232	6968	7578	7989	8239	8833
Численность населения, млн. человек	1341	1347	1353	1360	1368	1375	1382	1391
Объем товарооборота, млрд долл.	2973	3641	3866	4158	4300	3962	3684	3736
Объем прямых инвестиций из КНР, млрд долл.	68	74	87	101	116	118	170	187
Объем прямых инвестиций в КНР, млрд долл. (приток)	106	116	113	117	119	126	129	144
Золотовалютные резервы КНР, млрд долл.	2931	3273	3388	3800	3900	3405	3098	3140
Расходы госбюджета, % к ВВП	22,6	23,1	24,2	24,6	22,3	26,0	26,3	28,2
Объем инвестиций в основные производственные фонды, % к ВВП	63,2	65,8	72,1	78,6	78,9	83,0	80,0	81,2

Источник: Составлено и рассчитано по данным UN Comtradedata. comtrade.un.org; Worldbank. www.worldbank.org.

Китай на сегодняшний день занимает 1 место в мире по ряду ключевых показателей, в том числе по ВВП по паритету покупательной способности, объему производства и экспорта готовой продукции, золотовалютным резервам и многим другим. Китай активно ведет политику по привлечению прямых иностранных инвестиций. В 2019 г. страна поставила исторический рекорд: за год было привлечено 176 млрд долл. (первое место среди развивающихся стран). Быстро

97. Глинкина С.П. К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации: доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016.

растут и китайские прямые инвестиции в мировую экономику, если на 2000 г. они были практически равны нулю, то в 2019 г. это 200 млрд долл. — качественно новый показатель, позволяющий КНР превратиться в одного из крупнейших мировых инвесторов⁹⁸. На XIX съезде КПК Председатель КНР Си Цзиньпин заявил: «Китай приближается к тому, чтобы стать центром мировой сцены. К 2050 г. мы станем глобальным лидером по общей силе нации и международному влиянию»⁹⁹. К 2050 г. после завершения строительства социалистической модернизации перед Китаем поставлена задача: выйти на первое место в мире по всем показателям, стать основным мировым экономическим и политическим лидером, создать зажиточное общество¹⁰⁰.

Подобных успехов Китаю во многом удалось добиться благодаря созданной модели госкапитализма (МГК), со значительной ролью государственного вмешательства и большой долей государственных предприятий в ключевых отраслях экономики. Однако МГК в Китае имеет и ряд недостатков, связанных с функционированием частного сектора экономики. Частные фирмы сталкиваются с институциональными ограничениями и вынуждены конкурировать с менее эффективными, но политически поддерживаемыми государственными предприятиями.

Сегодняшняя МГК формировалась постепенно, с начала периода реформ в конце 1970-х годов она постоянно изменялась в части доли государства в экономике. Так, если в начале реформ государственные предприятия составляли 80% объема производства Китая, то сегодня на них приходится чуть более 20%. На сегодняшний день частное предпринимательство обеспечивает большую часть производства и занятости

98. Яковлев А.А. Евразийский экономический союз и китайская инициатива «Один пояс — один путь»: возможности для сотрудничества // Вестник Института экономики РАН. 2018. №1. С. 204–211.

99. Информационное агентство ТАСС. tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5074766.

100. Аносова Л.А. Китайская экономика сегодня: достижения и проблемы // Экономика и управление. 2017. №9 (143). С. 4–12.

населения. Частными являются и наиболее инновационные китайские компании. Роль государственных предприятий существенно изменялась благодаря последовательным волнам реформы государственной собственности. В конце 1990-х годов премьер-министр Чжу Жунцзи провел масштабную реструктуризацию государственного сектора экономики, с закрытием или объединением неэффективных компаний, а также введением более жестких бюджетных ограничений для оставшихся предприятий. При Си Цзиньпине Пекин сконцентрировался на развитии 96 преимущественно промышленных предприятий, принадлежащих государству, сохраняя их под жестким политическим контролем и принимая шаги для улучшения их коммерческой эффективности, в отношении же тысяч государственных предприятий, принадлежащих муниципальным органам власти, которые не имеют стратегического значения, не предусмотрена существенная поддержка со стороны государства. Пекин призывает местные органы власти закрыть убыточные муниципальные предприятия, однако местные чиновники зачастую стараются сохранять их как источник занятости и налоговых поступлений¹⁰¹.

Государственная собственность сегодня по-прежнему играет ключевую роль в экономике, особенно в стратегически важных отраслях: государственные компании контролируют около 40% промышленных активов в Китае. Эта доля частично отражает доминирование государственных компаний в капиталоемких отраслях экономики, таких как нефтегазовая, тяжелая промышленность, телекоммуникации, которые до сих пор в значительной степени закрыты для участия частных и иностранных фирм¹⁰².

Государственные банки доминируют в банковской системе, и хотя они становятся все более коммерчески ориен-

101. *Malesky, E., and London J.* 2014. The Political Economy of Development in China and Vietnam. *Annual Review of Political Science*: 395 – 419.

102. *Guo D., Jiang K., Kim B., and Xu C.* 2014. Political Economy of Private Firms in China // *Journal of Comparative Economics* 42: 286–303.

тированными, до сих пор представляют собой важный рычаг для государства, направляющий капитал в приоритетные отрасли экономики¹⁰³.

Неотъемлемой частью государственного рыночного капитализма в Китае является тот факт, что правительство и коммунистическая партия играют активную роль в управлении отраслевой промышленной политикой как на центральном, так и на муниципальных уровнях. Инструменты для такого вмешательства включают регулирующие действия (например, одобрения для инвестиционных проектов), контроль цен, прямые и косвенные субсидии (доступ к льготным банковским кредитам), селективная поддержка. Промышленная политика Китая оказывает большое влияние на мировые рынки. Меры по продвижению таких отраслей, как сталелитейная промышленность, производство алюминия, в том числе посредством субсидированной кредитной политики, помогли Китаю значительно увеличить долю на мировом рынке, но при этом создали избыточные мощности, что привело к снижению мировых цен и создало проблемы для собственной экономики страны¹⁰⁴.

Основы для беспрецедентных экономических и социальных реформ в рамках МГК были заложены на третьем пленуме XVIII съезда КПК, на котором был намечен всеобъемлющий план преобразований, в котором были определены стратегические приоритеты на следующие 20 лет. За пленумом последовало принятие 13-го пятилетнего плана (на 2016–2020 гг.). В нем были определены первостепенные цели (включая количественные показатели) устойчивого развития до 2020 г., дававшие старт «началу первого этапа в новой траектории реформ». Он включает три основных элемента, которые определяют долгосрочную стратегическую трансформацию модели экономического роста Китая:

103. Ван Лина. Анализ на пути интернационализации китайских банков посткризисного периода / Лина Ван. — Чанчунь: Школа международной торговли. 2013. С. 12.

104. Yu M. 2014. Processing Trade, Tariff Reductions and Firm Productivity: Evidence from Chinese Firms. *Economic Journal*, forthcoming.

- диверсификация источников экономического роста, связанная с интенсивным переходом от модели экономического роста, основанной на экспорте и инвестициях, к модели роста, основанной на потреблении;
- расширение зарубежного инвестирования через систему внутренних стимулов, а также реализация многосторонних инициатив, обусловленных как экономическими, так и политическими факторами;
- переход от трудоинтенсивного экономического роста за счет накопления капитала к основанному на инновациях росту, быстрому развитию высокотехнологичных отраслей, стратегическому позиционированию в качестве «научно-технической сверхдержавы»¹⁰⁵.

Согласно этим направлениям активизируется промышленная политика, в которой сочетаются элементы планирования социалистической эпохи и того курса, который установили правительства Японии, Южной Кореи и Тайваня в период «догоняющего развития». Общей чертой политики этих стран является активная роль правительства, направляющего ресурсы в привилегированные компании или сектора экономики. Однако правительство Китая играет еще более значительную роль в государственном секторе, чем в любой из вышеупомянутых стран, но при этом Китай сегодня является значительно более открытой экономикой, чем были вышеперечисленные страны в фазе быстрого роста¹⁰⁶.

В сущности, сегодня Китай отошел от централизованного планирования и даже от полностью управляемой государством экономики. Но государственный капитализм остается ключевой характеристикой экономической модели: государственные предприятия играют стратегически важную роль во многих ключевых секторах, должностные лица на различных

105. *Аранова Е., Дагган Н.* На переломе: современная трансформация модели экономического роста Китая. Валдайские записки. №113. М: Международный дискуссионный клуб. Валдай. 2020. С. 4.

106. *Kroeber Arthur R.* China's Economy: What Everyone Needs to Know Oxford University Press, 2016.

уровнях зачастую глубоко вовлечены в формирование развития промышленности и управление экономическими результатами посредством прямого административного вмешательства и политического влияния и селективной поддержки¹⁰⁷.

С 2015 г. государственные предприятия стали развиваться значительно быстрее по сравнению с частным сектором, изменив при этом долгосрочную тенденцию, которая продолжалась с начала периода реформ. Рост производства государственных предприятий в последние годы стал опережать частные фирмы. Банковские кредиты поступают в основном в государственные предприятия, так, в 2016 г. 83% новых банковских кредитов пришлось на государственные предприятия (частный сектор получил всего 11%), тогда как в 2013 г. их доля составляла всего 35%, при этом эффективность государственных предприятий отстает от частного сектора¹⁰⁸.

В 2018 г. правительство Китая выдвинуло инициативу, согласно которой крупные централизованные государственные предприятия будут отвечать за обеспечение и поставку основных стратегически важных ресурсов, включая энергию, металлы, химикаты, зерно и судоходство. На основе этой инициативы Пекин спроектировал ряд мегаслияний между государственными предприятиями в этих отраслях. Кроме того, поскольку Пекин стремится бороться с перепроизводством и сократить избыточные мощности в таких секторах, как уголь, сталь и алюминий, он побудил крупнейших игроков (государственные компании) приобретать более мелкие фирмы (частные). Эти слияния ставят перед собой цель создания промышленных гигантов, которые еще более масштабны, но при этом теоретически более конкурентоспособны, расширение государственных предприятий поможет снизить

107. *Портяков В.Я.* Полезная книга о китайской экономике // *Мировая экономика и международные отношения.* 2017. №5. С. 118–121.

108. *Yu. M.* 2014. Processing Trade, Tariff Reductions and Firm Productivity: Evidence from Chinese Firms. *Economic Journal*, forthcoming.

их производительность, значительно увеличив при этом охват рынка¹⁰⁹.

Китайская кампания по борьбе с финансовыми рисками, начатая в конце 2016 г., нанесла значительный урон частным фирмам. Данная кампания была нацелена на закрытие каналов теневого финансирования в Китае, нерегулируемых или непрозрачных инвестиционных инструментов, предлагаемых банками и другими финансовыми учреждениями. Проблема заключается в том, что эти каналы, являясь источником системного финансового риска, параллельно были ключевым каналом финансирования для частных фирм, и особенно малого и среднего предпринимательства. Сейчас банки предпочитают давать финансирование государственным предприятиям, а не частным фирмам, особенно это касается классического и льготного кредитования, что является следствием того, что государственные предприятия имеют, хоть и неявную, государственную гарантию.

Тем не менее правительство страны в настоящее время использует политическое давление и набор новых финансовых инструментов, чтобы побудить банки предоставлять больше кредитов частным фирмам. Однако банки особенно боятся кредитовать частный сектор в условиях замедления роста экономики после пандемии COVID-19 и в условиях торговых войн с США (большая часть экспорта Китая в США приходится именно на частные компании)¹¹⁰.

Проблемы, с которыми сталкивается частный сектор, особенно в получении финансов, привели к тому, что предприниматели и экономисты все чаще заявляют о том, что государство движется вперед, а частный сектор остается на месте, что привело к изменению тенденции, достигнутой в послереформенный период. В ответ на это правительство Китая сделало ряд заявлений в поддержку частного сектора,

109. Карлусов В. Китай: антикризисный потенциал экономики и меры борьбы с мировым кризисом // Вопросы экономики. 2009. №. 6. С. 125–126.

110. Ван Лина. Анализ на пути интернационализации китайских банков посткризисного периода / Лина Ван. Чанчунь: Школа международной торговли. 2013. С. 12.

представило множество новых мер и предложений по расширению доступа к кредитам и снижению затрат (в том числе за счет снижения налогов), пообещало предоставлять частным фирмам равные условия с государственными предприятиями в области правового регулирования¹¹¹.

Еще одной уникальной чертой государственного капитализма Китая является большая роль Коммунистической партии. Будучи политической организацией, насчитывающей более 80 миллионов членов, партия стоит над правительством Китая и имеет широкие возможности для регулирования китайской экономики, вплоть до активного влияния на частные компании. Партия может осуществлять контроль над экономической политикой и влиять на поведение фирм, например, поощряя банк, оказывающий финансовую поддержку стратегически важной государственной инициативе — по политическим, а не формальным административным каналам. При Си Цзиньпине роль партии в экономике Китая постепенно усиливается, эту тенденцию можно назвать становлением разновидности государственного рыночного капитализма — «партийным капитализмом»¹¹².

Наиболее значительным политическим событием в Китае при Си Цзиньпине стало усиление партийного контроля во всех основных институтах Китая. Это была доминирующая тема 19 Съезда партии в октябре 2017 г., с которого начался второй пятилетний срок полномочий Си Цзиньпина в качестве лидера Китая. В обращении Си Цзиньпина к Конгрессу содержалась ключевая строка, которая также была добавлена к конституции КПК: «Правительство, военные, общество и школы, север, юг, восток и запад — партия является лидером всех»¹¹³.

111. Yu M. 2014. Processing Trade, Tariff Reductions and Firm Productivity: Evidence from Chinese Firms. *Economic Journal*, forthcoming.

112. *Jake Laband*. Fact Sheet: Communist Party Groups in Foreign Companies in China, *China Business Review*, May 31, 2018. www.chinabusinessreview.com/fact-sheet-communist-party-groups-in-foreign-companies-in-china.

113. Информационное агентство ТАСС. tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4274765.

Все государственные предприятия Китая и раньше имели партийные комитеты, но их роль зачастую заключалась скорее в политическом образовании сотрудников, чем в принятии ключевых решений компании. После усиления роли партии, которое началось в конце 2015 г., и внесения поправки в конституцию КПК в ноябре 2017 г. все государственные предприятия должны согласовывать ключевые решения с партийным комитетом. При этом партийный комитет не является теневым органом, так как руководители предприятий входят в партийный комитет. Официально одной из главных целей партийного комитета является борьба с коррупцией. В КПК специально создан антикоррупционный департамент, который подбирает кандидатов на ключевые должности в государственные предприятия страны и строго наказывает за нарушения установленных им правил. Во взаимодействии с государственными предприятиями Пекин сочетает жесткий партийный контроль над ними с уменьшением административного вмешательства в их деятельность. Это попытка повысить коммерческую ориентацию государственных предприятий, обеспечивая при этом их приверженность основным приоритетам страны. Примечательно, что волна усиления партийного контроля в государственных предприятиях возникла в конце 2015 г., когда Пекин начал продвигаться в сторону реформ корпоративного управления государственных предприятий, направленных на предоставление более широкого круга возможностей государственным предприятиям при принятии кадровых и компенсационных решений без одобрения SASAC (государственного агентства, контролирующего госпредприятия)¹¹⁴.

Влияние партии распространяется и на частные фирмы, особенно после XIX съезда КПК, хотя это и не прописано в конституции партии, как сделано в отношении государственных предприятий. Многие частные фирмы активно

114. *Портяков В.Я.* Современная корректировка модели экономического роста в Китае: теория и практика // *Общество и государство в Китае.* 2015. Т. 45. № 18. С. 596–608.

демонстрируют свою приверженность КПК с помощью рекламы. Так, IT-компании запустили поддерживающую партию идеологическую пиаракцию после того, как Пекин начал запрещать политически или морально некорректное наполнение видеориг, потокового видео и других форм онлайн-контента¹¹⁵.

Усиление роли партии также влияет на некоторые иностранные фирмы в Китае, особенно на совместные предприятия. Китайские партнеры по совместному предприятию все чаще требуют внесения поправок в корпоративные уставы, чтобы повысить роль партийного комитета в принятии решений¹¹⁶.

Однако было бы неверно характеризовать эту тенденцию как возврат к централизованному планированию. С практической точки зрения, партийный контроль создает больше возможностей для частного сектора и снижает при этом административный контроль Пекина над государственными предприятиями. Пристальное внимание Си Цзиньпина к экономике, помимо обеспечения базовой стабильности, превращает Китай в инновационную сверхдержаву. Это важно для страны не только по экономическим причинам, но и для обеспечения национальной безопасности и военной конкурентоспособности. В Пекине осознают, что частные фирмы Китая важнее для этой задачи, чем государственные. Частные игроки, такие как Huawei, Alibaba, Baidu и Tencent, а не государственные гиганты, как China Telecom, представляют национальных чемпионов Китая в областях следующего поколения, таких как искусственный интеллект и т. п. Обеспечение эффективного политического контроля над частными фирмами дает Пекину возможность работать в тесном партнерстве с ними. Действительно, интернет-

115. Guo D., Jiang K., Kim B., and Xu. C. 2014. Political Economy of Private Firms in China // Journal of 40 Comparative Economics 42: 286–303.

116. Jake Laband. Fact Sheet: Communist Party Groups in Foreign Companies in China // China Business Review. May 31. 2018. www.chinabusinessreview.com/fact-sheet-communist-party-groups-in-foreign-companies-inchina.

гиганты глубоко укоренились в аспектах экономической инфраструктуры Китая: от платежной системы до вклада в систему социального кредитования. Важно отметить, что одобрение Пекином стратегически важных частных фирм не привело к устранению прямых и косвенных субсидий и политической защиты, которыми пользуются государственные предприятия¹¹⁷.

Теоретически это позволяет Пекину работать в более тесном партнерстве с динамичными частными фирмами и улучшать коммерческую ориентацию государственных предприятий, сохраняя при этом политический контроль и гарантируя, что эти фирмы поддерживают стратегические приоритеты руководства¹¹⁸.

Однако такая практика имеет и некоторые недостатки. Например, если Китай не сократит неявную правительственную гарантию, которой пользуются государственные предприятия, они будут продолжать получать преференциальный доступ к кредитной системе Китая независимо от их финансовых показателей, что приведет к дальнейшему неэффективному распределению кредита и капитала¹¹⁹.

Размытие границ между государственными и частными фирмами создает свои риски для частного сектора. Если политический контроль будет слишком усилен, он может подорвать доверие частных фирм, которые уже не будут уверены в безопасности своих прав собственности в Китае¹²⁰.

Кроме того, это рискует усугубить растущую тенденцию, когда частные фирмы из Китая все чаще рассматриваются на международном уровне как агенты или потенциальные агенты китайского государства. Это один из факторов расту-

117. *Cao K. and Birchenall J.* 2013. Agricultural Productivity, Structural Change, and Economic Growth in Post – Reform China // *Journal of Development Economics* 165–180.

118. *Guo D., Jiang K., Kim B., and Xu C.* 2014. Political Economy of Private Firms in China // *Journal of Comparative Economics* 42: 286–303.

119. *Zhu X.*, 2012. Understanding China's Growth: Past, Present and Future // *Journal of Economic Perspective* 26(4): 103–124.

120. *Guo D., Jiang K., Kim B., and Xu C.* 2014. Political Economy of Private Firms in China // *Journal of Comparative Economics* 42: 286–303.

щего противодействия китайским инвестициям, особенно в западных странах. Все чаще считается, что различий между частными и государственными компаниями Китая не существует. В случаях, связанных с национальной безопасностью, торговым партнерам трудно полностью исключить возможность того, что частные фирмы действуют для достижения стратегических целей Китая, такие подозрения являются неизбежным побочным действием акцента Китая на партийном контроле над частным сектором. Особенно данная проблема обострилась с началом торговой войны между Китаем и США.

Однако, несмотря на обозначенные изъяны МГК, в первую очередь связанные с функционированием частного сектора, данная модель достаточно устойчива к тем проблемам, которые все чаще обозначаются сторонниками прогноза «жесткой посадки» китайской экономики¹²¹. К проблемам относятся: замедление темпов экономического роста, увеличение долговой нагрузки китайской экономики, старение населения, рост отрицательного сальдо между собственным производством и потреблением энергоресурсов, проблемы в экологии, замедление темпов роста экспорта и другие.

Действительно, темпы экономического роста 6–7%, которые Китай показывал в последние годы, стали существенно ниже, чем в нулевые годы (10–12%) (рис. 6). В 2014 г. Си Цзиньпин на форуме АТЭС заявил: «Китай после экономического кризиса вошел в состояние новой нормальности, которая указывает на постепенную перемену в динамике развития экономики»¹²². Новая нормальность характеризуется переходом от экономического роста высокими темпами (рост ВВП от 7,5% в год) к росту средневысокими темпами (рост ВВП от 6 до 7,5% в год), оптимизацией экономической структуры, связанной с ростом урбанизации и потребительского спроса, а также тем, что основным источником роста

121. Kroeber Arthur R. *China's Economy: What Everyone Needs to Know* Oxford University Press, 2016.

122. Информационное агентство ТАСС. [tass.ru/mezhdunarodnaya – panorama/3738392](http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3738392).

вместо факторов производства становятся инновации. Китай вынужден развивать высокотехнологичные отрасли и науку, потому что прежние ресурсы роста (увеличение объемов экспорта, экстенсивный рост отдельных видов производств) уже не дают необходимого эффекта, и каждый новый процент роста ВВП дается все с большим трудом¹²³. Тем не менее намеченный на XVIII съезде КПК в 2012 г. показатель ВВП в 80 трлн юаней к 2020 г. был выполнен уже в 2017 г.

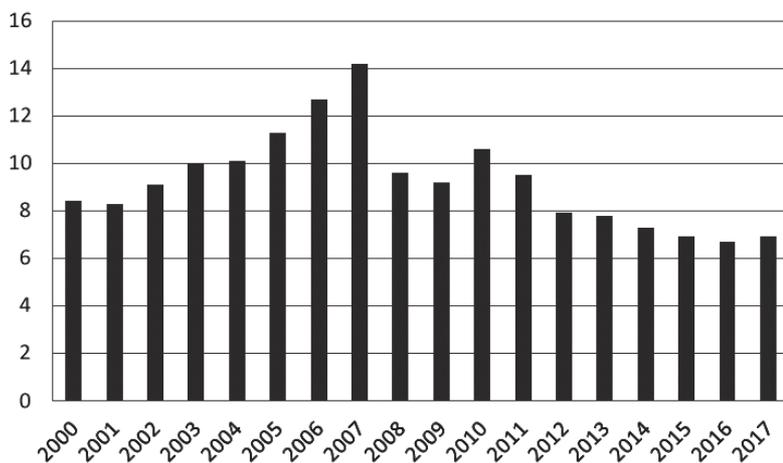

Рис. 6. Темпы прироста ВВП Китая (постоянные цены), в %
 Источник: Рассчитано по данным Worldbank. www.worldbank.org.

Второй основной проблемой китайской экономики называют большую долговую нагрузку (рис. 7): так в 2010 г. общий долг Китая составлял около 200% ВВП, в 2017 г. — уже 270%. Западные экономисты оценивают этот показатель как очень высокий и реально свидетельствующий о перспективах жесткой посадки китайской экономики. Однако необходимо учитывать тот факт, что сбережения населения в Китае на счетах в банках составляют более 80% от ВВП, а средства на

123. *Портяков В.Я. Полезная книга о китайской экономике // Мировая экономика и международные отношения. 2017. №5. С. 118–121.*

счетах предприятий составляют около 70% от ВВП. Огромные активы домохозяйств и предприятий на счетах в банках служат стабилизатором китайской экономики. Действительно существенная проблема в экономике, связанная с большой задолженностью, может случиться, если будет резкое массовое снятие денег со счетов населения и предприятий, что на сегодняшний день в условиях китайской модели социализма с китайской спецификой крайне маловероятно. Если посмотреть на объем инвестиций в основные производственные фонды (табл. 6) 70% которых обеспечивают предприятия и только 13% банковские кредиты, видно, что банковские кредиты не играют решающей роли в формировании материально-технической базы китайской экономики.

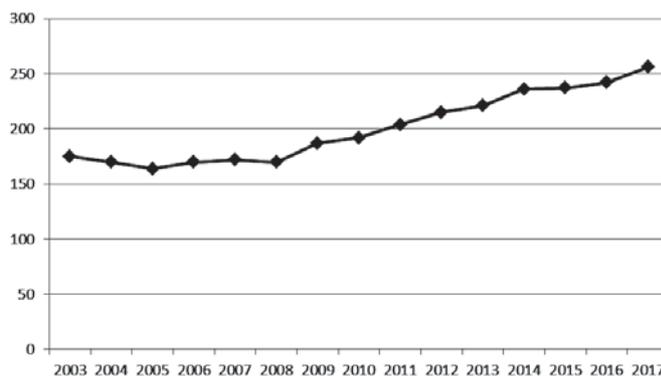

Рис. 7. Долговая нагрузка на экономику КНР, в % к ВВП
 Источник: составлено по данным Worldbank. www.worldbank.org.

Что касается структуры задолженности, то объем госдолга невелик и составил, по данным за 2019 г., всего 18% от объема ВВП (для сравнения — в США более 100%). Большую часть китайской задолженности составляют: корпоративные долги и долги домохозяйств, а также дефицит региональных бюджетов. С точки зрения классической рыночной экономики большие долги корпораций по кредитам ведут к банкротству банков (как было это в США в 1929–1933 гг., кризис 1990 г. в Японии, когда лопнул пузырь на рынке недвижи-

мости). Однако ситуация с корпоративными долгами в Китае не такая, как в этих странах. Большая часть корпоративного долга приходится на предприятия местного подчинения, которые управляются местными властями и берут кредиты у государственных банков (а не у частных и не за рубежом), являющихся достаточно крупными по объему основного и привлеченного капитала.

У Китая существует достаточно сильный административно-управленческий ресурс для решения проблемы корпоративного долга, что было ярко продемонстрировано в 1998 г., когда у предприятий накопились долги. Предприятиями было выпущено большое количество акций, их передали банкам, которые стали, таким образом, принимать участие в управлении предприятиями¹²⁴. Какая-то часть этих предприятий выжила за счет возможностей банков, какая-то часть закрылась. Банки, в свою очередь, которые не получали выплат по кредитам, получили акции, которые в дальнейшем могли быть переведены в финансовые ресурсы.

Также необходимо учитывать тот факт, что если предприятия и банки являются государственными, то для решения проблемы корпоративных долгов Народный банк Китая может эмитировать необходимое количество денег или облигаций. Что касается дефицитов региональных бюджетов, то практически все местные бюджеты в КНР являются дефицитными, в более развитых приморских районах дефицит достаточно невелик, а в отдаленных западных провинциях расходы более чем в 10 раз превышают доходы. В то же время центральный бюджет имеет большой профицит, который практически перекрывает дефициты региональных бюджетов. Необходимо отметить, что значительная часть кредитов Китая предоставляется под активы (земельные площади, расположенные на территории данных субъектов)¹²⁵. С учетом

124. Карлусов В. Китай: антикризисный потенциал экономики и меры борьбы с мировым кризисом // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 125–126.

125. Ван Лина. Анализ на пути интернационализации китайских банков посткризисного периода / Лина Ван. Чанчунь: Школа международной торговли. 2013. С. 12.

того, что в Китае землей имеют право распоряжаться не частные собственники, а местные власти, то проблема местных долгов также может быть решена.

КНР занимает первое место в мире по численности населения (по данным на 2018 г., 1394 млн человек), однако с 2010 г. страна начала сталкиваться с проблемой старения населения, все меньше людей вступают в рабочий возраст и все сложнее замещать трудоспособное население. Проблема старения населения во многом связана с проводимой долгие годы политикой «Одна семья — один ребенок». Для решения данной проблемы в Китае в 2015 г. законодательно разрешили иметь двух детей. В связи с возможной нехваткой рабочей силы делается серьезный упор на повышение производительности труда, на инновации, на робототехнику и роботизацию китайского производства. Если в период Большого скачка, и даже в нулевые годы, Китай намеренно отказывался от автоматизации некоторых производств, чтобы трудоустроить население¹²⁶, то на сегодняшний день ситуация совсем иная, возникает проблема структурной нехватки рабочей силы в ряде отраслей. Проводится массовая урбанизация, выводится население из сельского хозяйства, как было озвучено на XIX съезде КПК, только в 2016 г. в города переселились более 80 млн человек.

В последние годы большое количество людей в Китае уходят на пенсию, тем не менее объем пенсионного обеспечения и объем бесплатного медицинского страхования резко увеличился. В Китае фонды социального страхования заметно выросли за счет экономической базы, что обеспечивается с помощью большого прироста ВВП. На сегодняшний день в той или иной степени формами социального страхования охвачены почти $\frac{2}{3}$ населения, а если брать размеры пенсий для рабочего класса, то коэффициент замещения составляет 60% (для сравнения — в России менее 20%)¹²⁷.

126. Ли Цзиньвэнь. Перспективы развития Китая в XXI веке // Проблемы прогнозирования. 2001. № 4. С. 23.

127. Стиглиц Дж. Сравнение китайской и зарубежной экономической систем // Цзинцзисюэ дунтай. 2001. № 5. С. 24.

В стране ежегодно увеличивается потребление энерго-ресурсов, при этом растет и отрицательное сальдо между собственным производством и потреблением (рис. 8). В связи с этим Китай вынужден увеличивать импорт энерго-ресурсов.

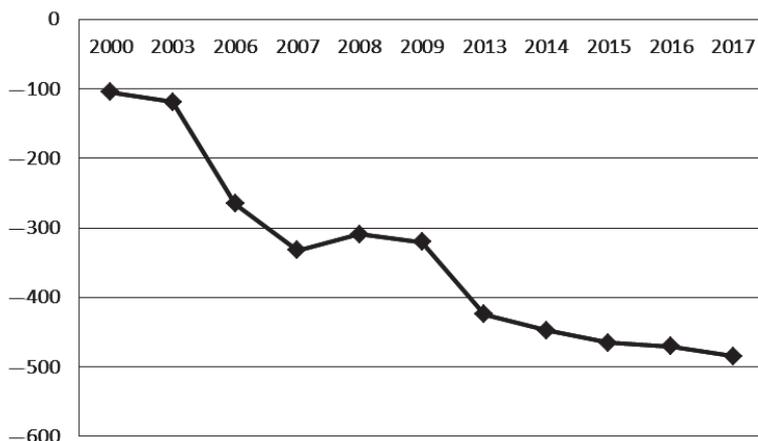

Рис. 8. Баланс производства и потребления энерго-ресурсов в Китае, в млн т

Источник: составлено по данным Китайского статистического ежегодника – 2018, Пекин.

Так, в 2017 г. страна импортировала около 300 млн т нефти, 70 млрд куб. м природного газа и около двухсот млн т коксующегося угля, при том, что сам Китай произвел за год 3,5 млрд т угля.

Чрезмерное потребление каменного угля ведет к проблемам в экологии (особенно на севере и северо-востоке Китая, и даже в Пекине большое количество котельных работает на угле)¹²⁸. Проблемы экологии также связаны с ростом автомобилизации страны, по данным за 2019 г., в Китае на учете находится более 200 млн автомобилей, а в год КНР производит 26 млн автомобилей (первое место в мире). Китай активно

128. *Портяков В.Я.* Современная корректировка модели экономического роста в Китае: теория и практика // *Общество и государство в Китае.* 2015. Т. 45. № 18. С. 596–608.

пытается исправить ситуацию с отрицательным сальдо между собственным производством и потреблением энергоресурсов и проблемами в экологии, развиваются альтернативные источники энергии (солнечная, ветряная энергия, атомные и гидроэлектростанции), выдвинута программа по полному переходу страны к 2040 г. на автомобили с электродвигателем. На 2018 г. в Китае уже более 1 млн автомобилей на аккумуляторных батареях, а каждое автомобильное предприятие должно выпускать не менее 10% машин с электродвигателем от общего объема производства¹²⁹. Реализация данной программы может поставить под угрозу возможности экспорта нефти из России и стран Центральной Азии в КНР.

Китай на сегодняшний день является одним из основных игроков на международном финансовом рынке. В 2016 г. китайская валюта юань вошла в корзину обязательного резервирования МВФ. Стабильность китайского юаня прежде всего связана с объемом товаров и услуг, которые страна производит для экспорта за рубеж, пока китайская продукция конкурентоспособна и востребована на мировом рынке, будет сохраняться стабильность валюты¹³⁰. В последние годы Китай все больше продвигает идею вести внешнюю торговлю в собственной валюте, в том числе со странами постсоветского пространства.

Благодаря высокой вариативности экспорта Китай защищен от попадания в так называемую «японскую ловушку» (девальвация йены, снижение экспортного механизма)¹³¹. Структура экспорта Японии в основном была представлена высокотехнологичной продукцией, у Китая же экспорт более диверсифицирован: потребительские товары, сельскохозяй-

129. Кондрашева Л.И. Китай ищет свой путь. М.: 2006.

130. Толорая Г.Д., Яковлев А.А. Итоги и перспективы реформирования азиатского социализма // Постсоциалистический мир: итоги трансформации / Под общ. ред. С.П. Глинкиной: в 3 т. СПб: Алетейя, 2018. Т. 3; Азиатские модели реформирования. Возможности и вызовы для России / Отв. ред. Г.Д. Толорая.

131. Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Традиционные и новые инструменты укрепления китайского присутствия в Центральной Азии // Государственная служба. 2018. Т. 20. №5.

ственная продукция, текстиль, услуги, в последнее время растет доля высокотехнологичной продукции и многое другое.

Китай занимает первое место в мире по объему экспорта, второе место в мире по объему импорта, однако в последние годы показатели внешней торговли несколько ухудшились (табл. 6). Во многом это послужило причиной создания инициативы «Пояс и путь». Сейчас основными торговыми партнерами КНР являются США, Европейский союз и страны АСЕАН, совокупно на них приходится почти половина внешнеторгового оборота Китая. Сухопутная часть инициативы «Пояс и путь» – Экономический пояс Шелкового пути включает страны постсоветского пространства, Западной Азии, Центрально-Восточной и Южной Европы. Морская составляющая – Морской шелковый путь XXI века, который пройдет через Индию и Пакистан, вовлечет и другие развивающиеся страны, с которыми объемы торговли Китая еще достаточно небольшие¹³². То есть КНР пытается решить проблемы, связанные с замедлением роста торгового оборота, с помощью развития внешнеторговых связей со странами-участницами интеграционной инициативы.

Также первостепенной задачей инициативы «Пояс и путь» является создание инфраструктуры в слаборазвитых районах Китая, которая должна способствовать их экономическому развитию в целом. В КНР на сегодняшний день очень разные районы по своему уровню экономического развития, условно, страну можно разделить на 4 группы регионов: очень хорошо развитые приморские районы, старая промышленная база – северо-восток, слаборазвитый центральный район и сильно отсталые западные территории¹³³. Для решения проблемы неравномерного развития Китай прово-

132. Jeffrey Sachs and Wing Thye Woo. Understanding the Reform Experiences of China, Eastern Europe and Russia. From Reform to Growth: China and Other Countries in Transition in Asia and Central and Eastern Europe. Ed. by Chung Lee and Helmut Reisen. Paris, OECD, 1994. P. 23–31.

133. Лин Лин. Исследование торговли и инвестиционного сотрудничества и развития Китая–АСЕАН // Dong Yue Tribune. 2015. No. 1. С. 150.

дит широкомасштабные программы, начавшиеся с 2000 г. и продолжающиеся до сих пор. Так, одной из ключевых точек проекта Экономического пояса – Шелкового пути – выбран Синьцзян – отсталый район, где преобладает сельское мусульманское население. Идет активное обсуждение коридора Китай–Монголия–Россия, в нем задействованы Внутренняя Монголия и три северо-восточные провинции Китая.

Анализ рассмотренных выше проблем показывает, что благодаря уникальной выстроенной модели государственного рыночного капитализма, когда прослеживается прямой механизм координации между государственными органами власти и предприятиями, планомерной политике развития, проводимой страной, китайская экономика может преодолеть стоящие перед ней проблемы и продолжать развиваться пусть и менее быстрыми, но качественно другими темпами. Си Цзиньпин на XIX Съезде партии заявил, что в 2020 г. Китайская Народная Республика должна построить общество «малого благоденствия» и теперь необходимо создавать новую концепцию развития, и выдвинул пять основных аспектов: инновации, координация, зеленая экономика, открытая экономика и общедоступное развитие¹³⁴.

Модель государственного рыночного капитализма сочетает в себе возможность пользоваться преимуществами открытого рынка, при этом имея действенную защиту ключевых секторов экономики, координировать ресурсы для решения экономических проблем.

134. Информационное агентство ТАСС. [tass.ru/mezhdunarodnaya – panorama/3738392](https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3738392).

Глава 4 О СПЕЦИФИКЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИКИ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ¹³⁵

В нашем представлении, экономическая модель — это результат увязывания через соответствующие институты целей национального социально-экономического развития с имеющимися материальными и интеллектуальными ресурсами, особенностями геоэкономического положения, культурными традициями, с одной стороны, и трендами развития мировой политики и экономики, вопросами национальной безопасности, с другой.

Формулирование целей развития опирается на представление о «национально-государственной идентичности», под которой понимаются *осознанные возможности* развития государства и ожидаемые эффекты их реализации. Формирование идентичности государств происходит через выбор социокультурных, внешнеполитических и экономических приоритетов, которые в оценке элит и общества в наибольшей степени соот-

135. «Командные государства» (order states), к которым авторы причислили Белоруссию и Узбекистан, отличаются авторитарная форма правления, протекционизм, государственный контроль над ключевыми отраслями хозяйства и, что совсем неочевидно, производство высокотехнологичной продукции без притока ПИИ. Особенность «олигархического капитализма» (oligarchic/clientalistic capitalism) — взаимовлияние политических элит и предпринимателей, возникающее как в богатых, так и в бедных ресурсами странах. Наконец, единственным критерием отнесения к «экономикам денежных переводов» (remittance / aid-based economies) является высокий показатель поступлений средств от трудовых мигрантов (Армения, Киргизия, Таджикистан, Молдавия, Албания, Босния и Герцеговина).

ветствуют задачам национальной модернизации¹³⁶. При этом цели развития и идентичность могут изменяться под влиянием внутренних и внешних факторов, вызывая необходимость корректировки избранной странами модели развития. В случае смены политической системы, перехода к рынку, вхождения в иную интеграционную систему изменения приобретают радикальный характер, меняющий траекторию, принципы и цели развития государства¹³⁷.

В западной научной мысли главное в содержании эффективной экономической модели, как это показано в первой главе монографии, составляют институты, реализующие свободу личности и предпринимательской деятельности. До недавнего времени господствовало мнение, что только внедрение либерально-демократических институтов и глобализация могут обеспечить устойчивое развитие стран, относящихся к постиндустриальному обществу. Традиционный либерализм исходит из того, что свобода экономического поведения субъектов рынка является залогом эффективности всей хозяйственной системы¹³⁸. Вмешательство государств в определение новейших перспективных отраслей промышленности и распределение дефицитных ресурсов, включая иностранную валюту, имевшее место в странах Восточной Азии, именуемых «азиатскими тиграми», рассматривалось в странах Запада как причины перекосов и коррупции, хотя это и было весьма целесообразно в рамках политики индустриализации¹³⁹.

136 Хантингтон С. 2004. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ. (Huntington, S. 2004. Who are we? Challenges to America's national identity. Moscow: AST).

137. Вардомский Л.Б. Трансформация постсоветского пространства в контексте его меняющегося смысла. В сборнике «Экономическое взаимодействие стран-членов СНГ в контексте евразийского интеграционного процесса» / Ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: Институт экономики РАН. 2015. С. 178–182.

138. Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России / Под общ. ред. Р.М. Нуреева. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. 2007. С. 60–126.

139. Юсуф Ш. Экономическое развитие сквозь десятилетия. Критический взгляд на 30 лет подготовки Докладов о Мировом развитии. Всемирный банк. М.: Весь мир. С.169–170. documents1.worldbank.org/curated/en/677231468313503864/pdf/471080PUBORUSS00Box379868B00PUBLIC0.pdf.

Но что делать странам, не достигшим постиндустриального состояния, как им развиваться? На этот вопрос западная либеральная экономическая мысль однозначного ответа не дает. До 2008 г. она отсылала к программе действий, именуемой «Вашингтонский консенсус», для устранения дисбалансов, возникающих при внедрении в этих странах либеральной по институтам модели экономического развития. Согласно этой программе условия для успешного национального развития создает экономическая модель, в которой присутствуют: открытость экономики, макроэкономическая стабильность, высокий уровень сбережений и инвестиций, зрелые рыночные институты и компетентные, решительные правительства¹⁴⁰. При этом слабо учитываются ресурсные факторы: сравнительные преимущества или слабости отдельных стран по располагаемым ресурсам, на эффективное использование которых нацелены создаваемые институты.

В этом отношении интересен опыт постсоветских стран, которые, в силу специфики своего состояния, не могли ни при каких условиях достичь соответствия этим критериям и эмпирическим путем искали свои модели развития, опираясь на традиции, опыт предшественников рыночной трансформации и национальные возможности. По моделям экономического развития постсоветских стран в России имеется не так много содержательных публикаций. Большинство из них посвящено отдельным странам¹⁴¹. Сквозных сравнительных исследований всех государств еще меньше. Среди них следует выделить монографию, выпущенную в Центре постсоветских исследований ИЭ РАН в рамках проекта «Постсоциалистический мир: итоги трансформации», посвященную постсоветским государствам¹⁴², а также труды А.А. Мигранян, в частности ее доклад

140. Колодко Г. Посткоммунистический переход к рынку и демократии. Уроки польского опыта // Мир перемен. 2019. № 3. С.22.

141. Среди них следует выделить труды А.М. Григорьева по Азербайджану, А.Г. Пылина по Грузии, М.О. Тураевой по Киргизии, А.В. Шурубовича по Белоруссии.

142. Постсоциалистический мир: итоги трансформации. В 3 томах / Под общ. ред. Глинкиной С.П. Т. 2. Постсоветские государства / Отв. ред. А.Б. Вардомский. СПб: Алетейя, 2017.

«Специфика экономических моделей и основные тренды социально-экономического развития стран СНГ»¹⁴³. В нашей главе мы попытаемся определить типы моделей, применяющиеся в странах, и установить, какие из них и в каких странах были наиболее успешными в период до 2020 г.

Общее и особенное в формировании моделей экономического развития в постсоветских странах

Постсоветские страны имеют общие исходные условия формирования суверенных экономик. Наиболее важным из них является то, что в прошлом они представляли собой части советской экономики, которая развивалась на плановой основе, не имея прямого контакта с мировым хозяйством. Их развитие опиралось на имеющиеся в союзных республиках природные и трудовые ресурсы. Оно также преследовало среди многих других и задачу сокращения межреспубликанских различий в уровнях социально-экономического развития. Главными движущими силами подъема экономики рассматривались индустриализация и связанное с ней развитие науки и образования. Союзные республики были взаимосвязаны через межреспубликанскую специализацию, которая стала рушиться в результате становления новых государств и превращения внутренних административных границ в межгосударственные.

Вторая общая черта связана с тем, что все новые независимые государства (ННГ) должны были создавать новую государственность на основе перехода от советской к национальной идентичности, к многоукладной собственности, рыночной экономике, созданию национальных финансово-бюджетных и налоговых систем, институтов взаимодействия с внешними рынками¹⁴⁴. В классификации Мирового банка рассматрива-

143. Мигранян А.А. Специфика экономических моделей и основные тренды социально-экономического развития стран СНГ. inecon.org/docs/Migranyan_paper_20180327.pdf.

144. Экономическое взаимодействие стран-членов СНГ в контексте евразийского интеграционного проекта. Часть II. Методологические подходы к анализу трансформации постсоветского пространства / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН. 2015. С. 176–403.

емые страны относятся к странам с формирующимися рынками или переходной экономикой. Одновременно все они могут быть отнесены к странам периферийного капитализма, по Е. Клееру¹⁴⁵, поскольку сильно отстают от развитого ядра мировой экономики, зависят от иностранных технологий, капиталов, рынков сбыта, имея при этом крайне ограниченное экономическое влияние на ведущие мировые и региональные державы.

Исходя из конкретных национальных условий, страны использовали разные модели рыночного транзита. Армения, Грузия, Киргизия и Россия избрали шоковый вариант в духе Вашингтонского консенсуса, предусматривавшего резкую либерализацию цен, широкое открытие экономики, сжатие денежной массы, приватизацию госсобственности и свертывание социальных программ.

Белоруссия, Туркменистан и Узбекистан двигались к рынку эволюционно, сохраняя роль государства в макроэкономическом и социальном регулировании. Остальные страны осуществляли структурные реформы в промежуточном варианте с учетом проблем, возникавших в ходе шоковой терапии¹⁴⁶.

Все страны, прошедшие системную трансформацию, особенно в ее шоковом варианте, понесли громадные безвозвратные потери материальных и нематериальных активов в виде многочисленных неконкурентных (в условиях рынка) и открытых экономик производств. Эти потери академик А.Д. Некипелов определил, как «системный гистерезис», или сжатие национальных экономик, упрощение их структур в ходе трансформации. Становление государственности и рыночная трансформация сильно ударили по советскому экономи-

145. Клеер Е. Центральная и Восточная Европа: периферийный и имитационный капитализм // Мир перемен. №2. С. 25–40.

146. Социально-экономическая трансформация в странах СНГ: достижения и проблемы (материалы международной конференции). Институт переходного периода, Академия народного хозяйства при Правительстве РФ. М.: Изд. Института переходного периода. 2004. www.ierp/files/text/confer/2004_09_13-14/Book/pdf.

ческому и социальному наследию¹⁴⁷. Экономический спад был глубоким и продолжительным. Важным фактором спада стали разгоревшиеся во многих ННГ внутренние этнополитические и межрегиональные конфликты.

В 2000-е и последующие годы происходила конвергенция стран по институтам рыночной трансформации: страны, избравшие шоковую терапию, постепенно усиливали госрегулирование, а страны градуалистской ориентации внедряли рыночные институты¹⁴⁸.

На формирование идентичности постсоциалистических стран в большой степени влияло их стремление повторить опыт схожих по структуре экономик и уровню развития тех стран, которые наиболее удачно прошли этап рыночной трансформации, а также стран, которые в близкой геоэкономической ситуации построили национальную модель, обеспечившую высокие темпы развития (пример Южной Кореи, Ирландии, Объединенных Арабских Эмиратов и т.п.). Но по большому счету выбор модели развития колебался между европейским вариантом либеральной экономики и моделью государственной рыночной экономики, сложившейся в Китае.

Третья общая черта – внутриконтинентальное положение большинства ННГ, удаленность от рынков третьих стран и при этом недостаточное развитие инфраструктуры и логистики. Внутриконтинентальность предопределяла меньшую втянутость стран в международные экономические отношения, большую зависимость от транзитных перевозок через соседние страны, невысокую инвестиционную привлекательность, ориентацию на внутренний спрос как ведущий фактор развития.

Эти общие особенности развития наложились на унаследованные громадные межстрановые различия: по размерам и специализации экономик, уровню социально-экономиче-

147. Некипелов А.Д. Глобализация и стратегия развития экономики России // Проблемы прогнозирования. 2001. №4. С. 9.

148. Там же, с. 14.

ского развития, культурным традициям, ресурсному и человеческому потенциалу, по положению относительно международных рынков. Причем чем глубже в Евразии располагаются страны, тем ниже уровень их социально-экономического развития.

ННГ в ходе становления государственности, применения разных способов рыночной трансформации и моделей приватизации, разного понимания своей международной миссии и стратегических ориентиров все более отходили от советского наследия. Рост различий между странами был также обусловлен разным спросом международного рынка на производимые в странах товары и услуги, интересом к ним третьих государств, которые стремились расширить рынки сбыта своей продукции, обеспечить альтернативное энергоснабжение, укрепить геополитические позиции на постсоветском пространстве и т.д.¹⁴⁹

Для измерения современных социально-экономических различий между странами, которые так или иначе отражаются на практикуемых в странах моделях развития, использовались сопоставимые данные международных организаций и отдельных западных институтов (табл. 7).

Рассматриваемые страны довольно сильно различаются по уровню развития, измеряемого показателем ВВП и ППС на душу населения в текущих ценах. При этом большинство из них имеет данный показатель ниже среднемирового уровня в 17 680 долл.

Мировой банк для более адекватного измерения благосостояния населения использует также показатель ВВП на душу населения. Его величина у России, Казахстана, Белоруссии, Туркменистана, Грузии, Армении и Азербайджана позволяла отнести их к числу стран с доходом выше среднего – в пределах 4046–12 535 долл., а Молдавию, Украину, Узбекистан, Киргизию – к странам с доходом ниже среднего: от 1036 до

149. Новые Независимые Государства: сравнительные итоги социально-экономического развития. Научные доклады. ИЭ РАН / Ред. Л.Б.Вардомский. М.: ИЭ РАН. 2012. С. 4.

Таблица 7. Показатели социально-экономического развития постсоветских стран в 2019 г.

Страна	ВВП по ППС, долл. на человека	Индекс человеческого потенциала	Доля городского населения, %	Индекс эконом. свободы*	Индекс глобализации	Экспорт товаров и услуг к ВВП, %
Россия	29181	0,824	75	58,9	68,25	28,3
Казахстан	27444	0,817	58	65,4	56,08	36,5
Белоруссия	19943	0,817	79	57,9	60,76	66,4
Грузия	15637	0,786	59	75,9	64,13	54,0
Туркменистан	15196	0,710	52	48,4	37,05	22,7
Азербайджан	15001	0,754	56	65,4	56,22	36,1
Армения	14220	0,760	63	67,7	58,89	38,5
Молдавия	13574	0,711	43	59,1	61,39	30,5
Украина	13341	0,750	69	52,2	70,24	41,2
Узбекистан	7289	0,710	50	53,3	39,43	31,2
Киргизия	5471	0,670	37	62,3	53,64	37,4
Таджикистан	3520	0,656	27	55,6	42,87	15,7

* 2017 г.

Источники: Мировой банк. Индикаторы. data.worldbank.org/indicator?tab=all; Доклад о человеческом развитии 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке. UNDP; Индекс глобализации по версии КОФ (индекс включает в себя переменные, измеряющие экономические, социальные и политические аспекты глобализации, которые выражают 24 показателя.). 2017. КОФ Swiss Economic Institute. gtmarket.ru/ratings/kof-globalization-index/info; Рейтинг стран мира по уровню экономической свободы. gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom/index-of-economic-freedom-info.

4045 долл., Таджикистан с 1010 долл. на душу занимал 172 место среди 198 рейтингуемых стран и попал в группу бедных стран мира¹⁵⁰.

С показателем ВВП по ППС на душу населения тесно коррелирует «Индекс человеческого развития» за некоторыми исключениями, которые связаны с Туркменистаном и Украиной. Стоит отметить, что показатель ИЧР за 2010–2019 гг. увеличился у всех стран, особенно сильно у Таджикистана. Наименьший рост отмечен у Украины.

150. Мировой банк. Индикаторы. data.worldbank.org/indicator?tab=all.

Выше перечисленные общие особенности предопределили сравнительно высокую долю государства в экономическом развитии ННГ, что отражают низкие места в мировых рейтингах индексов «экономической свободы» и «глобализации» (табл. 7).

«Индекс экономической свободы» (Index of Economic Freedom), ежегодно публикуемый The Heritage Foundation на основе системы показателей, характеризует уровень либерализации экономики стран мира. Большинство ННГ относится к числу стран либо с умеренно свободной экономикой (Армения, Казахстан, Азербайджан и Киргизия), либо к странам с преимущественно несвободной экономикой (Молдавия, Россия, Белоруссия, Таджикистан, Узбекистан и Украина). А крайними полюсами являются Грузия, соответствующая критериям страны с преимущественно свободной экономикой, и Туркменистан – страна с несвободной экономикой¹⁵¹. Тем не менее большинство стран за последние десять лет существенно улучшило свои позиции в этом рейтинге, но модели, сложившиеся в рассматриваемых странах, далеки от стандартов либеральной и координируемой рыночной экономики.

«Индекс глобализации» отражает степень включенности стран в мировые экономические и политические отношения. Наиболее высокий показатель среди ННГ авторы рейтинга присвоили Украине, но она с показателем 70,24 балла занимала только 45 место среди 193 рейтингуемых стран. Последним же среди рассматриваемых стран в списке рейтинга ожидаемо был Туркменистан, занявший 177 место. Слабое включение в глобальные связи подтверждает и показатель отношения экспорта товаров и услуг к ВВП (см. табл. 7). Хотя большинство стран превышает среднемировой показатель в 30,1%, но со странами ЦВЕ по этому показателю может сравниться только Белоруссия. Обращает на себя внимание

151. Рейтинг стран мира по уровню экономической свободы. gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom/index-of-economic-freedom-info.

довольно тесная корреляция «индекса глобализации» с долей городского населения.

Для постсоветских стран характерно регулирование экономики властными экономическими группировками, хотя и в разной степени играющими ведущую роль в национальном экономическом развитии при довольно слабой проэкс-спортной ориентации их экономики. В отличие от стран ЦВЕ, в которых основополагающим фактором экономического развития играет европейская интеграция в лице Европейской комиссии, что в своих трудах ярко показали С.П. Глинкина и Н.В. Куликова¹⁵², в СНГ ведущую роль играют национальные стратегии и программы развития, опирающиеся преимущественно на национальные ресурсы. В условиях слабых кредитно-банковских систем, ограниченных доходов от экспорта, недостаточной привлекательности для иностранных инвесторов, небольшой емкости национальных рынков для внутреннего развития особое значение приобретают природные, человеческие и позиционные ресурсы. Но для их эффективного использования требуются качественные государственные институты. Вместе с тем они пока не стали сильной стороной сложившихся в рассматриваемых странах моделей экономики.

Типологизация стран по ресурсам развития

Различия моделей экономического развития обусловлены целями развития и избранными способами их достижения. Последние отражают национальные экономические интересы: приблизиться по уровню развития к ведущим странам, обеспечить безопасность государства и его суверенитет и т.п. В идеях развития отражается мировой опыт, интересы национального бизнеса, представления национальных элит

152. См, например: *Глинкина С.П., Куликова Н.В.* О модели капитализма в Центрально-Восточной Европе // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 3. С. 9–24.; *Глинкина С.П., Куликова Н.В.* К экономическому патриотизму: новые тенденции в постсоциалистических странах – членах ЕС // Экономическая наука современной России. 2019. № 2 (85). С. 131–149.

о национальном ресурсном потенциале и будущем страны. В силу этого страны ЕАЭС сильно различаются по уровню рыночной трансформации экономики, по степени вмешательства государства в экономику, ее монополизации и свободы предпринимательства. Различия в институтах отражают не только культурные традиции и геополитическое положение стран, но и располагаемые ресурсы развития.

В странах Центральной Азии (ЦА) и Азербайджане, расположенных в аридной внутриконтинентальной зоне Евразии, по ведущим ресурсам развития сложилось два типа моделей. Фактор природных ресурсов играет особую роль у прикаспийских государств, богатых углеводородами. Для них характерна модель развития, в основе которой лежит экспорт нефти и газа. Условно назовем ее *ресурсной моделью*. У *Азербайджана, Казахстана и Туркменистана* стабильно отмечается положительное сальдо торгового баланса и значительный объем экспорта товаров и услуг на душу населения — в пределах 2,5–3,5 тыс. долл. на душу населения соответственно, при среднемировом показателе 3,2 тыс. долл.¹⁵³ Эти страны располагают значительными финансовыми ресурсами для проведения политики диверсификации национальной экономики и создания транспортной инфраструктуры, связывающей их с внешними рынками. В то же время в освоении их природных ресурсов и создании инфраструктуры по их доставке на международные рынки заинтересован иностранный капитал, который широко представлен в сырьевом секторе.

Ресурсная модель довольно прозрачна: на доходы от нефти и газа, а также других минеральных ресурсов (у кого они есть), государствами создаются новые производства, новые компетенции и новые миссии, которые изменяют характер взаимоотношений с окружающим миром. Часть доходов направляется в резервные фонды, которые используются в случае ухудшения ситуации на рынке углеводородов. Доходы от их экспорта обеспечивают рост жизнен-

153. Здесь и далее данные на 2019 г.

ного уровня населения, потребление которого превращается в важный фактор экономического роста через торговлю, сферы недвижимости и услуг. Следует отметить, что около половины населения этих стран проживает в селах, в основном за счет орошаемого земледелия.

Все рассматриваемые страны стремятся расширить свой транзитный потенциал, используя выгодное положение в полосе международных транспортных коридоров на направлениях Север—Юг и Запад—Восток, создавая для этого соответствующую инфраструктуру.

Для контроля за освоением природных ресурсов и использованием водных, за распределением получаемых от экспорта углеводородов доходов в целях национального развития необходима крепкая центральная власть, что выразилось в установлении посттрадиционалистских политических режимов с характерной особой ролью *национального лидера*. Все страны данной группы стремятся проводить многовекторную внешнеэкономическую политику.

В большей мере это удалось Казахстану, со значительным населением (18,7 млн человек), что позволяет говорить о наличии достаточно емкого внутреннего рынка, который по мере роста доходов населения может стать серьезным фактором экономического развития. На основе модернизации экономики страна стремится занять лидирующие позиции в регионе ЦА, стать региональным финансовым центром и мощным транзитным хабом. У Казахстана, по понятным причинам, евразийский интеграционный фактор в модели развития представлен меньше, чем у других стран ЕАЭС, но при этом страна стремится сочетать проэкспортный подход с углублением емкости внутреннего рынка за счет наращивания звеньев экономики с высокой добавленной стоимостью.

Азербайджан по своей политической модели близок к Казахстану, что подтверждает их соседское положение в рейтингах «экономической свободы» и «глобализации». Особенностью Азербайджана является его тесная связь с этнически близкой Турцией.

Туркменистан значительно более закрыт и консервативен. За годы суверенного развития страна сильно нарастила экспортный потенциал и обеспечила максимальный среди всех рассматриваемых стран экономический рост. Это объясняется спросом КНР на его газовые ресурсы, а также транспортные пути, связующие с Ираном и странами Индийского океана. Высокая степень экономики Туркменистана ориентации на Китай создает определенные экономические проблемы для страны.

Упомянутые страны после обретения независимости развивались более высокими темпами, что остальные ННГ. Но преимущества ресурсной модели сочетались и со значительными слабостями, которые выражаются в сильной зависимости финансового положения от конъюнктуры международного рынка нефти и газа, а также «голландской болезни». Получаемые от экспорта углеводородов доходы неравномерно распределялись по секторам национальной экономики и по отдельным слоям населения, вызывая рост социального, экономического и регионального неравенства. В целом же наиболее эффективно данная модель применялась в Казахстане, что подтверждает его более высокое положение в производстве ВВП на душу населения и по ИЧР, а также довольно высокие темпы развития с момента обретения независимости при его высокой начальной базе. По ВНР на душу населения Казахстан в 1990 г. занимал 3 место после России и Белоруссии¹⁵⁴.

На иной основе развиваются расположенные в том же регионе Киргизия и Таджикистан. Для них характерны низкие показатели душевого дохода, что, наряду с прочим, связано с высоким естественным приростом населения. Страны этой группы располагаются вне международных транспортных коридоров, удалены от внерегиональных внешних рынков на большие расстояния.

154. Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития. Научные доклады ИЭ РАН / Ред. Л.Б. Вардомский. М.: ИЭ РАН. 2012. С. 8.

Из-за политических рисков, низкой покупательной способности населения и географической удаленности они мало привлекательны для иностранных инвесторов, в связи с чем экспорт на душу населения крайне мал, 137 долл. у Таджикистана и 421 долл. у Киргизии в 2019 г. при постоянном отрицательном сальдо внешней торговли. Киргизия — крупный экспортер золота, а Таджикистан — алюминия. В Таджикистане и Киргизии значительное место в экспорте занимает электроэнергия.

Киргизия и Таджикистан всеми возможными способами стараются привлечь иностранную помощь и инвестиции, идя на большие риски для национальной финансовой системы, о чем свидетельствует нарастающая внешняя задолженность, прежде всего перед Китаем.

Высокая доля сельского населения, дешевый труд и возможность его экспорта, играющего важнейшую роль в росте внутреннего потребления, — главный ресурс развития этих республик. Их финансовое положение критически зависит от переводов трудовых мигрантов, занятых в России и Казахстане, доходы от которых полностью покрывают высокий торговый дефицит. Это страны с заметной аграрной перенаселенностью и отсюда *трудоэкспортной моделью развития*, или, по Драгокупицу и Мянту, страны «экономики денежных переводов»¹⁵⁵. Данная модель опирается на трудовую активность населения и возможность их сравнительно свободного перемещения в страны приложения труда¹⁵⁶.

Модель экономики *Узбекистана* сочетает в себе черты ресурсной и трудоэкспортной моделей. Важным преимуществом страны является значительное население, превышающее 34 млн человек. Переход в последние годы к более либеральной открытой экономической политике при сохранении рычагов управления в руках государства, наличие много-

155. *Drabokoupi J., Myant M.* Putting comparative capitalisms research in its place: varieties of capitalism in transition economies. In: *New Directions in Comparative Capitalisms Research*. Ebenau M., Bruff I., May C. (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 155–171.

156. Подробнее об этих странах в следующем разделе главы.

численной дешевой рабочей силы, положение в центре ЦА может ускорить экономическое развитие страны, хотя и до этого оно было весьма заметным.

Следующую группу составляют *Армения, Грузия и Молдавия*. Для них характерны небольшое, но убывающее население (3–4 млн человек), небольшой внутренний рынок, низкие показатели инвестирования в основной капитал, существование в условиях этнополитических (хотя и замороженных) конфликтов, оказывающих значительное влияние на состояние финансов, экономическую и социальную динамику. Данная группа стран сильно зависит от трудовых миграций, от иностранных инвестиций и помощи от диаспор и международных организаций, внешнего спроса на национальные трудовые ресурсы. Ограниченный ресурсный и человеческий потенциал страны стремились компенсировать более либеральными условиями ведения бизнеса, ускоренным развитием сферы услуг и их экспорта. Причем это сопровождалось масштабной деиндустриализацией.

Модель, сложившаяся в данных странах, можно определить как *сервисно-трудэкспортную, проинтеграционную*. Более выражена она у Грузии, меньше у Армении и Молдавии, в силу особенностей их транспортного и геополитического положения. Благодаря более благоприятному геоэкономическому положению и природно-климатическим условиям Грузия шире включена в международные экономические отношения, она более привлекательна для иностранных инвесторов¹⁵⁷. В общем доходе от экспорта товаров и услуг в стране около 40% приходилось на международный туризм (для сравнения, у Армении – более четверти, а Молдавии – менее 4%). Грузия превратилась в крупный транзитный мост между Турцией и Азербайджаном, Россией и Арменией. По сложившейся модели развития, в которой большое место занимают ПИИ и сфера услуг, Грузия походит

157. Пылин А. Проблемы и перспективы модернизации экономики Грузии в контексте евроатлантической интеграции // Общество и экономика. 2018. № 5. С. 79–96.

на Болгарию. Этому способствует ассоциация этой страны ЕС и соседство с Турцией. Ассоциацию имеет и Молдавия, но она менее привлекательна для европейского капитала, который более нацелен на соседнюю Румынию. Это страна ярко выраженной «экономики денежных переводов». Армения, по геополитическим причинам, также мало привлекательна для иностранного капитала.

Данная группа стран практически не способна развиваться вне региональных объединений и активного взаимодействия с региональными центрами силы, что требует от них большой гибкости. Так, находящаяся на крайней периферии Европы Грузия не может вписаться в европейскую экономику, при этом она уверенно чувствует себя на стыке ЕС, Турции, ЕАЭС и СНГ. Молдавия более активно интегрируется в экономическое пространство ЕС, но в то же время в силу своей традиционной специализации крайне заинтересована в сохранении хороших экономических отношений с Россией и другими странами СНГ. Армения из-за сложного геополитического и транспортного положения не может полностью включиться ни в экономику ЕАЭС, ни в экономику ЕС, что предопределяет ее желание одновременно быть и членом ЕАЭС, и участником европейской Программы восточного партнерства. При благоприятных условиях эти малые страны могли бы стать соединительными звеньями между рынками ЕС и ЕАЭС. В целом данная модель более успешно применяется в Грузии в силу ее геоэкономического положения, которая за последние годы вышла по ВВП на душу и ИЧР на четвертое место (см. табл. 7).

Белоруссия имеет специфическую экономическую модель, в которой открытость экономики сочетается с высоким уровнем централизации управления. Главным ресурсом развития Белоруссии является геоэкономическое положение, диверсифицированная экономика и значительный инновационный потенциал. Идентичность Белоруссии строится не на этнической, а на гражданской основе. Идеологическими основаниями белорусского государства стали индустриаль-

ная идентичность, государственная символика, культ победы в Великой Отечественной войне. Главной целью государства стало сохранение унаследованной от СССР экономики. Этим объясняется ее выбор эволюционной рыночной трансформации. Белорусское государство привержено евразийской интеграции, рассматривает себя как точку сборки Евразии и одновременно центр традиционной Европы. В то же время значительная часть населения страны не разделяет эти ценностные установки и ориентируется на Европу.

Среди внутренних причин макроэкономической неустойчивости белорусской экономики А. Шурубович называет чрезмерную поддержку государством малоэффективных производств и несоразмерные с возможностями экономики социальные расходы¹⁵⁸. Высокая социальная ориентация белорусской модели развития обернулась, с одной стороны, укоренением патернализма в сознании большей части населения и утратой конкурентоспособности экономики и повышением в ее структуре доли производств с невысокой степенью обработки, с другой.

Драйвером экономического роста в 2000-е годы стали преференции, получаемые от России в рамках Союзного государства, в частности через реэкспорт российских углеводородов (в виде продуктов переработки нефти и газа, получаемых по льготным ценам), и на этой основе значительные инвестиции направлялись в национальную промышленность и социальную сферу. Отражением этого являются самые низкие показатели социального неравенства среди ННГ, что в частности отражает коэффициент Джини.

Жестким барьером развития государства сегодня выступает недостаточная конкурентоспособность национальных технологий и производимых на их основе новых изделий при высокой ресурсоемкости производства¹⁵⁹. С проблемой недо-

158. Шурубович А.В. Белорусская экономическая модель перед лицом тяжелых испытаний // Россия и современный мир. 2017. № 3. С. 124–127.

159. Межевич Н.М. Беларусь: политические и экономические предпосылки будущего кризиса. Институт Европы РАН. Аналитическая записка № 34. 2020. С. 3–4.

статочной конкурентоспособности экономики сегодня связаны финансовые трудности, стагнация доходов населения, недостаточная инвестиционная активность. В целом модель экономики Белоруссии можно определить как *социально ориентированную, опирающуюся на разнообразные факторы производства, но не эффективную по институтам.*

В этих условиях страна стоит перед нелегким выбором будущего развития: либо бороться за долю на внутреннем и внешнем рынках в сегменте традиционных отраслей, используя действующую модель, но получая от этого все меньшую прибыль, либо сконцентрировать усилия на инновационных производствах, порождаемых новой промышленной революцией, выпуск которых связан с большими коммерческими рисками и децентрализацией экономической и политической систем. Действующее руководство страны пытается переломить ситуацию путем ускоренной цифровизации экономики, развития логистики и модернизации энергетической базы путем строительства АЭС¹⁶⁰. Важной возможностью увязки внедрения новых технологий и на их основе массового выпуска инновационных товаров и услуг с формированием соответствующих рынков рассматривается согласование национальных программ развития с выделением приоритетных производств в рамках евразийской интеграции. Однако в полной мере решение этих задач невозможно без обновления экономических и политических институтов.

Еще один вариант развития экономики страны связан с проевропейским курсом, реализация которого так или иначе снимет с повестки дня решение упомянутой дилеммы, поскольку реализация данного курса предполагает отказ от экономического суверенитета и передачу этих решений органам ЕС.

В отличие от Белоруссии, сумевшей сохранить за годы независимости свои лидирующие позиции среди ННГ по

160. Шурубович А.В. Белоруссия в ЕАЭС: тенденции, проблемы, перспективы // Россия и современный мир. 2019. № 4 (105). С. 91–110.

ВВП на душу и ИЧР, Украина, имевшая изначально более мощную и комплексную экономическую базу, зажиточное и образованное население, своих позиций не удержала. Сегодня Украина одна из наиболее бедных стран Европы. Ее ВВП по ППС на душу населения в 2019 г. был ниже, чем у Молдавии. Результат свидетельствует о том, что при большом разнообразии факторов развития при ущербных институтах и трудно формируемой государственной идентичности невозможно добиться положительных результатов. На протяжении суверенного развития страна не смогла остановить деиндустриализацию, что вызвало избыток рабочих рук, бедность и депопуляцию. В экспорте страны резко выросла доля аграрной продукции.

Сложившаяся на Украине экономическая модель преследует цель встроиться в экономику ЕС на европейских условиях. Несмотря на дешевую рабочую силу, страна в силу сложной внутривнутриполитической ситуации и гражданского конфликта на Востоке мало привлекательна для европейских инвесторов. Социально-экономическое развитие Украины в большой мере определяется этнократическими и геополитическими интересами. Власти страны сознательно сужают ресурсные возможности экономического развития, объясняя это стремлением к свободе от России, которая объявлена ее главным внешним врагом. Противодействие России, сокращение экономических связей с ней и одновременно разворот в сторону Европы, которой не нужна большая часть ее экономических активов, основа политики Украины. В результате этого в стране образовался серьезный излишек рабочей силы, которая ищет своего применения за рубежом. В 2019 г. объем прямых переводов в страну от трудовых мигрантов, по данным Мирового банка, составил почти 16 млрд долл., или четверть от объема экспорта товаров и услуг.

Сегодня Украина — глубокая периферия ЕС, сильно зависящая от международной финансовой поддержки. Инициативное исполнение «оборонительного рубежа» западного мира пользуется определенным спросом, но много за

это заинтересованные игроки платить не готовы. Данную модель можно определить как *деградирующую по ресурсам развития, долговую, трудоэкспортную*. Это модель зависимой экономики, но без иностранных инвестиций. Она, на наш взгляд, будет существовать до тех пор, пока к ней есть внешний интерес, но при этой модели вряд ли моноэтничное, враждебное России государство в обозримой перспективе начнет историю своего экономического успеха.

Сравнительная характеристика социально-культурных условий развития Киргизии и Таджикистана

Имея схожую экономическую модель по ресурсам, Киргизия и Таджикистан довольно сильно различаются своими политическими системами. Киргизия более демократична, Таджикистан более традиционен. Национальный бизнес последнего находится под жестким государственным контролем. Но какая политическая система обеспечивает более эффективное использование трудоэкспортной модели, вопрос пока открытый.

Объективные трудности становления национальной экономики Киргизии в первое десятилетие независимости были несколько смягчены либеральными реформами, внедрением свободных экономических зон и упрощенным налоговым режимом для малого предпринимательства. Одной из первых в 1993 г. республика ввела национальную валюту, а в 1998 г. первой из стран СНГ стала членом ВТО. Однако эти достижения не дали результатов в преодолении бедности, в создании энергетической, транспортной и логистической инфраструктуры. За годы независимости страна пережила две революции (2005 и 2010 г.), приводившие к смене политического руководства, внешнеполитического курса и принятию новых редакций Конституции. Высокий уровень бедности, деиндустриализация, деградация национального сельского хозяйства, значительная внешняя (в том числе и трудовая) миграция населения, политическая нестабильность, расту-

щий внешний долг, проблемы в отношениях с соседями — все это, наряду с высоким уровнем открытости и лояльности для бизнеса, определяет условия современного развития киргизской экономики.

За эти годы в республике сложилась модель низко-диверсифицированной малой открытой экономики с сильным торгово-посредническим уклоном. Учитывая узость национального рынка, неизбежной проблемой суверенной Киргизии является высокая зависимость экономического развития от экзогенных факторов.

Избрание либеральной модели политического устройства стало результатом вполне прагматичного осознания руководством страны того, что в условиях отсталости, ограниченного национального рынка, сложной горной геоэкономики, удаленности от морей и непростых отношений с соседними странами только максимально либеральные торговые условия и открытость национальной экономики помогут сделать страну наиболее привлекательной для инвестиций. В 90-е годы были заложены основы национальной экономической и политической системы, которые до сих пор существенно отличают Киргизию от ближайших ее соседей по региону. Однако в условиях бедности, растущего nepoтизма, усиливающихся межрегиональных противоречий и сильно выросшего влияния на внутривнутриполитическую ситуацию неправительственных институтов либеральная модель не смогла уберечь страну от двух политических потрясений в 2005 и 2010 г., которые завершились сменой президентов и вызвали изменения в государственном устройстве, а также событий, предшествующих аресту бывшего президента республики — А. Атамбаева¹⁶¹.

Отдельно, для иллюстрации особенностей сложившихся постсоветских экономических моделей, хотелось бы отметить Таджикистан. Известно, что при исследовании так

161. Тураева М.О. Экономика Киргизии: институты и ресурсы развития: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН. 2016. С. 3–39.

называемого азиатского способа производства чаще практиковался формационный подход¹⁶². В свою очередь, цивилизационный подход учитывает исторические, культурные, религиозные, этнические, национальные, психологические, географические и тому подобные особенности¹⁶³. К примеру, в типологии, применяемой приверженцем второго подхода Карлом Виттфогелем, первостепенное значение имеет земля, вода, авторитарность власти, особенности социальной стратификации и др.¹⁶⁴

Цивилизационный подход в изучении некоторых восточных особенностей, присущих Таджикистану, пока, по нашему мнению, применим наиболее всего. Согласно используемой в рамках выбранной методики типологии, необходимо выделить такие характерные факторы, как земля, вода, состояние человеческого капитала, конфессиональный фактор. Уровень развития капитала как такового не рассматривается ввиду ограниченности экономических ресурсов в Таджикистане. Подчеркнем, что использование признака фактора в данном случае в известной степени условно. Это делается для упрощения восприятия тех особенностей, которыми Таджикистан располагает.

1. *Фактор земли* типичен определениям восточных обществ в науке, весьма чувствителен для Таджикистана и применим в качестве одной из ключевых особенностей для характеристики национально-хозяйственной системы республики, поскольку:

- ресурс земли является ограниченным, и 93% территорий республики составляют горы;
- частная собственность на землю отсутствует, землю можно брать в пожизненную аренду, но собственность остается исключительно государственной¹⁶⁵;

162. Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В., Плеханов Г., Струве В., Васильев Л. и др.

163. Монтескье Ш., Тойнби А., Гершенкрон А., Гумилев Л., Мюрдаль Г., Виттфогель К., Нуреев Р.

164. Wittfogel K.A. Oriental despotism: A comparative study of total power/ New Haven, Yale University Press, 1957.

165. Земельный кодекс Республики Таджикистан, ст. 2.

- 74% населения – сельские жители, и это означает, что при такой количественной ограниченности земля является важным ресурсом для большинства населения. Население страны исторически является не кочевым, а оседлым, следовательно, земледелие, скотоводство и ремесло традиционны для народа Таджикистана;
- у Таджикистана имеются спорные территории с соседними государствами (Киргизия, Узбекистан), по этой причине часто возникают приграничные инциденты между местными жителями, особенно во время весенне-полевых работ;
- на долю республики приходится менее 10% региональных орошаемых земель Центральной Азии.

2. *Фактор воды* также существен: вода в Таджикистане, как и земля, является исключительной собственностью государства¹⁶⁶, 69% водных ресурсов ЦА и 55,4% бассейна Аральского моря находятся в Таджикистане (8 место в мире по водным ресурсам). В основном это верховья рек, и соседние страны, имеющие гораздо больше территорий и населения, зависят от стока вод из рек, берущих начало в Таджикистане.

Поэтому:

- возникают конфликты в ЦА регионе по поводу строительства объектов гидроэнергетики (из-за опасений соседних стран в своей водной обеспеченности);
- из-за водного конфликта с Узбекистаном долгие годы Таджикистан нес прямые экономические потери (в том числе из-за железнодорожной блокады).

Гидроэнергетика могла бы стать реальным локомотивом экономики для республики как с точки зрения преодоления собственных энергетических кризисов последних лет, так и с точки зрения перспективы экспорта электроэнергии. Таким образом, вода – это, с одной стороны, надежда на энергетическую независимость и последующее экономическое развитие республики, с другой стороны – тема постоянных

166. Водный кодекс Республики Таджикистан, ст. 5.

конфликтов с соседями по региону и источник многих бед для Таджикистана.

3. *Фактор человеческого капитала* — безусловно, важный институциональный признак, характеризующий модель Таджикистана. Несмотря на распад СССР, гражданскую войну и усиление внешней миграции, с 1991 г. численность населения республики увеличилась в 1,8 раз (9,6 млн человек в 2020 г.). В отличие от Казахстана и Киргизии, где сохранился родовой уклад, в Таджикистане клановое структурирование базируется на земляческих принципах, и значимость клана определяется его принадлежностью или близостью к власти, так как члены правящей элиты соединены либо родственными связями, либо местом происхождения. По мере укрепления ядра власти околовластные кланы консолидируются в группы интересов, после чего принцип местничества уступает интересам консолидированных групп, получающих доступ к административным и материальным ресурсам. Мировая практика доказывает, что культивация такого подхода ведет в итоге к неэффективности государственного управления.

Нельзя не отметить такой факт, сильно повлиявший на структуру современного таджикского общества, как его многонациональность, складывавшаяся на протяжении долгих лет. В царской России в Среднюю Азию ссылались неудобные, эта традиция была продолжена в советское время (особенно в 30–40-е годы). Союзная система распределения кадров способствовала тому, что в регион приезжали специалисты со всех концов СССР, заключалось много смешанных браков, в традиционные этнические устои привносились элементы европейских традиций. Такой интенсивности развития культуры, образования, науки, строительства, промышленности и т.д., как в XX в., республика не знала прежде. Однако после развала СССР и гражданской войны национальная структура населения заметно изменилась. Начался массовый отъезд из страны наиболее образованной и квалифицированной части населения, состоявшей в основном из представителей разных национальностей. За последние годы этническая струк-

тура современного таджикского общества сильно изменилась из-за значительного оттока жителей, родным языком которых являлся русский. Основную часть сегодня составляют представители коренных национальностей — таджики и узбеки.

Не секрет, что уровень грамотности и качество системы образования в Таджикистане стабильно редуцируют. Уже в начале 1990-х годы первая волна русскоязычной эмиграции сильно пошатнула качество работы системы образования. За последние двадцать лет ситуация ухудшилась. Ощущается нехватка квалифицированных педагогов, стало просто немодно учиться. Для девочек отсутствие образования считается более правильным, нежели его наличие, в дальнейшей взрослой (семейной) жизни. А мальчикам, которым нередко приходится с детства зарабатывать, некогда учиться в школе. В системе высшего образования те же проблемы. Сильно влияют на качество человеческого капитала трудовые миграции. Это обстоятельство не может не сказаться при разработке государственной экономической политики. Проблема человеческих ресурсов весьма актуальна для республики еще и потому, что в последнее время демографы и социологи выражают озабоченность частыми случаями невозвращения мужчин на родину. По разным оценкам, число мигрантов из Таджикистана составляет от 600 тыс.¹⁶⁷ до 2 млн человек, и примерно 85% из них — мужчины.

Очевидно, что демографическая ситуация, клановое структурирование общества, местничество и кумовство, высокий уровень коррупции, утраченная (в связи с распадом СССР и гражданской войной) многонациональность общества, снижение уровня грамотности и качества образования, а также трудовая миграция достаточно ярко характеризуют состояние человеческого капитала Таджикистана.

4. *Конфессиональный фактор.* Ислам распространяется в современной ЦА стремительными темпами не только как религия или учение, но и как один из самых эффективных инструментов влияния.

167. По данным Миграционной службы МВД Таджикистана. asiaplustj/news/39/72269.html.

Пережив острую фазу попыток исламизации (что послужило одной из причин гражданской войны 1991–1997 гг.), в последние годы республика испытывает ощутимую религиозную экспансию. Активное возвращение к религии предков у населения стало особенно модным к концу 80 – началу 90-х годов. Скорое возвращение к религии было дополнительно форсировано тем, что с распадом СССР у людей образовался мировоззренческий кризис. Политическая нестабильность, бедность, социально-экономическая напряженность и финансирование религиозных течений извне служат благодатной почвой для разрастания сект, ячеек, движений, в том числе и экстремистского толка.

Б. Бабаджанов объясняет массовое возвращение к исламу в регионе тем, что именно в ней стали видеть панацею от всех проблем, в том числе экономических, социальных, политических. В среде молодых интеллектуалов из маргинальных слоев с техническим и гуманитарным образованиями феномен возврата приобрел особые черты. Их религиозные воззрения – это некая смесь из атеистских взглядов и принципов ислама с заметными послаблениями (например, по части соблюдения обрядов)¹⁶⁸.

Косвенным свидетельством подобного технократического подхода к религии в исламизирующемся Таджикистане, на наш взгляд, является стабильно расширяющийся кредитный рынок, институты которого работают не в соответствии с установками шариата¹⁶⁹, а вполне секулярно.

Аналогично обстоит дело с другим институтом исламской экономики – закятом¹⁷⁰ (закотом). Он также имеет в Таджикистане полусекулярную форму. С одной стороны, его размер и порядок выплаты объявляются ответственными лицами от духовенства каждый год, в том числе и через СМИ, с подробными формальными инструкциями к исполнению.

168. Бабаджанов Б. Верните Фемиде весы (непопулярный взгляд на андижанскую трагедию). www.knyazev.org/biblio/Femida2.pdf.

169. Как известно, в исламе существует запрет на ссудный процент – «риба».

170. В исламе: обязательный годовой налог в пользу бедных и нуждающихся, а также на развитие проектов, способствующих распространению ислама.

С другой стороны, при столь стремительном увеличении религиозно настроенных граждан сборы закята остаются незначительными.

Настораживает и то, что в традиционно суннитском Таджикистане, с небольшим центром шиитско-исмаилитской культуры в ГБАО, появляется все больше радикально настроенной молодежи, получающей религиозное образование как близкое к ваххабизму (преимущественно в странах арабского мира), так и к не типичному для республики исламу шиитского толка (в близком по языковой среде Ирану). Отметим, что такие знания о религии могут расколоть сообщество мусульман в Таджикистане, поскольку обученные проповедники воинственно агитируют за ту версию «правильного ислама», которая считалась истинной в стране их обучения. Активно радикальные исламисты проявляются на севере страны, который является западной частью Ферганской долины – самой конфликтной и социально неблагополучной территории ЦА.

Можно заключить, что характеристики, которые были обозначены как факторы земли, воды, человеческого капитала и конфессиональный фактор, соответствуют подходу цивилизационной школы в определении обществ с выраженными восточными особенностями. На наш взгляд, это наглядно дополняет картину региональной специфики Таджикистана и помогает составить лучшее представление об особенностях его национальной экономической модели¹⁷¹.

В заключение следует отметить, что в прошедшие почти 30 лет суверенного развития более динамично развивались страны с сырьевой экономикой и крепкой центральной властью. Страны с либерально ориентированной экономикой не смогли справиться с неуправляемой деиндустриализацией. Исключение составила Грузия, бизнес-круги которой смогли

171. Тураева М.О. Национально-хозяйственная система Республики Таджикистан в экономическом пространстве Центральной Азии (механизмы регулирования и приоритеты развития) / дисс. на соискание уч. ст. д. экон. наук / Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. М., 2012. С. 53–55.

использовать выгодное геоэкономическое положение, широкую помощь Запада и финансовые возможности диаспоры.

Страны, развивающиеся по трудоресурсной и сервисно-трудоресурсной моделям, а также Белоруссия, хорошо дополняют экономику России. Россия и Казахстан дополняют друг друга в части совместного использования транзитного потенциала, финансовых услуг и в сфере металлургии и энергетики, что является основой их экономического сотрудничества в разных форматах. Сейчас ННГ вступают в новый этап своего развития, обусловленный кризисом либеральной концепции развития, деглобализацией, усилением экономического национализма и национального протекционизма, усилением климатической неустойчивости. Движение в направлении полицентричного устройства мировой экономики вызывает обострение международных политических и экономических отношений. Пандемия коронавируса повысила значимость качества государственного управления и ударила по доходам как стран-производителей углеводородов, так и экспортеров рабочей силы и услуг. Одновременно активизируется борьба за низкоуглеродную экономику, которая может серьезно повлиять на расстановку сил в мировой экономике, а также и на постсоветском пространстве. Сокращение углеродных доходов и последствия климатических изменений могут изрядно потрепать экономики всех ННГ, не говоря уже о реализации принятых странами программ развития.

В этих условиях преимущества получают те ННГ, модели которых будут эволюционировать в сторону повышения качества госуправления, в частности за счет оптимального баланса между централизацией и децентрализацией управления, расширения экономической свободы для креативных видов бизнеса и диверсификации экономики за счет производств будущего и создания рабочих мест с новыми компетенциями, используя все имеющиеся для этого внутренние и внешние возможности. Растущее значение в обновлении моделей будут играть процессы регионализации проектного типа, позволяющие реализовывать национальные интересы в широком международном пространстве.

Глава 5

СОЦИАЛЬНАЯ ОРИЕНТИРОВАННОСТЬ МОДЕЛЕЙ
ЭКОНОМИКИ ТРАНЗИТНЫХ СТРАН:
ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Социальные компоненты моделей капитализма, складывающихся в странах переходной экономики, так же, как и сами эти модели, демонстрируют явные институциональные различия, которые, как отмечается в литературе, придают им своеобразный лоскутный характер, что отличает эти страны от любой из моделей западноевропейского капитализма¹⁷². Разнятся и закрепленные в устойчивых традиционных подходах каждой из стран или их групп и модели организации и практики реализации социальной политики (СП), и степень вовлеченности в эти процессы различных уровней государственной администрации, органов самоуправления, публичных агентов, негосударственных акторов — бизнеса, благотворительных организаций, гражданского общества, церкви и др., и внешние условия их развития, например принадлежность к тому или иному интеграционному объединению, восприимчивость к адаптации тех или иных моделей развитых стран и т.д.

172. *Rapacki R.*, ed. *Diversity of Patchwork Capitalism in Central and Eastern Europe*. Routledge, 2019.

Место транзитных стран в системе моделей социальной политики

Процессы системной трансформации институтов СП являются объектом пристального изучения многих исследователей на всем протяжении их уже более чем 30-летнего развития. В центре внимания исследователей находятся, как правило, все или большинство новых членов ЕС, анализ которых проводится чаще всего в сопоставлении с той или иной выборкой развитых европейских стран¹⁷³. Иногда в анализ включают некоторые страны западных Балкан¹⁷⁴, и лишь в отдельных исследованиях предпринимаются попытки оценить формирующиеся модели СП с учетом стран бывшего СССР¹⁷⁵. Ограничение круга стран, включаемых в исследования, по-видимому, в немалой степени связано с ограниченной доступностью надежных сопоставимых статистических данных, пригодных для корректного эконометрического анализа основных направлений СП в странах, не входящих в ОЭСР или ЕС¹⁷⁶.

Исследования формирующихся в странах ЦВЕ моделей благосостояния показывают, что посткоммунистические страны: 1) значительно отличаются друг от друга по характеру проводимой ими СП; 2) не могут быть отнесены к существующим типам СП, свойственным западным странам и 3) пока

-
173. См., например: *Kuitto K.* Post-Communist Welfare States in European Context. Patterns of Welfare Policies in Central and Eastern Europe. Cheltenham: Edward Elgar, 2016; *Stoy V.* Worlds of welfare services: from discovery to exploration // *Social Policy and Administration*, 2014. Vol. 48. No. 3. Pp. 343–60; *Draxler J. and Van Vliet O.* European Social Model: No Convergence from the East // *Journal of European Integration*, 2010. Vol. 32. Pp. 115–135; *Castles F.G. and Obinger H.* Worlds, Families, Regimes: Country Clusters in European and OECD Area Public Policy // *West European Politics*, 2008. Vol. 31. Pp. 321–344.
174. См., например: *Cerami A., Stubbs P.* Post-communist Welfare Capitalisms: Bringing Institutions and Political Agency Back In. / EIZ Working Papers 1103. Zagreb, 2011.
175. См., например: *Fenger H.* Welfare regimes in Central and Eastern Europe: Incorporating post-communist countries in a welfare regime typology // *Contemporary Issues and Ideas in Social Sciences*, 2007. Vol. 3. No. 2. Pp. 1–30.
176. *Badescu C.* Central and Eastern European Welfare State Regimes: State-of-the-field Review. Preprint, June 2019. DOI: 10.13140/RG.2.2.13176.70407.

преждевременно говорить о том, что в них формируется отличная от других, специфическая модель СП¹⁷⁷.

Таким образом, применение для целей типологии социальной политики трех классических моделей классификации Эспинга-Андерсена¹⁷⁸ (либеральной, консервативной, социал-демократической), так же как и других существующих моделей¹⁷⁹, в качестве критерия для эмпирического анализа реальных социальных процессов в этих странах не вполне оправдано, хотя бы в силу того, что в этих странах процесс становления модели социальной политики еще не завершен, а решение многих назревших вопросов нередко требует радикального изменения стратегии и разработки новых концепций¹⁸⁰. Что же касается восточноазиатских стран, то в них формируется особая, восточноазиатская, или конфуцианская, система социального обеспечения¹⁸¹. На практике при исследовании социальных процессов в отдельных странах ЦВЕ, а также при проведении компаративного анализа авторы, как правило, не упоминают о формировании гибридных типов (моделей), а также о тяготении тех или иных элементов этих моделей к применяемым в развитых странах¹⁸².

Этот вывод тем более применим к широкому кругу транзитных стран, который сильно диверсифицирован даже с точки зрения такого достаточно формального показателя, как принадлежность к группам доходов по классификации Всемирного банка (ВБ). По этому показателю страны рассматриваемой выборки относятся к трем различным группам:

177. *Fenger H.* Op. cit.

178. *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press & Princeton: Princeton University Press, 1990.

179. *Gelissen J.* Worlds of Welfare, Worlds of Consent? Public Opinion on the Welfare State. Brill, N.H.E.J., N.V. Koninklijke, Boekhandel en Drukkerij, 2002.

180. *Badescu C.* Op. cit.

181. *Gough I.* Welfare Regimes in East Asia and Europe Compared // Marshall K., O. Butzbach (Eds.), New social policy agendas for Europe and Asia: Challenges, experience, and lessons. Wash., D.C: World Bank, 2003. Pp. 27–42.

182. *Badescu C.* Op. cit.

- с доходами ниже среднего уровня (Армения, Грузия, Киргизия, Молдавия, Монголия, Таджикистан, Украина, Вьетнам);
- с уровнем доходов выше среднего (Албания, Азербайджан, Белоруссия, Босния, Болгария, Китай, Хорватия, Казахстан, Македония, Черногория, Румыния, Россия, Сербия);
- с высоким уровнем доходов (страны Балтии, Венгрия, Польша, Словакия, Чехия, Словения).

Соответственно, эти страны существенно различаются по уровню и качеству жизни населения, что в первом приближении демонстрирует показатель индекса человеческого развития (ИЧР), компоненты которого, как известно, отражают характеристики долголетия, уровня образования и уровня жизни, измеряемого показателем ВВП на душу населения.

Из 31 страны, осуществлявшей в последние десятилетия системные преобразования, 15 относятся к числу стран с очень высоким уровнем человеческого развития (ЧР), от 0,800 до 0,896. Это все страны Центральной и большинство стран Южной Европы, Россия, Белоруссия и Казахстан. В 13 странах зарегистрирован высокий уровень ЧР – от 0,700 до 0,787 (Китай, Монголия, республики Закавказья, Албания, Сербия, Босния, Северная Македония, Украина и Молдавия, а также Узбекистан и Туркменистан), и лишь в трех средний уровень ЧР от 0,556 до 0,694 (Вьетнам, Киргизия и Таджикистан).

Широкий круг компаративных исследований показывает, что хотя и прослеживается устойчивая взаимосвязь между уровнями экономического и социального развития, соотношения между ними в разных странах могут складываться по-разному, поскольку экономический рост далеко не во всех случаях транслируется в повышение уровня и качества жизни населения. Это особенно видно при анализе стран среднего и низкого уровня экономического развития, в которых уровень и качество жизни нередко не соответствуют их положению в мировом рейтинге доходов. Это справедливо и в отношении нашей выборки стран, что, в частности, иллю-

стрирует известный комплексный индекс социального прогресса (Social Progress Index – SPI)¹⁸³.

Это многокомпонентный индекс, складывающийся из более чем 50 показателей, характеризующих результаты социального развития и сгруппированных по трем основным сферам: удовлетворение базовых потребностей населения (питание и базовая медицинская помощь, доступ к воде и канализации, состояние жилья и личная безопасность), основные показатели благосостояния (доступность базового образования, медицинских и других услуг, информации и связи, состояние здоровья и качество окружающей среды), а также область возможностей (личные права, личная свобода и выбор, инклюзивность, доступ к более высокому уровню образования).

Поскольку этот индекс не содержит в себе переменных, характеризующих уровень экономического развития, а включенные в него переменные в большинстве своем свободны от влияния циклических колебаний, то его сопоставление, например, с душевым размером ВВП может свидетельствовать о реальной степени социальной направленности экономического развития. Действительно, сводный индекс SPI и душевой ВВП по ППС тесно взаимосвязаны (коэффициент корреляции – 0,84 в 2018 г.). Однако отдельные страны демонстрируют уровень социального развития заметно ниже своих соседей по душевому ВВП, выбиваясь из общей тенденции. В их числе – страны Центральной Азии (кроме Киргизии), Китай и Россия (рис. 9).

Различия в уровнях душевого дохода являются исходной предпосылкой формирования объема публичных расходов, которые та или иная страна может перераспределить на социальные нужды, т.е. уровня социальности государства. От объема этих ресурсов зависит не только охват населения системами социальной защиты (СЗ), но и глубина воздействия СП на положение граждан. Низкий уровень развития

183. www.socialprogress.org

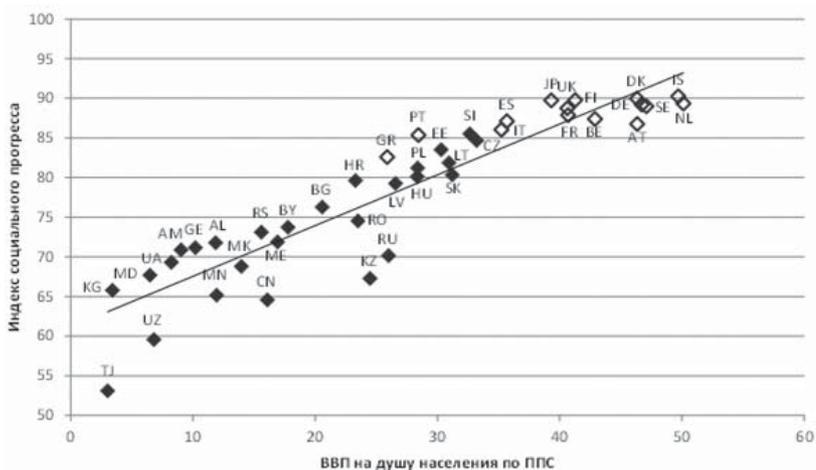

Рис. 9. Индекс социального прогресса и ВВП на душу населения по ППС (2018)

Источник: составлено по данным www.socialprogress.org.

многих из транзитных стран по сравнению с развитыми предопределяет и более низкое финансовое обеспечение государственных социальных программ, и, следовательно, более высокий уровень неудовлетворенных социальных нужд. Однако уровень развития определяет лишь общие тренды перераспределения средств на социальные цели: на практике объемы и пропорции средств, расходуемых на отдельные социальные нужды, заметно различаются от страны к стране и не связаны напрямую с уровнем развития.

О масштабах участия государства в распределении социальных благ

При таком подходе очевидно, что исходным является общий размер государства в экономике, определяющий объем ресурсов, которые оно перераспределяет, и их соотношение с объемом ресурсов, направляемых на реализацию социальных целей. Объем государственных расходов в конечном итоге свидетельствует о масштабе роли государства в социально-экономических процессах и определяет тип

действующей в той или иной стране модели государства — от либеральной до патерналистской. Учет масштабов государства при выделении формирующихся в нашей выборке стран моделей СП оправдан и с точки зрения ярко проявляющейся в последнее время, особенно после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., и особенно как неизбежное следствие пандемического кризиса 2020 г., тенденции расширения роли государства как в форме его прямого присутствия в социально-экономической жизни, так и с точки зрения расширения сферы действия его регулирующих функций.

Масштабы присутствия государства в экономике пост-социалистических стран существенно различны и варьируют от примерно 23% в Казахстане до более чем 50% в Венгрии, причем большинство из этих стран заметно уступают приведенным на рис. 10 в качестве примеров для сопоставления развитым странам Европы, в которых объем государственных расходов в соотношении с ВВП формируется на уровне выше 40%.

Показатели объема государственного участия в экономике ничего не говорят о государственных приоритетах распределительной политики, которые в конечном счете отражаются в объемах и пропорциях распределения средств и ресурсов, направляемых на достижение тех или иных социальных целей, реализацию государством социальных программ, расширение доступности нуждающихся слоев к социальным благам и др. Показатели доли государства в экономике напрямую не свидетельствуют и о достигнутых результатах социального развития как в плане реализации поставленных целей повышения уровня и качества жизни, снижения бедности и др., так и удовлетворенности населения достигнутыми результатами.

Вместе с тем, доступные данные об объеме социальных расходов в соотношении с ВВП также распределяются, как правило, почти пропорционально: большему размеру государства соответствует больший объем социальных расходов (рис. 10). Наиболее яркими исключениями являются из стран бывшего СССР Киргизия и Азербайджан, из стран

Азиатского региона – Китай и Вьетнам, а из стран ЦЮОВЕ – Венгрия, в которых объем социальных расходов формируется на значительно более низком уровне, чем можно было бы предположить, исходя из масштабов государственного присутствия в социально-экономической жизни этих стран.

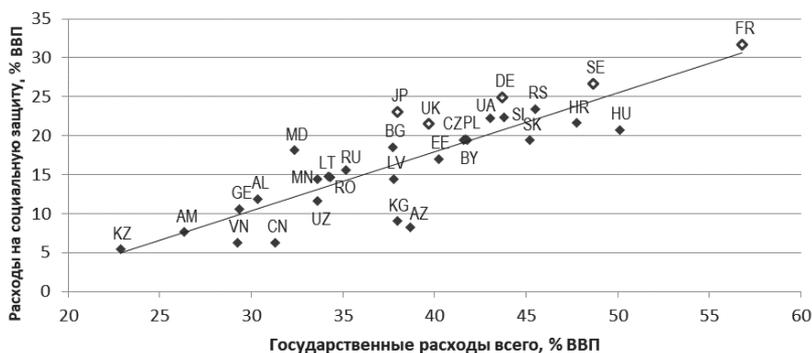

Рис. 10. Размер государства и его социальные расходы (в % к ВВП)

Примечание. Государственные расходы на социальную защиту населения не включают расходы на здравоохранение
 Источники: IMF World Economic Outlook Database; World Social Protection Report 2017–2019. ILO, 2017.

В соответствии с соотношением показателей объема ресурсов, распределяемых государством и направляемых им на социальные цели, рассматриваемая выборка распадается на следующие группы стран:

- с крайне низким уровнем социальных расходов (до 11–12% ВВП), в которую входят страны Закавказья и Центральной Азии, а также Вьетнам, Китай и Албания. Для всех из них характерны невысокие размеры государства (до 38% в Азербайджане);
- с невысоким уровнем социальных расходов (от 14 до 19% ВВП) – страны Балтии, Монголия, Россия, Молдавия, а также Болгария и Румыния. В этих странах объем государства также невысок и не превышает 40%;

– со средним уровнем социальных расходов (от 19 до 23% ВВП), в которую попадает большинство стран ЦЮВЕ, Украина и Белоруссия и для которых характерен относительно высокий размер государства.

Легко видеть, что социальные расходы в каждой из трех выделенных групп стран играют различную роль в общем объеме государственных расходов. Иными словами, социальная нагрузка государственных расходов минимальна в первой группе (от 20 до 40% всех расходов) и находится на среднем уровне в большинстве стран второй группы (от 40 до 45%), кроме Болгарии и Молдавии, где эта доля формируется на уровне 50–55%. В последней она даже выше, чем в более развитых странах ЦВЕ, в которых нагрузка находится на уровне 40–47%. Приведенные на рис. 10 показатели позволяют также отметить, что максимальную социальную нагрузку на госрасходы имеют Украина и Молдавия, где до настоящего времени системы социальной защиты реформировались в наименьшей мере.

Попыткам ответить на вопрос о взаимосвязи между масштабами участия государства в экономике и способностью экономики выполнять социально важные функции посвящено много работ¹⁸⁴. Во многих из них авторы в качестве исходной предпосылки отталкиваются от различий функционирования разных моделей экономических систем либо избирают географически/интеграционно очерченные группы стран. Тем не менее даже при заданности группировок стран (т.е. без учета возможных различий функционирующих в каждой из таких группировок моделей экономических систем)

184. См, например: *Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P.* Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress (CMEPSP). Paris, 2009. www.researchgate.net/publication/258260767_Report_of_the_Commission_on_the_Measurement_of_Economic_Performance_and_Social_Progress_CMEPSP; *Flavin P., Pacek A.C., Radcliff B.* Assessing the impact of the size and scope of government on human well-being // *Social Forces*, 2009. Vol. 92. No. 4. Pp. 1241–1258; *Afonso A., Jalles J.T.* Economic performance and government size / ECB Working Paper 1399, 2011; *Sušnik J., van der Zaag P.* Correlation and causation between the UN Human Development Index and national and personal wealth and resource exploitation // *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*, 2017. Vol. 30. No. 1. Pp. 1705–1723.

результаты эконометрических исследований демонстрируют существенные различия в социальной реакции разных экономических систем на сходные параметры участия государства в экономике. Одновременно доказывается справедливость и того положения, что различия этих параметров по-разному влияют на способности экономической системы удовлетворять потребности населения¹⁸⁵.

Сравнительные исследования постсоциалистических стран показали, что большее государство означает и лучшие результаты с точки зрения благосостояния и возможностей общества удовлетворять потребности населения. С другой стороны, в отношении группы стран бывшего СССР (без стран Балтии, но с включением в эту группу Монголии) четких связей между размерами государства и качеством социально-экономических систем не прослеживается: такие связи здесь оказались значительно слабее, чем в группах развитых европейских стран и стран – новых членов ЕС.

При ответе на вопрос, какие характеристики государства более всего влияют на его способность реализовывать функцию повышения благосостояния граждан, польские исследователи приходят к выводу, что для всех групп стран наиболее важным фактором явилось качество институциональной среды. «Институты имеют решающее значение для качества воздействия государства на экономику и являются ключевым фактором формирования экономических систем – как в создании богатства и возможностей для населения, так и в достижении конечной цели всех современных экономик: сделать людей счастливыми и довольными жизнью. Независимо от того, является ли государство более либеральным или более интервенционистским, действует ли оно как владелец и инвестор в более широком или более узком масштабе, производит ли оно много или мало обще-

185. *Bałtowski M., Kozarzewski P.* The Impact of the State on the Quality of an Economic System: A Cross-Country Analysis / CASE Working Papers. No. 10 (134). Warsaw. 2019. www.case-research.eu/files/?id_plik=6198.

ственных благ — принципиальное значение имеет качество, а не объем государственного вмешательства»¹⁸⁶.

Исследования зависимости степени удовлетворенности населения жизнью от общего уровня государственных расходов, размера и щедрости государства всеобщего благосостояния, а также степени регулирования рынка труда в странах ОЭСР за 1981–2007 гг. также подтверждают, что граждане испытывали большую степень удовлетворенности по мере увеличения степени вмешательства государства в экономику. Интересно, что этот вывод подтвердился для населения как с высокими, так и с низкими доходами. А это означает, что и те, и другие рассматривали более левую социальную политику как в равной мере благоприятствующую их субъективному благополучию¹⁸⁷.

Формирование социальных моделей в постсоциалистических странах

Как известно, вопросы рыночных преобразований в социальной сфере фактически выпали из блока первоочередных задач системной трансформации: концепция рыночного преобразования социальной сферы отсутствовала как в национальных разработках, так и в схемах, предлагавшихся международными организациями¹⁸⁸. Это предопределило существенное отставание реформирования социальных институтов от рыночных преобразований в сфере экономики, либерализация которой зачастую осуществлялась без должного учета социальных последствий, что выразилось в высокой социальной цене реформ во всем регионе Европы и Центральной Азии (ЕЦА).

186. Ibid.

187. Flavin P., Pacek A.C., Radcliff B. Op. cit.

188. См., например: Orenstein M., Haas M. Globalization and the Development of Welfare States in Post-Communist Europe / BCSIA Discussion Paper 2002–02. Kennedy School of Government, Harvard University, 2002; Adascalitei D. Welfare State Development in Central and Eastern Europe: A State of the Art Literature Review // Studies of Transition States and Societies, 2012. Vol. 4. No. 2.

На начальных этапах рыночных преобразований проводившаяся в странах структурная адаптация редко включала в себя меры по реформированию здравоохранения, образования или пенсионной системы¹⁸⁹. В первую очередь в силу трансформационного спада, резкого снижения спроса на труд, падения занятости и роста безработицы страны вынуждены были перестраивать систему регулирования рынка труда, вводя простейшие формы пособий по безработице и организуя социальную защиту населения практически с нуля¹⁹⁰. Во многих случаях в условиях дефицита средств страны пытались использовать адресные формы социальной поддержки¹⁹¹.

СП формировалась под воздействием давления растущих социальных потребностей в условиях жестких финансовых ограничений существовавшей в странах институциональной структуры СП, а также рекомендаций международных организаций. Реакцией на негативные социальные последствия первого этапа рыночной трансформации, и прежде всего взрывной рост цен и жесткие бюджетные ограничения в процессе достижения товарно-денежной и бюджетной сбалансированности, а также рост безработицы во всех странах ЕЦА, стали меры экстренного характера, ориентированные на быструю помощь самым незащищенным слоям населения.

Сталкиваясь со схожими социальными проблемами, правительства постсоциалистических стран решали их по-разному. В результате к настоящему времени с точки зрения институционального оформления СП государства и масштабов ее воздействия на уровень жизни населения регион ЕЦА стал намного менее однородным, чем при соци-

189. Orenstein M., Haas M. Op. cit.; Inglot T. The Politics of Social Policy Reform in Post-Communist Poland: Government Response to the Social Insurance Crisis during 1989–1993 // *Communist and Post-Communist Studies*, 1995. Vol. 28. No. 3. Pp. 361–373.

190. Elster J., Offe C., Preuss U.K. *Institutional Design in Post-Communist Societies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

191. Heller P., Keller C. *Social Sector Reform in Transition Countries / IMF Working Paper No. 01/35*. International Monetary Fund, 2001.

ализме¹⁹². На начальных этапах рыночной трансформации происходил процесс дивергенции сложившихся при социализме социальных систем, выразившийся в различиях сроков внедрения отдельных мероприятий, степени охвата населения, наборов социальных программ, предоставлении прав на получение помощи и т.д. Если в ряде стран в результате жестких бюджетных ограничений произошел отказ от прежних форм социального обеспечения (Грузия, Армения, некоторые страны Западных Балкан), то, например, на Украине до последнего времени стремились сохранить привычные для населения формы, модели и способы СЗ, унаследованные от предшествующего этапа, усложненные к тому же программами экстренной помощи.

На становление моделей СП в странах ЦЮВЕ оказывали воздействие действовавшие в них на разных исторических этапах социальные институты. Так, в основе моделей СЗ в этих странах лежат элементы социального страхования межвоенного периода и институты, созданные на этапе социалистического развития, такие как солидарная пенсионная система, полная занятость, национальная система здравоохранения, программы бесплатного предоставления жилья, ограниченное использование адресных схем предоставления помощи, связанных с проверкой нуждаемости, и др.

Сложившиеся институциональные различия между странами ЦЮВЕ в конечном счете определяют и тенденции формирования модели социального государства. В частности, Чехия и Словения тяготеют к континентальной модели с развитой системой социального страхования, которая в то же время сочетается с отдельными элементами либеральной модели, в то время как Эстония и Литва находятся ближе к англосаксонским странам (особенно это проявляется

192. *Beblavy M.* New welfare state models based on the new member states' experience? // SSRN Electronic Journal, January 2008. DOI: 10.2139/ssrn.2403764.

в налоговой политике и жестком контроле над государственными расходами)¹⁹³.

Заметную роль в формировании моделей СП стран региона ЦЮВЕ играют процессы европейской интеграции. Это касается не только стран, начавших в середине 1990-х годов подготовку к вступлению в ЕС, но и остальных стран бывшей Югославии и Албании, для которых европейская социальная модель служила своеобразным ориентиром при реструктурировании систем СЗ. Важно подчеркнуть, что общеевропейские документы и разделы соглашений, посвященные социальной сфере, как правило, носят рекомендательный характер: наднациональные власти устанавливают минимальные параметры и задают лишь базовые стандарты социального государства, тогда как национальная социальная политика в основном остается прерогативой правительств стран – членов ЕС.

В ходе формирования моделей социального государства в ряде стран ЕЦА происходила передача финансирования части социальных обязательств государства частным структурам и организациям в ходе приватизации. Речь идет, в частности, о формировании частного сегмента предоставления различных социальных услуг в сфере социального обслуживания населения, образования, в т. ч. дошкольного, предоставления медицинских услуг, социального страхования.

Важной чертой, уже прочно закрепившейся в новых социальных системах, стала *децентрализация системы социального обеспечения*, делегирование значительных полномочий в этой сфере местным уровням власти, распространение государственно-частного и муниципально-частного партнерства в социальной сфере, объединения отвечающих за социальное страхование фондов и касс, а также вовлечение в социальную деятельность негосударственных акторов – бизнеса, благотворительных организаций, гражданского общества,

193. Подробнее см.: *Lendvai N. Variety of Post-Communist Welfare: Europeanisation and Emerging Welfare Regimes in the New EU Member States. Paper for the RC-19. Montreal, 2009; Inglot T. Welfare States in East Central Europe, 1919–2004. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.*

церкви и т.д., которые берут на себя часть функций, ранее выполнявшихся государством.

Несмотря на сложившиеся в ходе трансформации значительные различия в объеме гарантируемых социальных прав, *постсоциалистические государства в текстах конституций характеризуют свои государства как социальные*. Это означает, что государство берет на себя обязательства социального характера, в том числе в сфере трудовых отношений, здравоохранения, обеспечивает поддержку семьи, материнства, детства, инвалидов и пожилых людей, создает систему социальных служб.

В ряде стран ЦЮВЕ – новых членов ЕС принципы социального государства/ социальной рыночной экономики закреплены конституционно (например, Болгария, Румыния, Словения) либо в их конституциях содержатся положения, отражающие важнейшие принципы такого государства (Венгрия, Польша, страны Балтии). Социальные права граждан закреплены в конституциях стран Западных Балкан. В Армении, Белоруссии, Казахстане, России, Таджикистане, Украине, Узбекистане социальное государство также является конституционной нормой. В тех же странах, где такая норма конституционно не закреплена, она в той или иной форме содержится в провозглашенных в них принципах СП. В конституционных нормах социалистической рыночной экономики в Китае и Вьетнаме также содержатся положения о совершенствовании системы СЗ населения.

О критериях социальной функциональности моделей СП

В расширенном определении суть социального государства/ государства всеобщего благосостояния рассматривается как совокупность механизмов, обеспечивающих СЗ от рыночных механизмов и результатов их действия, а также перераспределения этих результатов¹⁹⁴. В более узкой трак-

194. Clasen J., Siegel N. Comparative welfare state analysis and the 'dependent variable problem' // Clasen J., Siegel N. (Eds). Investigating Welfare State Change. The "Dependent Variable Problem" in Comparative Analysis. Cheltenham: Edward Elgar, 2007. Pp. 3–12.

товке его суть сводится к системе различных закрепленных законодательно, а также традиционных норм и программ (в денежной или натуральной форме). Вторая, более узкая трактовка, относит к показателям, отражающим степень обеспечения общественного благосостояния, в первую очередь бюджетные усилия, которые предпринимаются государством для обеспечения социальных пособий населению¹⁹⁵, а также индикаторы щедрости социальных прав, предоставляемых гражданам на получение социальных пособий¹⁹⁶. Обе эти группы показателей позволяют сравнить потенциал поддержания благосостояния в различных странах, а также дают представление о действующей в той или иной стране системе СЗ, обеспечивающей защиту от социальных рисков. К этим двум наборам индикаторов исследователи в последние годы добавляют показатели, характеризующие размеры выплачиваемых социальных пособий, подчеркивая, однако, что пока не удалось теоретически обосновать характер взаимодействия этих трех показателей: агрегированных данных о социальных расходах, социальных правах и о получении социальных пособий¹⁹⁷.

В настоящей работе мы также используем в качестве количественных показателей степени щедрости обеспечения общественного благосостояния данные о социальных расходах, социальных правах и получаемых пособиях и остановимся на 1) показателях, характеризующих затраты публич-

195. *Castles F.G.* The European social policy model: progress since the early 1980s // *European Journal of Social Security*, 2002. Vol. 3. No. 4. Pp. 299–313; *Pierson P.* The New Politics of the Welfare State. Oxford University Press, Oxford, 2001.

196. *Esping-Andersen G.* Op. cit; *Scruggs L.* Welfare state generosity across space and time // *Clasen J., Siegel, N.* (Eds). *Investigating Welfare State Change. The “Dependent Variable Problem” in Comparative Analysis.* Cheltenham, 2007, pp. 133–165; *Scruggs L.* Social Rights, Welfare Generosity, and Inequality // *Anderson C.J., Beramendi P.* (Eds). *Democracy, Inequality, and Representation in Comparative Perspective.* N.Y., Russell Sage Foundation, 2008. Pp. 62–90; *Scruggs L., Allan J.* Welfare state decommodification in eighteen OECD countries: a replication and revision // *Journal of European Social Policy*, 2006. Vol. 16. No. 1. Pp. 55–72.

197. *Otto A.* Social expenditure, social rights, and benefit receipt as indicators of welfare state generosity: Three peas in a pod, or a different kettle of fish altogether? // *International Journal of Sociology and Social Policy*, 2018. Vol. 38. No. 9/10. Pp. 851–867.

ных средств на реализацию социальных мероприятий в рассматриваемой выборке стран, 2) а также попытаемся дать краткую характеристику социальных прав, сформировавшихся в ходе системной трансформации, и привести примеры величин получаемых пособий.

В определении степени социальности моделей экономики ведущую роль играют государственные расходы на СЗ, включая затраты на социальное обеспечение, социальную помощь, здравоохранение и образование. Уровень социальности той или иной модели с точки зрения расходов можно охарактеризовать также направленностью государственных расходов на достижение определенных целей: помощи семье, обеспечения пожилого и/или трудоспособного населения, оказавшегося в сложном материальном положении, возможностей трудоустройства, противодействия бедности, обеспечения равного доступа к социальным благам и справедливого распределения ресурсов, а также равенства жизненных шансов и др.¹⁹⁸

Для определения степени использования публичных средств на эти цели были использованы показатели, характеризующие долю публичных расходов, выделяемых на образование, здравоохранение и социальную защиту в совокупных расходах государства. Речь идет о социальных расходах центрального бюджета и местных органов власти, независимо от источника их финансирования (налоговые поступления, займы или гранты), а также фондов социального страхования/ пенсионного обеспечения, за исключением личных

198. Состав показателей, которые логично привлечь при оценке степени ориентации государства на удовлетворение социальных потребностей населения, может быть значительно расширен. Так, ряд авторов в этом контексте рассматривают также такие социальные функции государства, как гарантии общественной безопасности, государственные гарантии в сфере жилищной политики, обеспеченности инфраструктурой, охраны окружающей среды, учреждениями культуры, отдыха и др. См., например: *Jedid-Jab Jonker* (ed.) *Countries compared on public performance. A study of public sector performance in 28 countries*. The Hague, Netherlands Institute for Social Research, 2012. Однако учитывая ограниченность объема настоящей статьи, а также из-за трудностей привлечения сопоставимой информации по многим из перечисленных сфер, здесь мы ограничиваемся лишь заявленными выше аспектами.

расходов граждан из собственных средств и внебюджетной помощи.

Источником для показателей социальных расходов является база данных, агрегированная в 2017 г. исследовательскими группами Development Finance International (DFI) и Oxfam¹⁹⁹ для измерения степени ориентированности государственной политики на снижение неравенства и охватывающая 157 стран мира. База данных составлена на основе данных международных организаций (Азиатский банк развития, ЭКЛАК, Евростат, МОТ, ОЭСР, ЮНЕСКО, ВОЗ), а также дополнена данными национальных бюджетов.

Рис. 11 дает общее представление об ориентированности госрасходов анализируемых стран на широкий круг социальных целей: он показывает, какая доля средств, проходящих через государственные бюджеты всех уровней, распределяется по секторам, ориентированным на предоставление услуг населению, в зависимости от уровня душевого дохода.

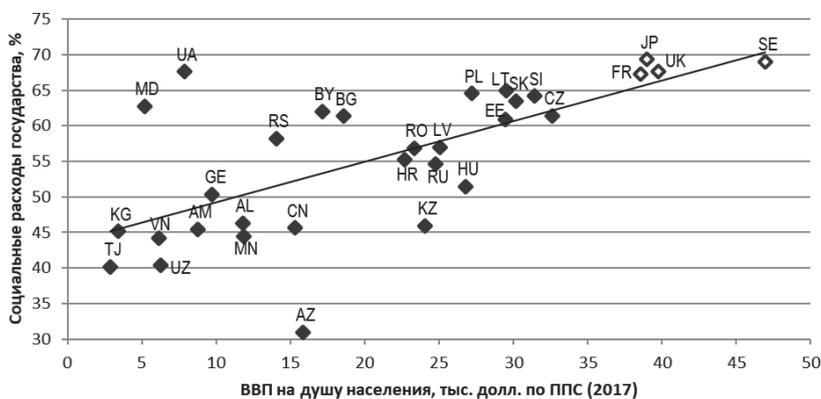

Рис. 11. Совокупные публичные расходы на социальные цели (в % к расходам консолидированных публичных финансов)

Примечание. В социальные расходы включены расходы всех бюджетных уровней и внебюджетных социальных фондов на социальное обеспечение, социальную поддержку, здравоохранение и образование.

199. www.oxfam.org/en/research/commitment-reducing-inequality-index-2018.

- С этой точки зрения можно выделить следующие группы стран:
- большинство стран с невысоким уровнем экономического развития (в границах до 15 тыс. долл. по ППС) – как центральноазиатские (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия), так и страны Восточной и Юго-Восточной Азии (Китай, Вьетнам, Монголия), Закавказья (Армения, Грузия) и Западных Балкан (Албания) – характеризуются относительно невысокой долей социальных расходов государства (от 40 до 50%);
 - исключение в этой группе стран составляют, с одной стороны, Молдавия и Украина, где в значительной мере сохранился высокий груз социальных обязательств предшествующего периода, превышающий 60%, а с другой – Азербайджан, где велика доля средств населения в финансировании социальных нужд, а социальные расходы государства весьма скромны – около 30%;
 - более высокий уровень этих расходов (55% и несколько выше) характерен для более развитых стран (Россия, Латвия, Черногория, Румыния). При этом Казахстан, близкий к этим странам по уровню развития, характеризуется заметно более низким уровнем социальных расходов, тогда как Сербия, относящаяся по уровню развития к предыдущей группе, имеет даже более высокую социальную нагрузку;
 - Белоруссия и Болгария характеризуются более высоким объемом социальных обязательств, сопоставимых по доле в совокупных публичных расходах с такими новыми членами ЕС, как страны Вишеградской группы;
 - в свою очередь последние, а также Литва и Эстония в наибольшей степени социально ориентированы среди рассматриваемых здесь стран, хотя и не дотягивают (не считая Украины) до уровня развитых стран (Франция, Великобритания, Швеция или Япония), которые представлены на рис. 11 в качестве примеров формирования пропорций социальных расходов в различных сложившихся в мире социальных моделях.

Однако за общей картиной степени социальности государственных расходов стоит довольно сильно дифференцированная по странам структура расходов на удовлетворение потребностей отдельных социальных групп, что соответствует реализуемым в отдельных странах приоритетам СП. Так, дифференциация долей расходов на образование и на здравоохранение в рассматриваемых странах существенно отличается от представленной выше общей картины распределения финансирования (рис. 12, 13).

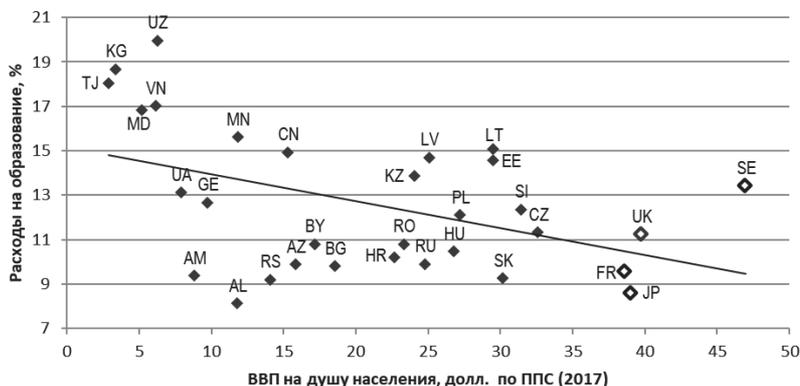

Рис. 12. Совокупные публичные расходы на образование (в % к расходам консолидированных публичных финансов)

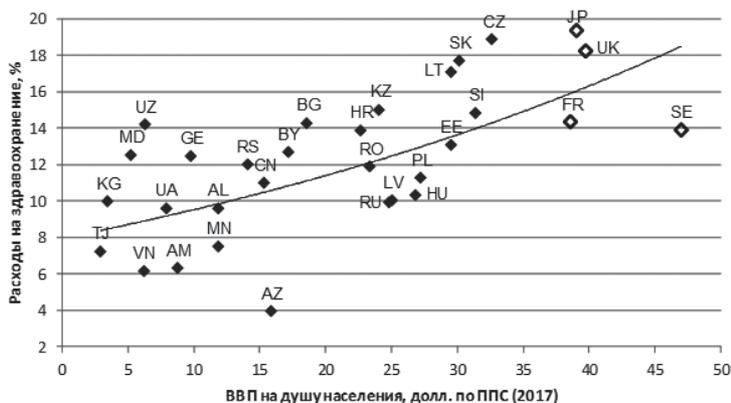

Рис. 13. Совокупные публичные расходы на здравоохранение (в % к расходам консолидированных публичных финансов)

Источники: те же, что у рис. 11.

Сравнение рис. 12 и 13 показывает, что страны с более высоким ВВП на душу населения чаще характеризуются более высокой долей публичных расходов на здравоохранение, тогда как доля таких расходов на образование у них ниже, чем в странах с меньшим душевым ВВП. Так, ряд стран ЦА (Таджикистан, Киргизия), Восточной и Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Монголия, Китай), а также Украина, Армения, Азербайджан, Албания характеризуются в рассматриваемой выборке наиболее низкой долей расходов на здравоохранение (от 4 до 11% совокупных публичных расходов). Одновременно во многих из них отмечается максимальная в данной совокупности (или близкая к ней – от 15 до 20%) доля расходов на образование (ЦА, Вьетнам, Молдавия, Монголия, Китай).

Невысокий уровень расходов на здравоохранение характерен и для более развитых стран, таких как Россия, Латвия, Венгрия, Польша. Однако из этой группы высокие расходы на образование характерны только для Латвии, как, впрочем, и для двух других стран Балтии. Россия и Венгрия попадают в многочисленную группу стран с низкой долей расходов на образование (от 8 до 11%). В нее входят страны с разным уровнем экономического развития – от стран Закавказья (Армения, Азербайджан), Западных Балкан (Албания, Сербия) до таких стран – новых членов ЕС, как Болгария, Румыния, Хорватия, Словакия, Венгрия, а также Белоруссия. Столь же невысокая доля расходов на образование характерна, например, для Франции, относящейся в соответствии с типологией Эспинга-Андерсена к консервативно-корпоративистскому режиму государства всеобщего благосостояния, а также для Японии.

С точки зрения доли публичных расходов на здравоохранение средний уровень доли расходов (от 12 до 15%) характерен для большинства стран нашей выборки различного уровня развития, относящихся к разным географическим зонам и интеграционным объединениям. При этом сходные пропорции характерны и для стран, представляющих социал-демократическую (скандинавскую) модель СП (Швеция),

и для упоминавшейся консервативно-корпоративистской (франко-германской) модели (Франция).

Более высокими долями расходов на финансирование здравоохранения (св. 16%) выделяются среди рассматриваемых стран лишь Литва, Словакия и Чехия, причем в последней они даже превышают показатели, характерные для неолиберального (англо-американского) типа СП (Великобритания).

Отмеченные тенденции в финансировании сфер образования и здравоохранения можно проиллюстрировать и на примере соотношения публичных расходов с объемом ВВП. Так, характерная для большинства анализируемых стран невысокая доля расходов на образование в ВВП особенно ярко выражена в ряде более бедных стран (Армения, Азербайджан, Казахстан, Румыния, Болгария, Сербия, Грузия, Албания, Монголия), где она не превышает 4% ВВП. Для стран – новых членов ЕС этот показатель формируется на уровне от 4 до 6% ВВП. На этом же уровне находятся расходы на образование в таких странах, как Белоруссия, Украина, Таджикистан, Вьетнам. Особую группу с высокой долей расходов относительно ВВП (от 6 до более 7%) составляют такие страны, как Узбекистан, Молдавия и Киргизия. Доступные данные по Китаю относятся к 2000 г. – лишь 1,9% ВВП²⁰⁰.

В абсолютном большинстве рассматриваемых стран публичные расходы на здравоохранение дополняются наличными средствами населения, средствами, вложенными в систему добровольного медицинского страхования (ДМС), и другими источниками (рис. 14). Так, в республиках ЦА (кроме Узбекистана и Казахстана), Закавказья, во Вьетнаме, Албании, Молдавии и на Украине доля публичных средств в финансировании здравоохранения не достигает 50%. Особенно она низка в Армении (16%) и Азербайджане (20%). Излишне говорить, что высокая доля наличных средств населения в финансировании услуг здравоохранения является

200. UNESCO Institute for Statistics. data.uis.unesco.org.

показателем, свидетельствующим о сниженной доступности этих услуг, особенно для беднейших слоев населения.

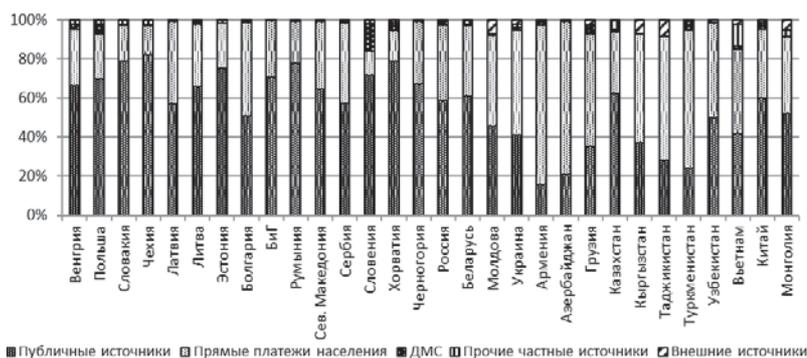

Рис. 14. Структура финансирования системы здравоохранения (2015)

Примечание. Средства из публичных источников включают ресурсы бюджетов всех уровней, трансферты, средства системы социального (обязательного) медицинского страхования, а также субсидирование схем ДМС. Несмотря на то, что страхователи в большинстве случаев являются частными юридическими компаниями, средства системы обязательного страхования отнесены к публичным расходам в силу жестких обязательных законодательных норм их использования. Прямые платежи населения включают все расходы домохозяйств непосредственно на цели здравоохранения, за исключением оплаты ДМС. Прочие частные источники включают прежде всего выплаты корпоративного сектора либо непосредственно провайдером медуслуг, либо на цели ДМС. Внешние источники финансирования включают в основном иностранную помощь и любые иные трансферты из-за рубежа на цели финансирования здравоохранения.

Источник: WHO Global Health Expenditure Database.

В группу стран с высокой долей публичных средств (свыше 70% общих расходов) входят большинство новых членов ЕС и Россия. Остальные страны занимают промежуточное положение. Характерно, что эти пропорции за последнее десятилетие меняются незначительно. Такая форма финансирования, как ДМС, развита далеко не во всех рассматриваемых странах. Среди стран ЦЮВЕ его роль более заметна

в Словении, Хорватии, Польше и отчасти в Венгрии, а также в Китае, Вьетнаме и Туркменистане.

Характерные для большинства стран крайне невысокие (по сравнению с развитыми государствами) соотношения объемов публичного финансирования здравоохранения с ВВП также относительно устойчивы. Сопоставимые с развитыми странами показатели (9,4–10,2% ВВП) демонстрируют относительно менее развитые страны, такие как Молдавия, Армения, Сербия, Босния, тогда как даже для стран – новых членов ЕС характерны более низкие уровни финансирования здравоохранения в соотношении с их ВВП (от 5% в Румынии до 8,2% в Болгарии). Страны ЦА в этом отношении также крайне неоднородны (от 7% в Таджикистане до 4% в Казахстане), а из остальных стран бывшего СССР Россия имеет один из наиболее невысоких показателей (5,6% ВВП), близкий к показателям Китая и Вьетнама, но выше, чем в Монголии (около 4%).

Расходы на удовлетворение отдельные видов социальных потребностей

Совокупные расходы на **здравоохранение** на душу населения, даже в расчете по ППС, в рассматриваемых странах крайне невысоки. Даже в наиболее благополучной Словении их уровень (около 2,7 тыс. долл.) почти в два раза ниже, чем, например, в Швеции или Германии, и составляет чуть выше 60% от уровня Японии или Франции. Из стран – новых членов ЕС ближе всего к Словении приближается лишь Чехия (2,5 тыс. долл.), а остальные страны отстают от нее по этому показателю на 25–60%. В большинстве стран из этой группы уровень душевого финансирования здравоохранения составляет от 1,5 до 1,9 тыс. долл. К этому уровню приближаются показатели в Сербии, ряде стран Западных Балкан, а также в России (около 1,4 тыс. долл.), тогда как в остальных странах этот показатель формируется на уровне 1 тыс. долл. и ниже, причем в Монголии, Черногории и Украине – менее 500 долл., а в Узбекистане, Вьетнаме, Киргизии и Таджикистане – ниже

400 долл.²⁰¹ Излишне говорить, что при таком уровне финансирования возможности для широкого охвата населения современным медицинским обслуживанием близки к нулю.

В сфере **образования** формирование подушевых расходов также пока серьезно отстает от показателей более развитых стран. Особенно значительным является отставание в финансировании высшего образования. Так, по сравнению, например, с Германией или Великобританией средний уровень государственного финансирования в расчете на одного студента в постсоциалистических странах (при расчете в долларах по ППС без учета внешних источников)²⁰² составляет всего около 20%. Лишь в Эстонии этот показатель достигает 66% от уровня Германии, тогда как в странах Вишеградской группы и Словении он формируется в границах от 40 до 48%; в пределах 30–33% – в Литве, Румынии и Хорватии; от 20 до 30% – в Азербайджане, Белоруссии, Латвии, России и Сербии; от 10 до 20% – во Вьетнаме, Молдавии, Казахстане, Болгарии, Украине и Боснии; ниже 10% – в Албании, Монголии, Грузии, Армении, Вьетнаме и Таджикистане. В последнем он составляет лишь 1% от уровня Германии. При таких пропорциях финансирования важной сферы повышения качества человеческого капитала можно говорить лишь о курсе на формирование модели социального государства.

Что касается публичных расходов на СЗ в соотношении с общим объемом этих расходов, то к характерным для типов социальных режимов Эспинга-Андерсена (около 40% и выше) приближаются лишь Словения, Словакия, Белоруссия, Болгария и Сербия. На уровне Швеции (социально-демократическая модель) находится Польша, а превышает его лишь Украина. Данные о расходах на рис. 15 включают все государственные страховые и нестраховые схемы СЗ: программы, соответствующие Конвенции МОТ о минимальных нормах социального обеспечения № 102,

201. WHO Global Health Observatory data repository, apps.who.int/gho/data/node.main.GHEDCHEpcUSSHA2011?lang=en.

202. Рассчитано по данным data.uis.unesco.org.

программы материальной помощи бедным, включая адресные денежные пособия, а также пособия на жилье, где они существуют. Крайне низок (менее 25%) этот показатель во всех рассматриваемых здесь странах ЦА, Восточной и Юго-Восточной Азии, а также в Грузии и Азербайджане, тогда как в большинстве стран ЦЮВЕ и Балтии он выше – от 30 до 40%.

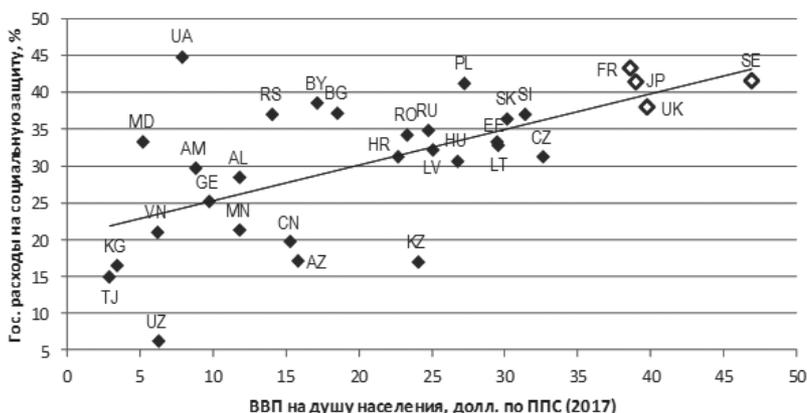

Рис. 15. Совокупные публичные расходы на социальную защиту (в % к расходам консолидированных публичных финансов)
 Источник: WHO Global Health Expenditure Database.

Формирование пропорций финансирования СЗ за счет публичных источников во многом объясняется избранными в той или иной стране приоритетами проводимой государством СП (рис. 16). При этом высокий уровень расходов на СЗ в соотношении с ВВП во многом связан с сохранением универсальных социальных программ даже в странах с невысоким уровнем экономического развития и нередко объясняется необходимостью решения конкретных социально-экономических задач. Так, например, Монголия тратит значительно больше, чем в среднем по региону, реализуя программу универсального детского пособия. Во всех остальных странах в структуре расходов на соцзащиту (в соотношении с ВВП) абсолютно преобладают расходы на пенсионное обеспечение и другие формы социальной помощи пожи-

лону населению. Максимального уровня они достигают на Украине, а также в Сербии и Словении, где они сопоставимы (выше 12% ВВП) с уровнем таких стран, как Австрия, Франция или Финляндия. Близки к пропорциям, сложившимся в таких странах, как Германия, Дания, Швеция (от 8 до 12% ВВП), и многие страны – новые члены ЕС – Венгрия, Польша, Хорватия, Болгария, Чехия, Румыния, а также Россия, Белоруссия и Киргизия.

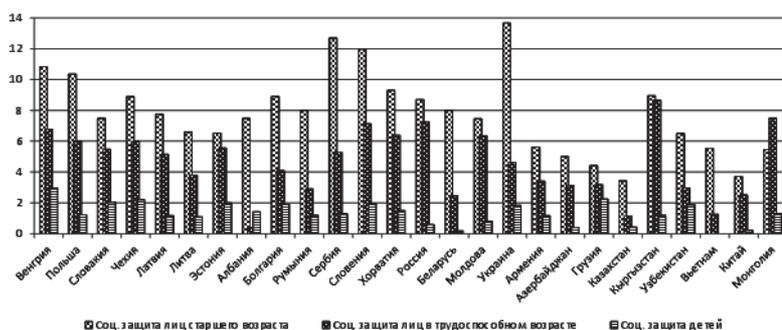

Рис. 16. Структура государственных расходов на СЗ по группам населения (без учета расходов на здравоохранение), % ВВП
 Источник: World Social Protection Report 2017–2019. ILO, 2017.

Относительно ниже (от 6 до 8% ВВП) пропорции финансирования пенсионеров в странах Балтии, Словакии, Албании, Молдавии и Узбекистане. В странах Закавказья, Монголии, Вьетнаме, Казахстане и Китае доли такого финансирования крайне невысоки (ниже 6% ВВП).

В отличие от большинства развитых стран Европы, во многих из которых доля социального обеспечения трудоспособного населения (включающего пособия по безработице, расходы на активные программы на рынке труда, пособия по болезни, по инвалидности, в связи с травматизмом на производстве, по беременности и родам и др.) сопоставима или даже выше, чем доля поддержки пожилого населения, в постсоциалистических странах она в целом невысока. Среди них выделяются лишь Киргизия и Монголия, а также Россия

и Словения, где этот показатель составляет от 7 до 9% ВВП (для сравнения, например, в Германии – 8%, во Франции – 10%, в Финляндии – 14% ВВП). В остальных странах доля этих расходов в ВВП существенно ниже, и в большинстве стран ЦЮВЕ находится на уровне 5–6%, тогда как в большинстве остальных стран она составляет от 1 до 4% ВВП. К последней категории, помимо стран Закавказья, Центральной и Юго-Восточной Азии, из рассматриваемой выборки относятся также Литва, Румыния и Белоруссия.

Как можно видеть, во всех транзитных странах в наименьшей степени финансируются нужды семейной политики. Затраты, ориентированные на защиту детства, относительно более значимы в ряде стран – новых членов ЕС (Венгрии, Чехии, Словакии, Эстонии, Словении, Болгарии), где они сопоставимы с уровнем многих развитых европейских стран и составляют 2–3% ВВП, тогда как в остальных странах они значительно ниже.

Охват населения программами социальной защиты

Важной характеристикой степени социальной ориентированности государственных расходов являются такие параметры СП, как закрепленные за гражданами права на их получение, а также единичные величины выплат. Более высокий уровень социальных расходов означает более широкие социальные права и более высокие уровни начисленных пособий²⁰³. Вместе с тем связь между предоставленными правами на получение социальной помощи и уровнями соответствующих выплат имеет двойственный характер. Так, расширение прав на получение пособий подразумевает снижение их уровня, и, наоборот, сужение круга лиц, имеющих право на пособия, позволяет повысить их величину²⁰⁴.

203. См.: *van Oorschot W. Comparative welfare state analysis with survey-based benefit reciprocity data: the 'dependent variable problem' revisited // European Journal of Social Security, 2013. Vol. 15. No. 3. Pp. 224–249.*

204. *Otto A. Op. cit.*

Эта закономерность ярко проявляется во многих транзитных постсоциалистических странах, когда нормы социального государства, закрепленные конституционно, остаются лишь декларациями и не реализуются в полной мере на практике. Речь идет прежде всего о распространенном в странах бывшего СССР явлении нефинансируемых социальных мандатов, связанным с узкими возможностями финансирования законодательно закрепленных социальных обязательств государства.

По данным МОТ²⁰⁵, транзитные страны в целом демонстрируют довольно дифференцированный уровень охвата населения стандартными социальными программами (табл. 8). Самые высокие показатели охвата программами социальной защиты характерны для стран – новых членов ЕС. Это относится как к населению в целом, так и к отдельным его категориям (пожилым, инвалидам и пр.), которые в этих странах полностью охвачены соответствующими программами. В свою очередь, в странах Западных Балкан охват, например, пожилого населения пенсиями по старости заметно ниже, а в Боснии и Сербии не достигает и половины численности пожилого населения. В странах бывшего СССР охват населения социальным обеспечением несколько выше, однако далеко не во всех из этих стран сохранился широкий набор таких программ. Так, например, Грузия обеспечивает высокий охват пожилого населения пенсионными выплатами в силу сохранения универсальной минимальной пенсии по старости, поддержание которой съедает более половины ее расходов на СЗ. Обращает на себя внимание сохранение во многих из рассматриваемых стран широких программ защиты материнства и детства. Так, во всех странах действует оплачиваемый отпуск по беременности и родам продолжительностью от 14 недель в Китае до 58 в Болгарии, причем в абсолютном большинстве случаев размер выплачиваемых пособий составляет 100% средней заработной платы.

205. World Social Protection Report 2017-19. ILO, 2017.

Важным показателем оценки степени социальной ориентированности социальных программ является охват ими социально-уязвимых групп, в конечном итоге показывающий степень адресности социальных расходов. Как видно из табл. 8, относительно более высокую степень адресности демонстрируют страны ЦВЕ, среди которых выделяются страны Балтии, Словакия, Румыния и Словения. Из остальных стран, по которым имеются данные, можно отметить крайне невысокие показатели охвата социально-уязвимых групп в странах Закавказья, так же, как и в Юго-Восточной Азии.

Таблица 8. Степень эффективного охвата групп населения мерами социальной защиты, в % от численности соответствующей группы (2014–2015)

Страна	Население в целом (как минимум, одна из программ)*	Пособие на детей	Пособие по беременности и родам	Пособие по инвалидности	Пособие по безработице	Пенсия по возрасту, %	Поддержка социально уязвимых групп**
Венгрия	86,2	100,0	100,0	100,0	17,4	100,0	56,0
Польша	84,9	100,0	100,0	100,0	15,5	100,0	52,0
Словакия	92,1	100,0	100,0	100,0	9,8	100,0	70,0
Чехия	88,8	...	100,0	100,0	36,0	100,0	32,0
Латвия	96,5	100,0	100,0	100,0	33,3	100,0	85,0
Литва	92,7	...	100,0	100,0	26,0	100,0	51,3
Эстония	98,4	100,0	100,0	100,0	41,5	100,0	91,7
Албания	6,9	77,0	...
Болгария	88,3	48,6	100,0	100,0	29,6	100,0	28,8
БиГ	29,6	...
Румыния	95,0	100,0	100,0	100,0	23,0	100,0	82,6
Сев. Македония	11,5	71,4	...
Сербия	8,8	46,1	...
Словения	100,0	79,4	96,0	100,0	26,2	100,0	100,0
Хорватия	100,0	..	20,0	57,6	...
Черногория	35,6	52,3	...
Россия	90,4	100,0	69,0	100,0	68,2	91,2	54,5
Белоруссия	44,6	100,0	...

Окончание табл. 8

Молдавия	10,5	75,2	...
Украина	100,0	...	21,9	91,9	...
Армения	47,3	21,4	61,0	100,0	...	68,5	16,2
Азербайджан	40,3	...	14,0	100,0	1,6	81,1	12,6
Грузия	28,6	...	24,0	100,0	...	91,9	12,0
Казахстан	100,0	100,0	44,6	100,0	5,8	82,6	100,0
Киргизия	...	17,8	23,8	75,9	1,7	100,0	...
Таджикистан	...	6,4	59,5	...	17,3	92,8	...
Узбекистан	98,1	...
Вьетнам	37,9	...	44,5	9,7	45,0	39,9	10,0
Китай	63,0	2,2	15,1	...	18,8	100,0	27,1
Монголия	72,4	100,0	100,0	100,0	31,0	100,0	35,1

* Доля населения, охваченного по меньшей мере одной из программ соцзащиты или социальной помощи, или делающего регулярные взносы. как минимум, в одну из программ социального страхования.

** Отношение числа получающих пособия (социальную помощь) к численности социально уязвимых групп населения. Последняя рассчитывается как разность между общей численностью населения и численностью населения в трудоспособном возрасте, делающего взносы в программы социального страхования (или получающего выплаты из таких программ), а также населения в пенсионном возрасте, получающего пенсии, начисленные на основе взносов в пенсионные программы.

Источник: составлено по данным World Social Protection Report 2017–2019. ILO, 2017. www.social-protection.org/gimi/gess/RessourceDownload.action?ressource.ressourceId=54610.

База данных Всемирного банка²⁰⁶ позволяет оценить охват программами социальной помощи и социального страхования как населения в целом, так и его беднейших 20% (рис.17). Охват населения в целом в странах ЦВЕ колеблется от 64% в Польше до почти 90% в Венгрии; в эту же группу попадают Россия и Белоруссия – выше 75%, а также Украина – 70%; в странах Закавказья он составляет около 65%, примерно на таком же уровне он находится в Китае, тогда как в Сербии, Черногории, Албании и Боснии он несколько ниже – от 60 до 50%. В странах ЦА он колеблется от 58% в Киргизии до 40% в Таджикистане, а самый низкий

206. ASPIRE: The Atlas of Social Protection – Indicators of Resilience and Equity. pubdocs.worldbank.org/en/628341517270780969/Table1-Key-ASPIRE-Indicators.xlsx.

уровень из транзитных стран, по которым имеются данные, отмечается во Вьетнаме, – 35%.

Во всех странах, по которым имеются данные, охват бедного населения социальными программами выше, чем населения в целом. Однако это превышение не позволяет говорить о серьезной адресной ориентированности социальных программ, поскольку даже в беднейших транзитных странах оно невелико и не превышает 5–6 процентных пунктов. Из стран, где это превышение более выражено, можно отметить Вьетнам (почти 20 п.п.), Черногорию (15 п.п.), Болгарию, Грузию и Польшу (13–14 п.п.) (рис. 17).

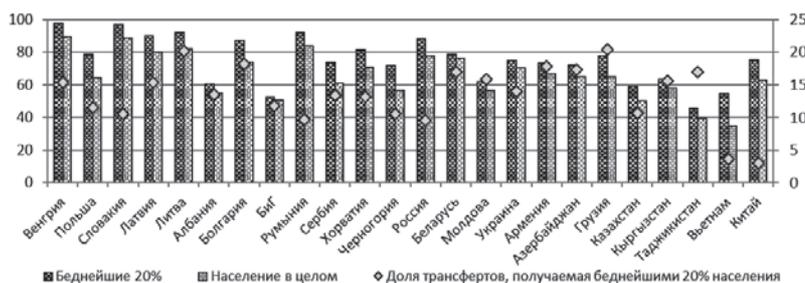

Рис. 17. Охват населения программами СЗ, %

Источник: ASPIRE: The Atlas of Social Protection – Indicators of Resilience and Equity. pubdocs.worldbank.org/en/628341517270780969/Table1-Key-ASPIRE-Indicators.xlsx.

Формирование моделей социальной политики в транзитных странах, реализующих системную трансформацию и одновременно обеспечивающих построение государства благосостояния, пока еще далеко от завершения. Такие модели в этих странах пока не приобрели устойчивых форм, а формирование эффективной модели СП, ориентированной на развитие человеческого капитала, остается пока задачей на перспективу. Сегодня скорее можно говорить о преобладающих тенденциях в тяготении отдельных стран/групп стран к той или иной модели, например в отношении стран ЦЮВЕ – о следовании той или иной европейской типологической модели под влиянием европейской интеграции.

Таким образом, в процессе системной трансформации произошла заметная дивергенция социальных моделей пост-социалистических стран. Это относится как к странам ЦЮВЕ, так и к странам бывшего СССР. Линиями расхождения траекторий СП естественным образом стали *возможности государства* обеспечить тот или иной объем социальной защиты населения и выделить ресурсы на развитие человеческого капитала. Однако по объему социальной нагрузки, выражающейся, например, в соотношении направляемых на эти цели средств с размером ВВП, страны существенно отличаются друг от друга, причем большая социальная ориентация не обязательно обусловлена более высоким уровнем развития страны.

Другая линия расхождения траекторий развития этих моделей связана с тем, что объем и структура использования средств социальных бюджетов подчинены избранным в каждой стране *приоритетам СП*, а также сложившемуся (или лишь формирующемуся) общественному консенсусу относительно ключевых задач СП. Во всех странах повышение адресности социальной помощи является прямым приоритетом СП.

Важным фактором дивергенции в сфере социального обеспечения стала и разная степень ориентации на *либеральную модель СП*, предполагающую минимальные социальные обязательства государства, с характерным для нее сокращением роли государства в СЗ населения, бесплатного образования, медицинского обслуживания и др. В результате в ряде стран, особенно с ограниченными ресурсами, было значительно сокращено количество универсальных программ, ориентированных на широкие слои населения. Тем не менее, несмотря на либеральный характер экономических реформ, в большинстве стран ЦЮВЕ, так же, как и в ряде стран бывшего СССР, сохранилась в целом высокая степень охвата населения программами СЗ. Однако за относительными показателями уровня социальных расходов, как правило, стоят низкие абсолютные объемы подушевого выделения средств на СЗ, в большинстве случаев соответствующие уровню экономического развития транзитных стран.

Несмотря на изначальную ориентацию социально-экономической политики преимущественно на либеральные принципы, во многих рассматриваемых странах в последнее десятилетие заметно возрастает роль государства в процессах распределения. Эти процессы ярко проявились и в странах бывшего СССР, и в странах ЦЮВЕ. Одним из стимулов этого процесса в последних стало расширение социальной компоненты в бюджетах практически всех стран региона, особенно в связи с курсом на широкое использование потребления как фактора экономического роста. В некоторых странах эти процессы сопровождались выраженным популистским поворотом в политике и экономике. Эти тенденции отразили бытующие в странах установки значительной части населения, рассматривающего в качестве главного субъекта в разрешении своих социально-экономических проблем государство.

В то же время насущной задачей остается формирование таких моделей СП, которые были бы устойчиво ориентированы на развитие человеческого капитала не только для улучшения социальной ситуации, но и как важного источника экономического роста в долгосрочной перспективе. Для достижения этого потребуется увеличение бюджетных расходов на социальную сферу, главным образом в повышение эффективности систем здравоохранения и образования. Таким образом, в формирующихся моделях СП повышение доли социальных расходов является необходимым шагом, но без повышения эффективности использования выделяемых средств эти меры могут оказаться малоэффективными.

Анализируя модели СП, нельзя не упомянуть о неизбежном воздействии на нее пандемии COVID-19. Вызванный ею кризис уникален, поскольку вызван не внутренними структурными дисбалансами или сбоями и ошибками в управлении в отдельных странах, а сознательными действиями национальных правительств по контролируемому ограничению экономической активности, чтобы снизить распространение вируса. Таким образом, в определенной мере кризис имеет универсальный характер, т.е. касается всех стран и проявляется в каждой из них в сокращении спроса и предложе-

ния (хотя масштабы этого сокращения сильно различаются от страны к стране). Это обстоятельство предполагает, что и реакция на кризис, меры по противодействию также являются универсальными – обеспечение поддержки населения и пострадавших от кризиса секторов экономики. С другой стороны, происходящие под влиянием кризиса изменения, очевидно, заданы теми тенденциями, которые уже развивались, хотя, может быть, и не проявлялись в открытой форме. И в этом плане в наметившихся изменениях социальной ориентированности моделей экономики пандемический кризис играет роль катализатора давно назревших процессов, триггера предстоящих изменений.

В настоящее время трудно прогнозировать глубину и масштабы изменений, которым подвергнутся модели социальной политики в отдельных транзитных странах. Во многом это будет зависеть от величины экономического спада и способности экономик каждой из стран его преодолеть. У многих из рассматриваемых в настоящей главе стран нет ни достаточных ресурсов, ни подушек безопасности для преодоления потерь, которые понесли их домохозяйства, малый бизнес и даже крупные компании. В результате снижения экономической активности, а также объявленных экстренных мер в виде отложенных налоговых платежей (налоговых каникул) неизбежно снижение налоговых поступлений в бюджеты разных уровней, что неминуемо вызовет сокращение объемов средств, которые можно привлечь как в рамках бюджетного финансирования, так и в рамках систем социального страхования. Однако речь идет не только о нарастающем дефиците ресурсов, но и об отсутствии институционально оформленных инструментов, необходимых, как мы пытались показать выше, чтобы эффективно довести имеющиеся ресурсы поддержки до тех, кто в ней нуждается. В этом смысле ключевым вопросом для многих стран является повышение эффективности государственных социальных расходов, а также выбор приоритетных направлений расходования средств, которые способны обеспечить наибольшую отдачу.

Пандемический кризис 2020 г. стал своеобразным тестом способности действующих институтов социального государства и инструментов СЗ ответить на вызовы резкого увеличения спроса на медицинские услуги и противостоять негативным социальным последствиям периода вынужденного снижения экономической активности вследствие введения карантинных мер. Как на этапе развития кризиса, так и, очевидно, на всем протяжении выхода из него роль государства в преодолении его негативных социальных последствий и корректировки сложившихся направлений перераспределения средств на социальные цели будет возрастать. Это связано в первую очередь с тем, что в условиях ужесточения бюджетных ограничений большинство транзитных стран, располагающих ограниченными ресурсами, вынуждены будут адаптировать свои сложившиеся системы СЗ к возросшему объему социальных потребностей, в том числе за счет пересмотра отдельных направлений финансирования и их корректировки, а также выбора приоритетных его направлений, например мер помощи семьям с детьми или введения какого-либо типа пособия по нуждаемости. В силу относительной простоты организации в современных условиях пандемии среди направлений помощи во многих странах преобладают именно меры помощи семьям с детьми.

Не исключено, что сложившиеся в странах системы социальных выплат могут быть скорректированы в сторону их упрощения/усложнения, что будет определяться объемом потребностей в социальной помощи и, в конечном итоге, государственными приоритетами СП. Среди таких приоритетов – экстренные меры антикризисных пакетов, ориентированные на компенсацию утраченного дохода, например рост расходов на выплату пособий по безработице, в том числе в связи с пересмотром размера пособия, и т.д. В результате в процессе преодоления последствий кризиса, очевидно, изменятся объемы (и соотношения) формирования средств на социальные нужды (как на социальную защиту, так и на социальное страхование и социальное обслуживание – предоставление общественных благ).

Влияние пандемии на модели финансирования социальных нужд в странах переходной экономики вероятнее всего проявится и в изменении пропорций между разными статьями этих расходов, в том числе между расходами на социальные выплаты и на социальные услуги — образование, здравоохранение, социальную помощь в натуральном выражении (уход за детьми и пожилыми). При этом, очевидно, изменятся пропорции финансирования социальных нужд и возрастут объемы финансирования здравоохранения и доля государственного участия в этом финансировании, прежде всего за счет прямого бюджетного финансирования возрастающей доли расходов. Одновременно в ряде стран с незавершенными реформами социального страхования снижение доходов внебюджетных фондов в результате сокращения объемов страховых взносов приведет, по всей вероятности, к расширению бюджетного участия в финансировании страховых социальных мандатов.

В целом же пандемический кризис заметно усложняет решение стоящих перед формирующимися в транзитных странах моделями СП. На фоне кризиса задача повышения объема социальных расходов и их эффективности становится еще более актуальной, и решать ее придется в условиях снижения финансового потенциала СП на фоне роста объема социальных потребностей. Одновременно в обозримый период времени во многих, особенно более бедных, транзитных странах неизбежно повышение доли экстренных антикризисных социальных мероприятий. Конечно, в различных странах эти процессы будут протекать с различной степенью интенсивности, что будет дополнительно стимулировать повышение дифференциации формирующихся моделей СП, сформирует новые разделительные линии в формировании моделей финансирования социальных нужд в странах переходной экономики. Эти процессы, в свою очередь, закладывают дополнительные риски нарастания дифференциации уровня и качества жизни, развития человеческого и социального капитала между странами, пережившими процесс системной трансформации.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ СТРАН-УЧАСТНИЦ

При разработке интеграционного проекта важно учитывать социально-экономическую и культурную специфику заинтересованных в нем стран, а также оценить, как данный проект увязан с моделями развития, сложившимися в каждой из стран – участниц. Опыт ЕС показывает, что на начальном этапе формирования европейской интеграции последняя рассматривалась как один из инструментов достижения целей национального развития стран – основателей. По мере углубления интеграционного процесса он превращался в главную цель развития стран-участниц. Для стран ЦВЕ вступление в Евросоюз создавало рамочные условия для догоняющего развития, но ценой утраты значительной части национального экономического суверенитета²⁰⁷. Национальные идеи развития в этих условиях растворялись в идеях расширения и углубления евроинтеграции. Сегодня, когда достигнута высокая централизация управленческих решений на наднациональном уровне, в ряде стран ЕС возникли опасения по поводу своей идентичности, что в концентрированном виде выразилось в выходе Великобритании из самого успешного в мировой практике интеграционного проекта.

207. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. Научные доклады Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН. 2014. С. 7–14.

ЕАЭС находится на начальном этапе своего развития. Для стран-учредителей евразийская интеграция сегодня — это способ укрепления национального экономического суверенитета, создание дополнительных возможностей для развития. Это вытекает из целей Союза, записанных в официальных документах: создание условий для развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня населения, стремление к формированию единых рынков в рамках Союза, всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик. Эти отличия ЕАЭС от ЕС обусловлены безусловным экономическим доминированием России и приоритетом национальных интересов стран-участниц.

Россия и ее экономическая модель

Население России в 4 раза больше, чем суммарное население остальных членов Союза. По ВВП ее превосходство составляет около 7 раз (табл. 9). Это предопределяет важность российского рынка для сбыта товаров и услуг стран-партнеров. Одновременно Россия является для них главным поставщиком критически важных товаров.

Россия значительно лучше выглядит среди других стран ЕАЭС по большинству макроэкономических показателей на душу населения (табл. 10). Это позволяет ей оказывать финансовую помощь нуждающимся странам на двусторонней основе и через финансовые организации ЕАЭС, быть для ряда из них главным инвестором в экономику, помогать в подготовке кадров, оказывать финансовые, информационные и инжиниринговые услуги.

В силу своих размеров Россия является стержнем евразийского интеграционного процесса. Ход интеграционного процесса определяется системой двусторонних связей России. Взаимные связи других стран-участниц в целом незначительны. Но при этом именно через Россию осуществляется их большая часть. Транспортная сеть России обеспечивает не только взаимные связи стран ЕАЭС, но и их связи с внешним миром.

Таблица 9. Доля стран в общем потенциале ЕАЭС в 2018 г., %

Показатели	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Россия	Всего
Население	1,6	5,1	10,0	3,5	79,8	100,0
Занятое население	1,1	5,5	9,7	2,6	81,1	100,0
ВВП в текущих ценах	0,6	3,2	9,0	0,4	86,8	100,0
Промышленное производство	0,3	4,3	6,4	0,3	88,7	100,0
Производство электроэнергии	0,6	2,7	8,3	1,2	87,2	100,0
Сельскохозяйственное производство	1,8	8,6	11,7	2,7	75,2	100,0
Инвестиции в основной капитал	0,3	3,7	9,9	0,7	85,4	100,0
Экспорт товаров	0,4	6,2	11,1	0,3	82,0	100,0
Импорт товаров	1,6	11,9	10,3	1,6	74,6	100,0

Источник: Евразийская экономическая комиссия. Статистика ЕАЭС. www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx.

Таблица 10. Показатели макроэкономики стран ЕАЭС на душу населения, 2018 г.

Показатели	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Россия
ВВП по ППС, долл.	9178	17742	24738	3447	24791
Инвестиции в основной капитал, долл.	304	1294	1763	344	1917
Экспорт товаров, долл.	813	3579	3322	288	3077
Покрытие импорта экспортом, %	48,4	88,2	183,3	34,7	187,8
Зарплата, долл.	358	476	472	239	699
Безработица, %	17,8	5,6	4,9	6,9	5,2
Уровень бедности, %	25,7	5,9	2,6	25,6	13,2
Число МСП на 1000 жителей	11,7	11,4	11,5	2,2	18,7
Сальдо трансграничных переводов физических лиц, долл.	202	32	-173	335	-173
Внешний госдолг, дол	1853	1991	819	639	339
Доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли, %	28,3	50,9	20,4	35,0	8,2

Источник: Евразийская экономическая комиссия. Статистика ЕАЭС. www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx.

Для экономического развития стран ЕАЭС был важен характер рыночной трансформации в России и создаваемая ею модель экономического развития. Россия, как известно, осуществила шоковый вариант рыночной трансформации, одновременно широко открыв свой рынок для зарубежных товаропроизводителей. До конца 1990-х годов в стране преобладали идеи интеграции в западный мир на основе либеральной доктрины. Рыночный транзит обернулся вымыванием из экономики наиболее технологичных отраслей, усилив ее топливно-сырьевой характер. Модель российской экономики в условиях децентрализации управления и либерализации внешней торговли определяла обмен нефти и газа на потребительские и инвестиционные товары. В этом отношении экономика России схожа с экономиками Азербайджана, Казахстана и Туркменистана. При этой модели резко сократился спрос на товары из бывших союзных республик.

Несостоятельность идеи равноправия России в западном мире была осознана в конце 1990-х годов. Ограниченность сырьевой модели вскрыл кризис 2008–2009 гг. и последовавшая после переворота на Украине санкционная война с Западом. Прозекспортный, за счет топлива и сырья, характер экономики был дополнен программой импортозамещения, которая начала осуществляться с середины 2000 годов. Политика импортозамещения фактически смыкалась с политикой диверсификации экономики²⁰⁸.

С начала 2000-х годов в России стали восстанавливаться «вертикаль власти», формироваться крупные компании с государственным участием, рассматриваемые как «институты развития», создаваться свободные экономические зоны разного типа. Иными словами, экономическая система страны стала дрейфовать в направлении китайской модели государственного капитализма и обретать гибридный характер.

208. Вардомский Л.Б., Тураева М.О. Евразийская интеграция как отражение национальных особенностей экономического развития стран-участниц // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2019. №9. С. 12–22.

Однако структурное и технологическое развитие после 2009 г. осуществлялось в основном на свои, «дорогие» деньги. Это вызывает стремление бизнеса экономить на зарплатах, ограничивает его инвестиционную активность в обрабатывающих отраслях, но, с другой стороны, сырьевые компании при поддержке государства вкладывают огромные средства в разведку и освоение природных ресурсов. Санкции сильно ограничили доступ к западным финансовым ресурсам и технологиям, что замедлило развитие страны и усилило ее зависимость от цен на топливо и сырье. Политика импортозамещения в санкционных условиях обрела особую энергетику в аграрной, транспортной и военно-промышленной сферах. Тем не менее «сырьевое проклятие» в сочетании с санкциями затягивает страну в «ловушку среднего дохода», что отражают низкие темпы развития, стабилизацию или снижение доходов населения.

В сложившихся условиях Россия проводит политику наращивания торговых связей с КНР, в частности в рамках китайского мегапроекта «Пояс и путь», и другими странами Азии, концептуальной основой которого стала идея «Большого евразийского партнерства». Сложность для ее реализации создают дефицит капиталов, технологий и традиции «опоры на собственные силы» развития, поддерживаемые геополитическим противоборством с Западом.

Важное место в политике параллельного развития внутреннего рынка, в частности через национальные проекты, и диверсификации экспорта по товарам и направлениям занимает проект ЕАЭС. Импортозамещение в России и других странах ЕАЭС осуществляется с прицелом экспорта новых товаров и услуг на внешние рынки, и в этом смысле евразийская интеграция выступает важным фактором диверсификации экспорта. Однако «налоговый маневр», политика импортозамещения и геополитизация экономического развития, отражающие специфику современной модели экономического развития России, действуют не в русле интеграционных процессов. Также сдерживают интеграцию ограниченные технологические возможности России.

В институциональном плане модель России лучше всего сопрягается с моделью Казахстана, но в структурно-ресурсном плане они в целом однотипны, что сдерживает развитие взаимных связей. Ситуация с РБ иная: структурно-ресурсно экономики стран хорошо дополняют друг друга, что отражают объемы взаимных торговых и инвестиционных связей, но институционально — довольно сильно различаются. Это приводит к тому, что интенсивные и разнообразные взаимные экономические связи сочетаются с периодически возникающими ценовыми и торговыми конфликтами.

Российская модель неплохо сочетается с трудоэкспортной моделью Киргизии и с моделью Армении. Приток внешних трудовых мигрантов из этих и других постсоветских государств позволяет покрыть дефицит рабочей силы, возникающий в Москве и других крупных городах, и действует в направлении сдерживания роста зарплат. Россия закрывает их потребности в критических товарах, но трансфер новых технологий от нее к данным странам в целом невелик.

Интересы стран — участниц в евразийской интеграции

Важным отличием ЕАЭС от ЕС являются несовпадающие задачи национального развития стран-участниц. Россия стремится укрепиться в статусе великой мировой державы, а ее партнеры стремятся сохранить суверенитет и обеспечить устойчивое развитие своих этносов. Резкое преобладание российского рынка и российской экономики в ЕАЭС заставляют страны с небольшими экономиками думать о сохранении экономического суверенитета, который выражается через политику многовекторности внешнеэкономических связей. Большие проблемы для стран-участниц создает «постсоветский синдром» — боязнь разрушительных для национальной экономики последствий взаимозависимости, с которыми столкнулись страны в результате распада СССР. Все это вместе с различиями по макроэкономиче-

ским параметрам продуцирует в странах разные интересы и ожидания от евразийской интеграции.

Армения. Среди рассматриваемых стран это — самая маленькая по численности населения, невысокие доходы которого предопределяет малую емкость внутреннего рынка. При этом по географическому положению и геополитическим причинам страна несет высокие транспортно-логистические издержки при осуществлении внешнеторговых связей, что понижает производительность экономики и доходы бюджета. Важным фактором, сдерживающим экономическое развитие, являются также большие расходы на оборону.

В то же время многочисленная армянская диаспора во многих странах мира оказывает поддержку своей исторической родине и выступает важным фактором ее развития. Важным ресурсом развития страны выступает довольно высокий уровень социального капитала, но который находит применение по большей части вне страны.

Главная задача армянского государства и многочисленной диаспоры — сохранение субъектности национального государства, то есть суверенность при принятии принципиальных решений, что рассматривается как неоспоримая ценность для абсолютного большинства армян всего мира, гарантом их единения²⁰⁹. В связи с этим ведущей миссией армянского государства стала реализация стратегии «Единый разделенный народ», в рамках которой действуют механизмы его взаимодействия с диаспорой.

Развитие Армении после обретения независимости шло, с одной стороны, опираясь на предпринимательскую активность населения страны и диаспоры, а с другой, по сценарию «форпост России»²¹⁰.

Сложившаяся к 2009 г. модель экономического роста, построенная на внутреннем потреблении, оказалась весьма чувствительной к внешним финансовым шокам. Резкое сокра-

209 Ахинов Г.А. Армения в условиях неопределенности. Россия в глобальной политике №4, 2004.

210. Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Ильина М.Ю. Экономика Армении: идеи, модели и результаты. Научные доклады Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН. 2016.

щение притока внешних капиталов, прежде всего из России, и удорожание внешних заимствований сильно ударило по внутреннему спросу.

В период 2010–2019 гг. модель развития была подкорректирована за счет усиления экспортной направленности ряда секторов армянской экономики: туризма, информационных технологий, транспорта и логистики, сельского хозяйства. Благодаря господдержке наиболее перспективных для экспорта секторов экономики существенно выросла степень покрытия импорта экспортом. Сокращение бедности, однако, сопровождалось ростом внешней задолженности. Независимо от используемой модели, счет текущих операции всегда имел отрицательное сальдо. Разница покрывается иностранной помощью, помощью диаспоры и переводами трудовых мигрантов. Возникающие в итоге экономические и социальные дисбалансы сильно влияют на социально-политическое состояние армянского общества, что создает дополнительные риски не только для иностранных инвесторов, но и для политической ситуации в стране.

Сильно выросшее влияние России руководство страны балансировало активизацией отношений с ЕС в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве от 1999 г., с 2004 г. политики европейского соседства и с 2009 г. — Восточного партнерства. В 2013 г. Армения собиралась подписать с ЕС соглашение об ассоциации и создании зоны свободной торговли, что было бы первым шагом к вступлению в ЕС. Но в 2014 г. руководство страны передумало и решило присоединиться к ЕАЭС, несмотря на неприятие этого проекта значительной частью населения. Этот выбор определялся прагматическими соображениями: обеспечение безопасности страны, возможность свободного доступа на рынок России, на которую в 2019 г. пришлось 28% ее экспорта, зависимостью от поставок российских энергоносителей и вооружений по преференциальным ценам, большой армянской диаспорой, свобода общения с которой является важным фактором социальной и экономической ста-

бильности Армении. Одновременно благодаря Соглашению о расширенном партнерстве, которое в 2019 г. вступило в силу, страна расширила экономические и гуманитарные отношения с ЕС. Сторонниками более тесных отношений с Западом выступает около половины граждан страны, преимущественно ее молодое поколение.

Белоруссия. В основе экономической модели РБ лежат тесные экономические связи с Россией, на которую приходится около половины внешнеторгового оборота страны — самая большая доля среди новых государств и примерно такая же часть иностранных инвестиций. В 1990-е годы Белоруссия стремилась продолжить развитие в рамках сложившейся в советское время модели «сборочного цеха» СССР. В связи с этим она поддерживала все постсоветские интеграционные процессы, в рамках которых предполагалось использовать унаследованный экономический потенциал. В конце 1990-х годов было создано Союзное государство Белоруссии и России. Интеграция обеспечивала доступ белорусской продукции на рынки России и других новых государств и доставку топлива, сырья и промежуточной продукции на преференциальных условиях. Во всех стратегиях развития РБ учитывается этот ключевой для экономического развития страны фактор.

В рамках Союзного государства и СНГ РБ создала в России и других странах разветвленную товаропроводящую сеть в виде магазинов, торговых домов, сборочных производств и соответствующей логистики. Республика Белоруссия хотела бы через интеграционные проекты сохранить открытый доступ на российский рынок своих товаров, расширить технологическую кооперацию, получать энергоресурсы по ценам ниже мировых, на уровне внутрироссийских, оказывать транзитные услуги для России и через нее и другим странам.

Но произошедшие в России, а также других странах СНГ, в результате рыночной трансформации и включения в мировую экономику структурные изменения вызвали падение спроса на многие виды продукции обрабатывающей промышленности при сохранении потребности белорусской

экономики на ввозимые из России товары. На макроэкономике РБ сильное влияние оказывает состояние российской экономики, которое, в свою очередь, в большой мере зависит от цен на углеводороды. В результате возникающих в связи с этим финансовых дисбалансов РБ при наиболее высокой экспортности экономики среди всех стран ЕАЭС имеет и наиболее высокую среди них внешнюю государственную задолженность (см. табл. 10).

В структурном плане драйвером сохранения экспортных объемов в РФ в период восстановительного роста стал продовольственный экспорт. Однако и он в силу проводимой в России политики импортозамещения быстро выбрал потенциал роста экспорта.

Из-за санкционного давления на Россию, энергетического поворота, вызывающего сокращение спроса на российские углеводороды, ограничиваются ее возможности предоставлять преференции. С другой стороны, белорусская оппозиция и страны Запада стремятся не допустить более глубокой интеграции Белоруссии с Россией, в рамках которой возможно сохранение преференций. Возникающие противоречия приводили в последние годы к постоянным торгово-экономическим конфликтам между странами. Иными словами, стремление РБ сохранить свой суверенитет в рамках действующей экономической модели сталкивается с желанием России получать за предоставляемые преференции большую политическую лояльность белорусского руководства. Кроме того, в этих конфликтах просматривается стремление крупных российских компаний вести с РБ дела на более выгодной для себя основе²¹¹.

В настоящее время руководство страны пытается переломить ситуацию путем ускоренной цифровизации экономики, развития логистики и модернизации энергетической базы путем строительства АЭС, углубления интеграционных

211. Шурубович А.В. Экономическое взаимодействие России и Белоруссии: интеграционные проекты и национальные интересы. Международные экономические и политические исследования. М: ИЭ РАН. 2018. С. 61–78.

процессов в рамках ЕАЭС, а также диверсификации внешних рынков. Главная задача, стоящая перед белорусским государством и обществом, заключается в повышении качества управления экономикой путем его децентрализации, приватизации госсобственности и широкого внедрения рыночных инструментов, реформы политической системы и повышения привлекательности для национальных и зарубежных инвесторов. На этой основе возможна технологическая и структурная модернизация белорусской экономики.

Казахстан. Развитие по модели «догоняющего развития» в условиях внутриконтинентального положения требует широкого включения РК в международное сотрудничество. Идея Евразийского экономического союза (ЕАЭС), предложенная в 1994 г., принадлежит, как известно, первому президенту Казахстана – Нурсултану Назарбаеву, который одновременно был последовательным противником «реинкарнации СССР».

Казахстан – один из главных партнеров России в ЕАЭС и СНГ. Совместными усилиями России и Казахстана в 2006 г. был создан Евразийский банк развития, финансирующий проекты в базовых отраслях промышленности и, инфраструктуре. Деятельность банка является одним из немногих примеров эффективного проекта евразийской интеграции на основе многостороннего сотрудничества. Казахстан рассматривает евразийскую интеграцию как инструмент свободного выхода на обширный рынок стран-партнеров и сообщения с мировым рынком через их транспортные коммуникации.

Экономика Казахстана – крупнейшая после России экономика ЕАЭС и

по структуре своей экономики и по ряду условий своего развития весьма похожа на Россию. Их взаимный товарооборот заметно меньше, чем у РФ и Белоруссии, хотя ВВП последней в 2 с лишним раза меньше, чем у Казахстана. Это обусловлено менее диверсифицированной экономикой Казахстана, преобладанием в его экспорте добывающих отраслей и про-

дуктов, представляющих собой нижние уровни технологического передела.

К моменту подписания Договора о создании ЕАЭС Казахстану, несмотря на устранение таможенных барьеров, не удалось существенно нарастить свой экспорт на рынок ЕАЭС из-за невысокого уровня конкурентоспособности и ограниченного ассортимента выпускаемой продукции. Эту ситуацию не удалось переломить и за 6 лет деятельности ЕАЭС. Так, в 2019 г. доля России во внешней торговле Казахстана товарами составила около 20%, в том числе в экспорте – 9,8%, в импорте – 37,3%. А отрицательное сальдо во взаимной торговле выросло за 2015–2019 гг. с 6 млрд до 8,6 млрд долл. Это можно объяснить не только более эффективно реализуемой в РФ политикой импортозамещения, но и недостаточной конкурентоспособностью казахстанских товаров, а также более высокими административными барьерами в РФ для импорта из стран ЕАЭС. В любом случае Казахстан становится для России важным рынком сбыта неэнергетических товаров.

В связи с этим в казахстанской экспертной среде распространено мнение о значительных потерях экономики страны от участия в евразийской интеграции²¹². Значительная часть казахстанского общества скептически относится к евразийской интеграции. Однако в перспективе в ходе развития сырьевого сектора в стране значимость рынка ЕАЭС для Казахстана будет возрастать.

Но еще важнее для РК возможность вывоза своих главных экспортных товаров на внешние рынки через транспортную сеть России. Более 90% экспорта казахстанской нефти идет по нефтепроводам Тенгиз – Астрахань – Новороссийск (КТК) и Атырау – Самара, а также по железным дорогам. КТК стал первым крупным проектом России, Казахстана и крупнейших ТНК, ведущих добычу нефти в прикаспий-

212. Мигранян А.А. Глава 8. Эффекты евразийской интеграции для Казахстана: pro et contra/ Евразийская интеграция в турбулентном мире. СПб.: Алетейя. 2019. С. 172–184.

ских районах Казахстана. С 2001 по 2018 г. его пропускная способность доведена 67 млн т в год. Пропускная способность нефтепровода Атырау – Самара после реконструкции достигла 30 млн т.

Способность российского транспорта вывести на зарубежные рынки большую часть казахстанского экспорта вносит решающий вклад в динамичное развитие этой внутриконтинентальной страны. Одновременно Россия довольно широко использует коммуникации Казахстана для сообщения с Китаем и странами Центральной Азии.

В целом взаимодополнение экономик Казахстана и России в наиболее высокой степени наблюдается в сырьевом секторе и обслуживающем его транспорте. Первостепенной задачей является наращивание производственной кооперации в обрабатывающих отраслях промышленности и сфере услуг.

В условиях внутриконтинентального положения важным фактором развития Казахстана выступают отношения с Китаем, для которого РК – это ворота в регион, богатая ресурсная база, объемный рынок, крупный торгово-инвестиционный партнер. Объявление лидером КНР старта интеграционной стратегии «Один пояс – один путь» было встречено в Казахстане весьма позитивно, и уже в конце 2015 г. главы Казахстана и Китая представили инициативу по сопряжению Экономического пояса Шелкового пути и новой экономической политики Казахстана «Нурлы Жол». Для Казахстана для решения своих стратегических задач в экономике важны отношения с ЕС, Турцией, США, Японией. Многовекторную внешнюю экономическую политику страна реализует параллельно с повышением инвестиционной привлекательности и либерализацией политической системы. Одним из проявлений этого стало открытие в 2018 г. Международного финансового Центра «Астана», который позиционируется как финансовый хаб для стран ЕАЭС, Центральной Азии, Кавказа, Ближнего Востока, Западного Китая, Монголии и Европы.

Киргизия. Если учесть, что главными экономическими партнерами страны являются Россия и Казахстан, то ее член-

ство в ЕАЭС выглядит вполне естественно. Этот выбор руководством страны был сделан в 2011 г., когда еще действовал Таможенный союз.

Сложившаяся в стране трудоресурсная модель экономики хорошо дополняет ресурсы экономики России и Казахстана. За несколько лет нахождения страны в составе ЕАЭС приток денежных переводов из РФ в Киргизию вырос с 1,6 млрд долл. до 2,6 млрд долл. в 2018 г. и 2,4 млрд долл. в 2019 г.

В то же время в экспорте Киргизии на долю стран ЕАЭС в 2019 г. пришлось около трети. Почти весь экспорт направлялся в РФ и Казахстан. Ведущим покупателем основного товара экспорта – золота является Великобритания, которая лидирует в списке покупателей киргизской продукции.

В импорте на долю ЕАЭС пришлось около 42%, большую часть которого составляют поставки из РФ и Казахстана. Но наиболее крупным поставщиком товаров на рынок страны является Китай – более 34%.

Характерная особенность киргизской модели развития – постоянный дефицит внутренних ресурсов для реализации программ по развитию тех или иных отраслей хозяйства. Он покрывается внешними заимствованиями, в результате которых у Киргизии образовался весомый внешний (государственный) долг. Основными кредиторами страны (по состоянию на конец июля 2019 г.) являются Китай (45,2%), Группа Всемирного банка (17,2%) и Азиатский банк развития (15%)²¹³, что также является особой институциональной характеристикой национальной модели развития страны.

В 2018 г. был создан Российско-киргизский фонд развития для поддержки малого бизнеса, но его деятельность пока малозаметна.

Китай стал главным кредитором страны и поставщиком потребительских и промышленных товаров. Но для

213. Структура государственного внешнего долга КР по состоянию на 30.07.2019 года – Новости – Министерство финансов Кыргызской Республики (minfin.kg/ru/novosti/mamlekettik-karyz/tyshky-karyz/struktura-gosudarstvennogo-vneshnego-dolga-kr-po-s5880).

республики также весьма существенной является поддержка России по поставкам нефтепродуктов, а также объем оказываемой безвозмездной помощи, в том числе для таможенного и пограничного контроля. Однако торговля со странами Союза растет пока медленнее, чем хотелось бы, из-за транспортно-логистических проблем и трудно меняющейся структуры экономики страны. Традиционные товары аграрного экспорта не могут дать существенный прирост киргизского экспорта в страны Союза.

Несмотря на то, что по некоторым показателям социального развития Киргизия подтянулась к странам — лидерам ЕАЭС, требуются усилия Союза по расширению поддержки системе образования, здравоохранения, кредитно-банковской системы и других отраслей экономики.

Евразийская модель интеграции — достижения и проблемные точки

Сложившаяся модель евразийской интеграции отражает в себе инерцию прошлого развития, большую специфику участвующих в ней государств и удаленность их всех (России в меньшей мере) от главных центров международной торговли, общее и различное в интересах в данном проекте.

В основе модели евразийской интеграции лежал опыт ЕС, однако в ходе ее институционального построения она сильно отошла от прототипа. В ней преобладает национальный уровень управления, необязательна унификация национальных институтов госуправления, она предполагает большое число изъятий из таможенных установлений и сохранение большого числа нетарифных ограничений для взаимной торговли, а также членство в ВТО стран ЕАЭС на разных условиях. Созданные институты интеграции, по существу, представляют собой баланс между объективной необходимостью и объективными же ограничениями для нее.

Становление евразийского интеграционного проекта происходило и происходит в неблагоприятных внешних условиях: раскол постсоветского пространства по интеграцион-

ным и внешнеполитическим приоритетам, геополитический конфликт России и Запада, неустойчивая динамика глобальной экономики, падение цен на углеводороды и, наконец, пандемия COVID-19, вызвавшая разрыв международных экономических и социальных связей. Все это затрудняет взаимопонимание между партнерами, ограничивает интеграционные инициативы, тормозит принятие решений.

Растущие риски от возрастающей неопределенности развития мировой экономики проявляются в противоречиях между странами вокруг традиционной проблемы: кто выиграл, а кто проиграл от интеграции. Конкретно же экономические противоречия стран-участниц обусловлены разными формами поддержки своих производителей, несопадающими интересами в вопросах защиты общего рынка, разными уровнями налогов и сборов, разным пониманием сути общего рынка и принципов ценообразования на нем, несогласованной валютно-курсовой политикой.

Деятельность ЕЭК по реализации евразийского интеграционного проекта в рассматриваемый период концентрировалась на устранении барьеров на пути взаимной торговли путем принятия Таможенного кодекса ЕАЭС²¹⁴, устранения нетарифных барьеров, перехода к единым техническим регламентам, расширения сферы использования во взаимных расчетах национальных валют²¹⁵. Однако устранение барьеров на пути взаимной торговли идет с трудом, устранение одних сопровождается появлением новых. Это отражает приоритетность для стран задач национального развития, которые слабо увязываются с интеграционным процессом.

Это наглядно отражает динамика взаимной торговли. По данным ЕЭК, бурный рост торговли, измеряемой суммарным взаимном экспортом 5 стран, после установления режима Таможенного союза с 50,1 млрд долл. в 2010 г. до 66,5 млрд долл. в 2011 г. в 2012 г. замедлился, а затем до 2016 г. сменился

214. Первая редакция ТС вступила в силу 1 января 2010 г., а новая версия – 1 января 2018 г.

215. Национальные валюты во взаимных расчетах в рамках ЕАЭС: препятствия и перспективы. Доклад №48. СПб: ЕАБР. Центр интеграционных исследований. 2018. С. 19.

ее сокращением²¹⁶. В 2017 г. объем взаимной торговли начал расти и в 2019 г. достиг 61 млрд долл.²¹⁷

В первом полугодии 2020 г. объем взаимной торговли составил 86% от объема за тот же период 2019 г. Основной причиной, вызвавшей такой значительный спад, стали введенные странами ограничения на взаимные коммуникации и резкое ухудшение экономической конъюнктуры, вызванные пандемией.

Сравнительно небольшие объемы взаимной торговли ЕАЭС обусловлены произошедшей в ходе рыночной и геополитической трансформаций примитивизацией производства, произошедшей в странах после распада СССР, и рыночной трансформацией, вызвавшими сжатие материальной базы взаимной торговли. Рост взаимных торговых потоков сдерживало также вступление России (2012 г.) и Казахстана (2015 г.) в ВТО на условиях, существенно понижавших изначально установленный внешний таможенный тариф, что повысило привлекательность на общем рынке ЕАЭС товаров, импортируемых из третьих стран. Взаимную торговлю в рамках ЕАЭС ограничивают и национальные административные (нетарифные) ограничения²¹⁸.

Трудности для евразийской интеграции создает сырьевая экспортная специализация таких стран, как Россия и Казахстан. В условиях неустойчивости мировой конъюнктуры и геополитической напряженности это сопряжено с немалыми рисками для всех стран – участниц в связи с перепадами в получаемых ими экспортных доходах. Другая область рисков для евразийской интеграции связана с тем что страны – члены ЕАЭС, производители топлива и сырья, а также их транзитеры на рынки третьих стран нередко

216. Речь идет о суммарном объеме взаимного экспорта пяти стран ЕАЭС.

217. Оценивая эту динамику, следует учитывать, что на стоимостной объем взаимной торговли ЕАЭС в текущих долларах сильное влияние оказывает динамика внешнеторговых цен и курсов национальных валют.

218. Едовина Т. Барьеры поддаются счету, но не устранению // Коммерсантъ. 2019. №72, 23 апреля. С. 2.

пытаются использовать свое монопольное положение для решения национальных финансовых проблем и геополитических задач. Решение возникающих проблем в рамках ЕАЭС видится не только в создании общих рынков, но и институтов, регулирующих права и обязанности экспортеров и импортеров энергоносителей, а также транзитных услуг.

К успехам ЕАЭС следует отнести сближение уровней развития и доходов населения стран-участниц за счет трудовых миграций и финансирования бизнес-проектов как из многосторонних, так и из двусторонних фондов их поддержки, созданных при участии России и Казахстана.

Модель ЕАЭС несет в себе как элементы рационального экономического поведения, так и несовпадения ценностных ориентиров стран-участниц. Это отражается в стремлении стран использовать в полной мере выгодные для себя регламенты ЕАЭС и максимально возможно уклониться от исполнения не выгодных для них интеграционных правил. Иными словами, национальные интересы преобладают над интеграционными²¹⁹.

Данные проблемы отражены в Докладе ЕЭК о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза. В документе обосновывается необходимость ускорения интеграционного процесса, поскольку прошедшие 5 лет с момента запуска проекта евразийской интеграции оказались не вполне удачными с точки зрения «темпов евразийской интеграции»²²⁰.

В «Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС» от 6 декабря 2018 г. ставится задача превращения ЕАЭС в один из наиболее значимых центров современного мира и одновременно расширения взаимовыгодного сотрудничества с третьими странами в рамках идеи «Большого Евразийского партнерства». В то же самое время

219. Вардомский Л.Б. Евразийская интеграция: некоторые итоги и возможные сценарии развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. №4. С. 6.

220. Доклад об основных направлениях интеграции в рамках Евразийского экономического союза. ЕЭК. 2018. С. 80.

в Декларации вполне отчетливо делается акцент на углубление евразийского интеграционного процесса путем повышения эффективности единого рынка ЕАЭС, ускоренного внедрения цифровых технологий, систем управления и финансирования совместных кооперационных проектов, ориентации интеграции на повышение качества жизни населения²²¹. Однако это потребует большей взаимоувязки национальных стратегий развития и корректировки национальных моделей развития с учетом интеграционного фактора.

До 2025 г. в ЕАЭС будут формироваться основные институты интеграции, причем до настоящего времени они развивались быстрее, чем реальное сотрудничество в виде совместных проектов и взаимных инвестиций. ЕАЭС в отличие от СНГ и СЭВ – открытое интеграционное образование и параллельно с развитием вглубь ориентируется и на развитие вширь. Причем обслуживание торговли с третьими странами и между третьими странами становится существенным фактором евразийской интеграции, учитывая ее положение между Европой и Китаем.

Важным фактором развития ЕАЭС становится китайский мегапроект «Пояс и путь». Однако его влияние может как сдерживать, так и стимулировать евразийский интеграционный процесс, в зависимости от внутренней и внешней конъюнктуры. В ЕЭК исходят из необходимости превращения ЕАЭС в центр трансрегионального проекта – «всеобъемлющего континентального партнерства»²²². Но при недостаточной динамике евразийского интеграционного процесса не исключен сценарий превращения Союза в часть китайского мегапроекта «Пояс и путь».

В целом ЕАЭС находится на начальной стадии жизненного цикла, совершая восхождение вверх по весьма пологой

221. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза. Санкт-Петербург, 6.12.2018 (docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018).

222. Доклад об основных направлениях интеграции в рамках Евразийского экономического союза. ЕЭК. 2018. С. 78.

траектории. Страны-участницы испытывают определенные трудности в формировании новой специализации в связи с установкой на укрепление национального экономического суверенитета и модернизации экономики преимущественно за счет технологий из третьих стран. Об этом, в частности, свидетельствуют сложности, возникшие при согласовании положений «Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» на Высшем евразийском экономическом совете в мае 2020 г.

Новые и неосмысленные пока риски для ЕАЭС создает пандемия COVID-19. Трансграничный карантин резко ослабил социальные взаимодействия стран ЕАЭС, которые играют важную роль в интеграционном процессе²²³. Карантинные ограничения взаимных транспортных связей ударил по трудовым миграциям и доходам широких слоев населения стран-участниц. В первом полугодии 2020 г. взаимные торговые связи сократились на 14%. На фоне ухудшения условий жизни усилились скептические настроения в отношении России и евразийской интеграции.

В этом контексте важны успехи России в социально-экономическом развитии, в борьбе с пандемией, ее готовность к технологической и институциональной модернизации. Большинство постсоветских стран стремятся к сотрудничеству с Россией, она им необходима с точки зрения их суверенного развития. Их естественное тяготение Россия не должна использовать преимущественно для своей пользы. Отношения в рамках упомянутых постсоветских интеграционных проектов должны быть направлены на сопряжение российских интересов и развития ее ближайших соседей. На мой взгляд, это одно из условий превращения ЕАЭС в центр Евразийского континентального партнерства на основе формирования общей идентичности, которая независимо от размеров и уровня развития стран-участниц позволила бы разви-

223. Вардомский А.Б., Соколова Т.В. Социальные детерминанты евразийской интеграции // Мир перемен. 2020. №1. С. 135–136.

вать интеграционные процессы более уверенно и динамично. В качестве основы новой идентичности возможно использовать представление о пространстве, занимаемом странами, как пространстве общего историко-географического и культурного наследия – «евразийская идентичность». Это представление может стать основой и для совместного развития некоторых важных для мира функций: трансматериковых коммуникаций, производства продовольствия и фармацевтики, развития космических и цифровых технологий и т.п.²²⁴

224. Вардомский Л.Б. Забытая интеграция: провал и уроки Совета экономической взаимопомощи // *Контурь глобальной трансформации*. 2020. №3. С. 191.

ЛИТЕРАТУРА

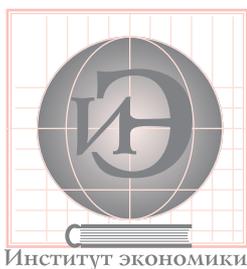
- Аносова Л.А. Китайская экономика сегодня: достижения и проблемы // Экономика и управление. 2017. №9 (143). С. 4–12
- Вардомский Л.Б. Евразийская интеграция: некоторые итоги и возможные сценарии развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. №4. С. 6.
- Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Ильина М.Ю. Экономика Армении: идеи, модели и результаты. Научные доклады Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН. 2016.
- Вардомский Л.Б., Соколова Т.В. Социальные детерминанты евразийской интеграции // Мир перемен. 2020. №1. С. 135–136.
- Вардомский Л.Б., Тураева М.О. Евразийская интеграция как отражение национальных особенностей экономического развития стран-участниц // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2019. №9. С. 12–22.
- Вардомский Л.Б., Тураева М.О. О специфике национальных моделей экономики в постсоветских странах // Государственная служба. 2020. №4 (126). С. 73–81.
- Вардомский Л.Б., Тураева М.О. Экономические модели постсоциалистического мира: особенности постсоветских государств // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2020. №7. С. 13–20.
- Глинкина С., Куликова Н. Евроинтеграционная модель постсоциалистической трансформации стран Центрально-Восточной Европы и их экономическая динамика // Российский экономический журнал. 2016. № 4. С. 39–40.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В. Заимствование рыночных институтов развитых стран: опыт Центрально-Восточной Европы // Современная Европа. 2015. № 4. С. 109.
- Глинкина С.П. Итоги трансформации, или К вопросу о разнообразии моделей капитализма. Серия «Доклады МАОН». М., 2016.

- Глинкина С.П. К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации: доклад. М.: ИЭ РАН, 2016.
- Глинкина С.П. Постсоциалистические трансформации в свете дискуссий о многообразии моделей капитализма // *Общественные науки и современность*. 2017. № 2. С. 5–20.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В. О модели капитализма в Центрально-Восточной Европе // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 3. 2018. С. 9–24.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. М.: ИЭ РАН, 2014.
- Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Традиционные и новые инструменты укрепления китайского присутствия в Центральной Азии // *Государственная служба*. 2018. Т. 20. №5.
- Голубкин А.В., Яковлев А.А. Об итогах трансформации стран Центрально-Восточной Европы (теоретико-эконометрический подход) // *Экономика и управление*. 2019. № 1 (159). С. 26–27.
- Клеер Ежи. Центральная и Восточная Европа: периферийный и имитационный капитализм // *Мир перемен*. №2. С. 25–40.
- Колодко Г. Посткоммунистический переход к рынку и демократии. Уроки польского опыта // *Мир перемен*. 2019. № 3 С.22.
- Корнаи Я. Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: успехи и разочарования // *Мир перемен*. 2006. № 2. С. 7–45.
- Куликова Н.В., Синицина И.С. Национальные и наднациональные компетенции в процессе расширения Европейского союза на восток // *Опыт наднационального регулирования в региональных интеграционных группировках* / Отв. ред. С.П. Глинкина. М.: ИЭ РАН, 2015.
- Лобанов М.М. Проблемы развития Сербии: как «удержаться на гребне» новой волны экономического роста?: Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2019.
- Лобанов М.М., Глинкина С.П. Проблемы эволюции теории компаративного капитализма с середины XX в. (на примере развитых стран мира) // *Экономическая наука современной России*. 2019. № 4 (87). С. 7–20.
- Лобанов М.М., Глинкина С.П. Разновидности капиталистических отношений в зарубежных странах с формирующимися рынками: проблемы типологизации и методологии исследования // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2020. Т. 36. № 1. С. 7–26.

- Некителов А.Д. Глобализация и стратегия развития экономики России / Проблемы прогнозирования. 2001. №4. С. 9.
- Портяков В.Я. Полезная книга о китайской экономике // Мировая экономика и международные отношения. 2017. №5. С. 118–121.
- Постсоциалистический мир: итоги трансформации. В 3 томах / Под общ. ред. С.П. Глинкиной. Т. 2. Постсоветские государства / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. СПб: Алетейя, 2017.
- Пылин А. Проблемы и перспективы модернизации экономики Грузии в контексте евроатлантической интеграции // Общество и экономика. 2018. № 5. С. 79–96.
- Синицина И.С. Социальная ориентированность «транзитных» стран: общее и особенное // Мир перемен. 2020. №1. С. 148–164.
- Толорая Г.Д., Яковлев А.А. Итоги и перспективы реформирования азиатского социализма // Постсоциалистический мир: итоги трансформации / Под общ. ред. С.П. Глинкиной. В 3 т. СПб: Алетейя, 2018. Т. 3. Азиатские модели реформирования. Возможности и вызовы для России / Отв. ред. Г.Д. Толорая.
- Тураева М.О. Киргизия: некоторые итоги развития национальной экономики за годы независимости // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2016. № 3 (55). С. 100–106.
- Тураева М.О. Национально-хозяйственная система Республики Таджикистан в экономическом пространстве Центральной Азии (механизмы регулирования и приоритеты развития) / дис.на соискание уч. ст. д.экон. наук / Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. Москва, 2012. С. 53–55.
- Тураева М.О. Туркменистан: итоги суверенного развития и приоритеты дальнейшей трансформации // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2016. № 1 (52). С. 42–47.
- Тураева М.О. Экономика Киргизии: институты и ресурсы развития: Научный доклад. М.: ИЭ РАН. 2016. С. 3–39.
- Центральная и Восточная Европа: последствия долгового кризиса в еврозоне / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2014.
- Шурубович А.В. Белоруссия в ЕАЭС: тенденции, проблемы, перспективы // Россия и современный мир. 2019. № 4 (105). С. 91–110.
- Шурубович А.В. Белорусская экономическая модель перед лицом тяжелых испытаний // Россия и современный мир. 2017. № 3. С. 124–127.
- Шурубович А.В. Экономическое взаимодействие России и Белоруссии: интеграционные проекты и национальные интересы. Международ-

- ные экономические и политические исследования. М.: ИЭ РАН. 2018. С. 61–78.
- Экономическое взаимодействие стран-членов СНГ в контексте евразийского интеграционного проекта. Ч. II. Методологические подходы к анализу трансформации постсоветского пространства / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН. 2015. С. 176–403.
- Яковлев А.А. Государственный рыночный капитализм и проблемы китайской экономики // Экономика и управление. 2019. № 5 (163). С. 34–40.
- Яковлев А.А. Евразийский экономический союз и китайская инициатива «Один пояс – один путь»: возможности для сотрудничества // Вестник Института экономики РАН. 2018. №1. С. 204–211.
- Boyer R., Uemura H., Isogai A. (eds.) Diversity and Transformations of Asian Capitalisms. Abingdon: Routledge, 2012.
- Drabokoupil J., Myant M. Putting comparative capitalisms research in its place: varieties of capitalism in transition economies. In: New Directions in Comparative Capitalisms Research. Ebenau M., Bruff I., May C. (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 155–171.
- Hall P.A., Gingerich D.W. Varieties of capitalism and institutional complementarities in the political economy: An empirical analysis // British Journal of Political Science. No. 39(3). 2009. Pp. 449–482.
- Hancké B., Pant S. Comparative institutional advantage in the European sovereign debt crisis // Comparative Political Studies. No. 47 (13), 2016. Pp. 1771–1800.
- Heller P., Keller C. Social Sector Reform in Transition Countries / IMF Working Paper No. 01/35. International Monetary Fund, 2001.
- King L. Postcommunist Divergence: A Comparative Analysis of the Transition to Capitalism in Poland and Russia // Studies in Comparative International Development. Vol. 37. No. 3. 2002. Pp. 3–34.
- Peck J., Theodore N. Variegated capitalism // Progress in human geography. Vol. 31. No. 6. 2007. P. 731–772.
- Petrović P., Lobanov M.M. The impact of R&D expenditures on Co2 Emissions: evidence from sixteen OECD countries // Journal of Cleaner Production. 2020. T. 248. C. 119187.
- Polanyi K. The Great Transformation. New York, Farrar & Rinehart, 1944.
- Schneider B.R. Hierarchical Market Economies and Varieties of Capitalism in Latin America // Journal of Latin American Studies. Vol. 41. 2009. P. 553–575.
- Shonfield A. Modern Capitalism. New York: Oxford University Press, 1965.

- Witt M.A., Redding G.* Asian Business Systems: Institutional Comparison, Clusters and Implications for Varieties of Capitalism and Business Systems Theory // *Socio-Economic Review*. Vol. 11. No. 2. 2013. P. 265–300.
- Wittfogel K.A.* Oriental despotism: A comparative study of total power/ New Haven, Yale University Press, 1957.
- Workers of the world, log on! // *The Economist*. November 17, 2018.
- Yeung H.W.* Chinese Capitalism in a Global Era: Towards Hybrid Capitalism. London: Routledge, 2004.
- Zhang X., Whitley R.* Changing macro-structural varieties of East Asian capitalism // *Socio-Economic Review*. Vol. 11, no. 2, 2013. P. 301–336.

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

www.inecon.ru

Научное издание

**Трансформация моделей экономики
в странах постсоциалистического мира**

Дизайн серии – Валериус В.Е., Ахмеджанова В.А.

Редактор – Полякова А.В.

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 22.20.2020.

Заказ № 23 Тираж 300 экз. Объем 9,6 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭРАН

ISBN 978-5-9940-0672-6

9 785994 006726